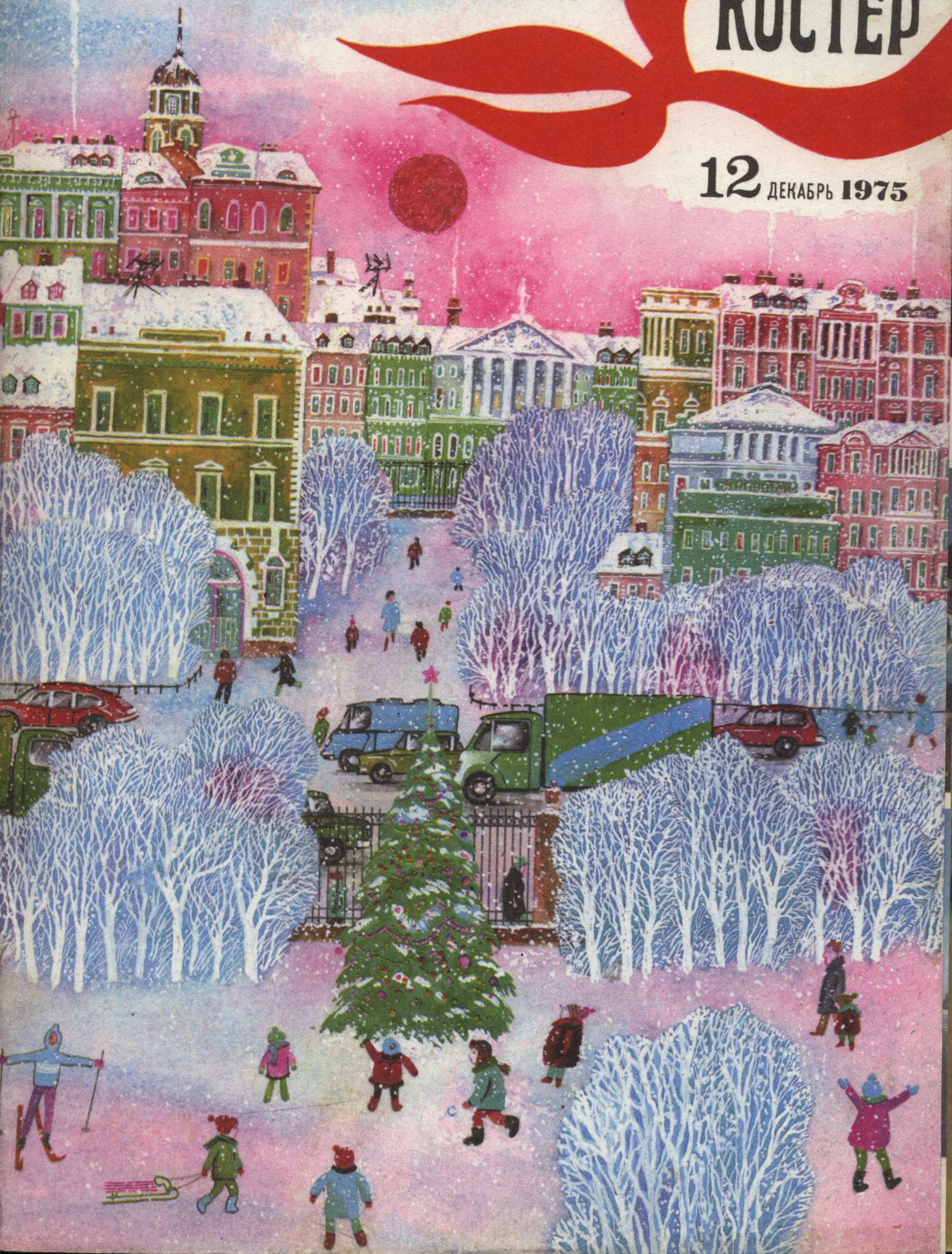

с. 21. 1

КОСТЁР

12 ДЕКАБРЬ 1975

КОСТЕР

12
ДЕКАБРЬ
1975

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© „Костер“ 1975 г.

Рисунки А. Януса

— **Как завершает год советская пионерия! Как участвует во Всесоюзном марше пионерских отрядов под девизом «Берем с коммунистов пример»!**

— Вся наша страна готовится к предстоящему в феврале будущего года XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза.

«Берем с коммунистов пример» — девиз жизни всех пионерских отрядов. Ведь пионерский отряд — это часть детской коммунистической организации, живущей по заветам Ильича! Именно в своем пионерском отряде ребята учатся быть преданными Родине, быть полезными юными гражданами, помощниками старших во всех делах и заботах, учатся солидарности в борьбе за мир.

Созидательному труду — самоотверженному, дисциплинированному — этому тоже учит ребят пребывание в рядах пионерской организации. Встречи с людьми разных профессий, с передовиками производства, с комсомольцами, получившими высокое право фотографироваться у Знамени Победы, — вот форма работы лучших отрядов на Марше. И, конечно, главное дело пионера — отличная учеба в шко-

РАСТИТЕ НАСТОЯЩИМИ ЛЮДЬМИ!

Рассказывает А. А. Деркач, первый зам. председателя Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ле. Здесь он должен брать пример с коммунистов. Без глубоких знаний не может вырасти активный помощник комсомола и партии, будущий хозяин страны. Поэтому мы и говорим: учеба — главный вклад пионеров в пятилетку.

Главная задача Всесоюзного марша «Берем с коммунистов пример» — развернуть активную и всестороннюю работу в пионерских дружинах и отрядах, направленную на достойную встречу XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза.

В сентябре во всех пионерских отрядах прошли сборы, на которых пионеры определили, какой трудовой подарок съезду приготовит дружина, обсудили программу Марша «Берем с коммунистов пример», материалы Международного детского фестиваля «Салют, Победа!». Здесь же были определены ударные объекты «Пионерстрою».

Марш включает в себя ряд Всесоюзных трудовых начинаний, в которых юные ленинцы страны принимали участие и раньше. Например, «Байкало-Амурской магистрали—пионерские рельсы!»

Байкало-Амурская магистраль — ударная комсомольская стройка. Каждый советский человек проявляет к ней живой интерес. По-своему помогают строителям БАМа, заботятся о них пионеры всей страны: идет Всесоюзное пионерское соревнование — собрана 591 тысяча тонн металлолома. Металла, сваренного из этого лома, хватит на прокладку 1266 километров пути на БАМе.

Посланы на БАМ библиотечки, специально для строителей выращены ребятами овощи и фрукты. «БАМу — тепло наших рук» — связаны теплые варежки и носки для строителей.

Сотни тонн бумажного сырья собраны участниками Всесоюзного соревнования «Миллион — Родине».

Пионеры и школьники должны бережно относиться к учебникам и учебным пособиям. И вот объявлена операция «Живи, книга!». В ходе ее отряды проводят смотры сохранности книг и учебников, конкурсы на лучший обменный фонд

школьной библиотеки, соревнование за право передать свои учебники в школьную библиотеку; открывают «книжкины больницы», проводят в отрядах «конкурсы бережливых». Операция «Живи, книга!» — большое, полезное дело пионеров, составная часть Всесоюзного пионерского марша.

Говоря о трудовых делах пионеров в завершающем году девятой пятилетки, нельзя не сказать о пятой трудовой четверти. Миллионы ребят в ученических производственных бригадах, в школьных лесничествах, в «голубых» и «зеленых» патрулях были заняты важным народнохозяйственным делом.

В совхозе «Сяглицы» Волосовского района Ленинградской области несколько лет существует ученическая производственная бригада. В ее составе почти 300 учеников 4—9 классов Большеврудской школы. Это будущие животноводы, механизаторы и полеводы. Школьники работают по-ударному, почти не уступая взрослым. В прошлом году звено механизаторов заготовило 250 тонн картофеля, а группа животноводов в этом году надоила 133 600 кг молока. Руководство совхоза очень довольно работой школьной бригады.

Школьники РСФСР вырастили 450 000 кроликов и 4 миллиона голов птиц. Десять тысяч опытов провели по заданию ученых пионеры Украины. 500 000 центнеров пшеницы и миллион тонн сахарной свеклы — пионерский урожай казахских ребят...

«Воспитание юношей и девушек в духе уважения и любви к труду, — подчеркивал в своей речи на XVII съезде ВЛКСМ Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, — всегда было и остается важнейшей заботой Коммунистической партии и одной из

главных задач Ленинского комсомола. Это большой государственный вопрос. В его правильной постановке и решении заинтересованы все: трудовые коллективы, общественные организации, школа, семья. Он затрагивает судьбы миллионов людей, больше того — будущее страны».

Зайдите сегодня в любую школу нашей многонациональной страны — и вы непременно ощутите атмосферу уважения к труду, почувствуете еще раз смысл хорошо знакомых каждому слов: «Сегодня вы — дети, завтра — советский народ», обращенных Леонидом Ильичом Брежневым к молодому поколению нашей страны.

Завершается год 30-летия Победы над фашизмом. «Быть достойными славы отцов» — такой мыслью жила советская пионерия весь этот год. Ребята полны сердечной благодарности к тем, кто отстоял свободу и мир на Земле.

Во всех уголках страны юные патриоты вели поиск семей погибших защитников Родины и семей тех, кто воевал или ковал победу над врагом в тылу. Нашли — и зажгли яркие тимуровские звезды. Забота эта не временная, не на день или на неделю. Пионерского, тимуровского тепла хватит у ребят на долгие и долгие годы. А значит, связь пионерии с героическим советским народом будет все крепче!

Прошли дорогами боевой славы красные следопыты Урала, Сибири, Поволжья, Дона — всей страны. И наряду с музеями боевой славы появились музеи славы трудовой. Изучая героическое прошлое народа, пионеры еще лучше понимают связь прошлого с настоящим, военного подвига с трудовым.

— Как будут подводиться итоги работы на Марше!

— В организации всей многообразной деятельности пионеров на Марше «Берем с коммунистов пример!» большое значение имеет соревнование за право подписать рапорт Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина XXV съезду КПСС.

Соревнование проходит в каждом пионерском звене и отряде. Итоги его подводятся раз в четверть на сборах звена и отряда. Победителей соревнования в звене отличают красные вымпелы на партах. Фамилии пионеров, получивших вымпел по итогам четверти, заносятся в Дневник пионерского отряда.

Советы пионерских дружин стремятся организовать соревнование так, чтобы всегда и всем было известно, кто сегодня впереди, кому нужна помощь. Выпускают фотовитрины, ведут передачи по школьному радио. По итогам первого полугодия готовится рапорт пионерской дружины о работе на Марше, его подписывают лучшие пионеры — победители всех этапов соревнования. Пионеры-победители будут сфотографированы у дружинного Красного знамени.

Звание «правофланговый» присваивается отрядам и дружинам по итогам учебного года.

— Как сегодня в пионерском отряде живут традиции интернационализма?

Миллион подписей собрали советские пионеры под своим письмом в защиту генерального секретаря Коммунистической партии Чили товарища Луиса Корвалана...

28 000 значков с портретом Владимира Ильича Ленина подарили коммунистам Португалии в знак солидарности с борющимся народом этой страны.

Пионеры СССР участвуют в сборе средств на строительство Дворца пионеров в Ханое.

Во всех республиках Советского Союза есть клубы интернациональной дружбы. Солидарность в борьбе против империализма и реакции, в борьбе за мир пионеры приобретают в рядах своей организации. На примере жизни и борьбы советского народа, Коммунистической партии нашей страны пионеры учатся крепить дружбу с пионерами других стран.

Как вы знаете, в Артеке прошел Международный детский фестиваль «Салют, Победа!». Ко всем пионерам социалистических стран обращен призыв продолжить общую интернациональную работу под девизом: «Берем с коммунистов пример!». Этот девиз наполняет работу каждой дружины на маршруте «Мир и солидарность» большим политическим смыслом. Оправдывая доверие коммунистов, пионеры еще упорнее овладевают знаниями, добросовестно трудятся. Многие отряды отправились в экспедиции и походы по родной земле, чтобы еще глубже узнать, как претворяется в жизнь завет В. И. Ленина об интернациональной дружбе народов. Пионеры побывали на стройках, которые совместно сооружаются рабочими социалистических стран. Во всех пионерских дружинах и отрядах разворачивается подготовка к XI фестивалю молодежи и студентов на Кубе, к детскому фестивалю — «Пусть всегда будет солнце!».

Предстоящий год — канун знаменательной даты в жизни нашей страны и братских социалистических стран — канун 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Знамя Октября — знамя мира и социализма, символ свободной и радостной жизни трудового народа.

„Я ПЕСНЕЙ, КАК ВЕТРОМ, НАПОЛНЮ СТРАНУ...“

К 75-ЛЕТИЮ АЛЕКСАНДРА ПРОКОФЬЕВА

Жил-был на свете замечательный русский человек, поэт-волшебник Александр Андреевич Прокофьев. Роста небольшого, но широкоплеч, улыбчив, а глаза — цвета родной ладожской волны. И стихи у него были рассыпчато-звонкие, многокрасочные и напевные.

У Ладоги
И камень,
И синий-синий шелк.
Он серебрит ситами
И золотит ершом.

Так ярко и темпераментно, на свой особый манер заговорил он смолodu, да так и пел до последних дней своих... А было бы сейчас Александру Андреевичу 75 лет, потому что был он ровесник века.

Сын крестьянина приладожской деревни, он учился в сельской школе и в Петербургской учительской семинарии, а когда грянул гром гражданской войны, молодой большевик девятнадцати лет сражался под Петроградом против банд Юденича. Став политработником, он надолго связал свою жизнь с героической Красной Армией, и эта крепкая закуска осталась в нем на всю жизнь. Вместе с героями своих стихов прошагал Александр Прокофьев и по дорогам Великой Отечественной. Все пережитое, все главное, «отстоявшееся словом» [как любил говорить Маяковский], стало поэтической строкой, образом, «магическим кристаллом» поэзии.

Да! Жизнь и слово — вот две точки опоры для каждого истинного поэта. И слово Прокофьева всег-

да шагало в ногу с жизнью страны, с жизнью родного народа.

А любовь Александра Прокофьева к родине была поистине любовью богатыря. «Я люблю эту землю до слез за былинку последнюю в поле!» — сказал он однажды. Такая любовь не может быть безответной.

И задушевная лирика, и песня, и дробь частушки, и тревожные раздумья, и гневные интонации, когда поэт говорит с врагами, и снова легкий, как порыв весеннего ветра, напев, и забавные стихи, и сказочки для малышей, и книги поэтических переводов братских поэтов Украины и Белоруссии — все это он, Александр Прокофьев.

Много лет назад, в молодости, поэт сказал: «Я песней, как ветром, наполню страну». И время показало, что поэтического дыхания Александру Прокофьеву было не занимать. Нет в нашей стране уголка, где не знали бы это имя — Александр Прокофьев; нет такого края, где бы не звучали его искрометные стихи. Они давно уже шагнули за рубеж, с достоинством проносятся по Земле свет России.

Александр Андреевич и при жизни познал большую славу. Он был лауреатом Ленинской и Государственной премий, был Героем Социалистического Труда. Народ сказал ему спасибо. Он знал людское признание, народную любовь.

Не проходит эта любовь и теперь, как не тускнеют поэтические строки, рожденные сердцем русского поэта-богатыря.

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

ДЕД

Дед мой Прокофий
Был ростом мал,
Мал, да удал,
Да фамилию дал!

Дал на деревню,
На весь уезд,
Дал для сынов
И еще для невест;
Дал, как поставил
Печать с гербом!
А что на печати?
Да дед с горбом!

А где о нем вести?
Вдали, вдали!
А где его песни?
Да с ним легли!
А где его слезы?
В морской волне.
А где его думы?
По всей стране!

А где его доля?
В руках бойцов.
А где его сердце?
В земле отцов!

1959

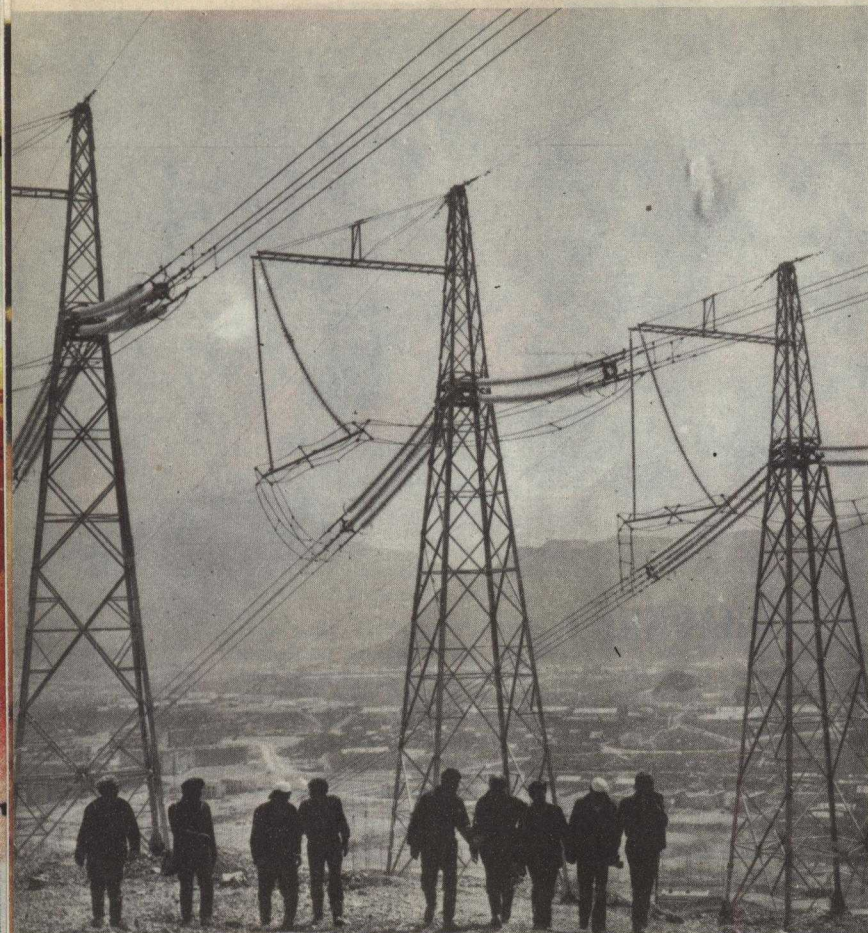

ТОВАРИЩ

А. Крайскому

Я песней, как ветром, наполню страну
О том, как товарищ пошел на войну.
Не северный ветер ударил в прибой,
В сухой подорожник, в траву зверобой, —
Прошел он и плакал другой стороной,
Когда мой товарищ простался со мной.
А песня взлетела, и голос окреп.
Мы старую дружбу ломаем, как хлеб!
И ветер — лавиной, и песня — лавиной...
Тебе — половина, и мне — половина!
Луна словно репа, а звезды — фасоль...
«Спасибо, мамаша, за хлеб и за соль!
Еще тебе, мамка, скажу поновей:
Хорошее дело взрастить сыновей,
Которые тучей сидят за столом,
Которые могут идти напролом.
И вот скоро сокол твой будет вдали,
Ты круче горбушку ему посоли.
Соли астраханскую солью. Она
Для крепких кровей и для хлеба годна.
Чтоб дружбу товарищ пронес по волнам, —
Мы хлеба горбушку — и ту пополам!
Коль ветер — лавиной, и песня — лавиной.
Тебе — половина, и мне — половина!
От синей Онеги, от громких морей
Республика встала у наших дверей!

1930

Декабрь 1975 года. Заканчивается 9-я пятилетка. Весь мир следит за тем, как мы справляемся с нашими грандиозными планами. Строим самые мощные в мире гидроэлектростанции, прокладываем железную дорогу через лесные дебри, пропасти и горные хребты, превращаем засушливые и заболоченные земли в пашню...

Тысячи и тысячи пионеров стали за эти годы комсомольцами. Имена многих из

ОКНО ПЯТИ- ЛЕТКИ

них известны стране. Они уже героически работают на строительстве БАМа, осваивают нефтяные богатства Западной Сибири, делают первые шаги в науке.

Перед вами несколько снимков. Они рассказывают о буднях пятилетки. Вот высоковольтная линия электропередачи. По ней пошел ток из Киргизии, с Токтогульской ГЭС в города и поселки Ферганской долины. А эти две девушки — геодезисты. Они строят Саяно-Шушенскую ГЭС, крупнейшую в мире. Самолет, который вы видите на снимке, работает на БАМе — возит грузы в самые глухие места.

Там же трудится и бригада Григория Гуреева, завоевавшая право уложить последнее, «серебряное» звено между станциями БАМ — Тында.

Фото В. Мариковского,
А. Полякова,
М. Плафштейна,
Ю. Бармина
(Фотохроника ТАСС)

МИШЕЛЬ ПАНТЕЛЕИЧ И ЕГО ВНУК

РАССКАЗ

Арк. МИНЧОВСКИЙ

Рисунки С. Острова

То, о чем здесь пойдет речь, я услышал за границей.

В столице чужой страны мне посчастливилось встретить друга-артиста, с которым дома мы живем на одной улице, а видимся до обидного редко. Знакомый мой постоянно в отъезде и бывает в нашем городе порой и не каждый год.

Вынырнув из подземелья метро, я был ошановлен плакатным изображением своего друга. Выглядывая из-за занавеса — в цирке его называют форгангом — лимонноволосяый клоун с синими зрачками-точками и красным шариком носа добродушной улыбкой зазывал прохожих на представления прибывшего сюда Московского цирка.

Тот, кому приходилось надолго уезжать из родных мест, знает, что за праздник повстречать на чужбине соседа или попросту земляка. Что уж говорить о свидании со славным товарищем!

Я решил навестить друга в тот же вечер.

Но по мере того как вечером я приближался к самому большому в той столице спортивному залу, все больше охватывали сомнения. Попаду ли?! Я слышал — за билетами на представления москвичей выстаивали ночи.

Над крышей здания, похожего на освещенный изнутри гигантский аквариум, в осеннем небе летел огненный всадник. «Цирк—Москва—Цирк» — горела надпись. Внушительное сооружение из стекла и бетона временами будто вздрагивало от взрывов слышных издали аплодисментов.

Мне повезло. Вблизи служебного входа по плитам площадки прогуливал свою поджарую лошадь джигит в красной черкеске. Он несколько не удивился незнакомому русскому, и на мой вопрос, как мне повидать друга клоуна, ответил с легким восточным акцентом:

— Сейчас. Пройдете за мной.

Ведя коня под уздцы, джигит приоткрыл широкие двери-ворота и пропустил меня вперед.

— Он на манеже, немного погодите.

Но он мог мне и не объяснять. По тому, как смехом гремел огромный зал, я обо всем догадывался.

Проем в стене, ведущий к зрителям, закрывала занавеска. Я заглянул за нее и увидел полукружие горой уходящих во тьму тесно заполненных рядов и ярко освещенный диск манежа, на котором уморительно приплясывал желтоволосый клоун.

Я откинул занавеску, шагнул в пространство импровизированной ложи и опустился на стул позади гладкопричесанного человека в ослепительно белом воротничке. Скрестив руки, он следил за представлением.

Еще полминуты — и, позабыв о своем полулегальном положении, я громко смеялся. Да и как было иначе! С десятков раз я видел эту сценку и всегда хохотал до слез. Ничего тут, казалось, не было особенного, а вот поди же как смешно! Дурашливо припрыгивая, клоун наигрывал веселый мотивчик. Одетый во фрак важный инспектор манежа не позволял чудачку озорничать и отбирал у него то дудочку, то маленькую гармошку. Но лишь только инспектор уходил, клоун доставал другой инструмент и принимался за свое. Из необъятного пиджака и штанов появлялись скрипка, флейта, труба. Инспектор терял покой и, забыв о своей важности, уже гонялся за клоуном, который и на бегу продолжал веселиться. В конце концов клоун глотал последний свисточек и сдавался, поднимая руки. Но лишь успокоившийся инспектор, одергивая борта фрака, удалялся, клоун непонятно откуда вытаскивал тромбон. Теперь он, сумасшедше трубя, наступал на инспектора и, оглушив его, убегал с манежа под смех и грохочущие аплодисменты.

Многие из тех, кого в цирке зовут коверными, исполняли эту сценку, но не имели в ней такого успеха, как мой друг. Он был одновременно смешон, по-мальчишески ловок и обаятельно-лукав.

И здесь, в малоприспособленном для циркового представления спортивном зале, он покорила всех. Клоуну шумно хлопали и с нетерпением ждали его нового выхода.

Сидевший впереди человек резко повернулся ко мне. Но не самовольное мое вторжение сюда было тому причиной. Кивнув головой в глубину зала, он сказал:

— Там президент. Смеется...

В сумерках рядов напротив я разглядел ложу с флагами, ниспадавшими с барьера. Красным, с серпом и молотом, и трехцветным — страны, где гастролировал цирк. Снежно беле-

ли манишки мужчин. Отблеском прожекторов сверкали драгоценные камни на шее супруги президента. Сидящие в ложе смеялись. Смеялся и глава республики, хорошо знакомый мне по снимкам, часто появлявшимся здесь в различных газетах.

— Исключительно! — проговорил человек в высоком воротничке и снова повернулся к манежу.

Мой друг был удивлен и счастлив свиданием. Он был в заметно приподнятом настроении. Торопливо снял мешковатый пиджак и скинул свои смешные разлапистые туфли. В тельняшке с широкими полосами уселся к зеркалу, чтобы снимать грим.

Сорвав с головы желтый парик и отняв от лица клоунский нос, повернулся ко мне, наполовину еще цирковой, а наполовину уже привычный — обыкновенный, и сказал:

— Понимаете, представили президенту. Пожал мне руку. Сказал, что давно так не смеялся. Господа, что с ним были, хлопают... Не знал, что и делать. Кланяться глупо. Благодарить с такой рожей?.. Ну их.

Но он был рад, хотя и пытался этого не показывать, закрывая лицо ладонью, которой размазывал вазелин.

Он предложил мне пройти пешком, и вскоре, покинув затухшую громаду спортивного зала, мы уже неторопливо шагали вместе к центру столицы.

— Очень мало удастся видеть, хотя я здесь в третий раз. Работаем по два представления в день. Почти ежедневно.

Ночная жизнь города, вступив в свои права, оставила мало прохожих. Но будь бы их множество, они не могли бы нам помешать. Несмотря на популярность моего друга, вряд ли бы кто распознал знаменитого клоуна в невысоком коренастом человеке с лицом мастерового, в плоской кожаной кепке, из-под которой неровными кочьями выглядывали начинавшие серебриться волосы. Особенность его актерской профессии помогала оставаться неузнанным там, где знаменитостям кино или спорта приходится расплачиваться за свою и без того недешево доставшуюся славу.

Еще немного, и мы оказались в одном из переулков у Центрального столичного рынка. Здесь не спали. К мясным лавкам с настежь открытыми двустворчатыми дверями, басовито урча, подходили грузовики-рефрижераторы. Лязгали запоры, и свет падал на розовеющие в вагонных просторах машин подвешенные за ноги громадные туши. Могучие краснолицые грузчики в белых халатах снимали их с крюков и, лишь чуть пригнувшись, тащили на спине в помещения лавок, где многопудовые туши снова вздевали на крюки.

— Отлично работают. Смотрите, какой точный ритм. Поднял, подхватил, понес... Все рассчитано. Не мешают друг другу.

Неузнанный никем клоун замер, любуясь работой дюжих грузчиков. Я не мешал ему. Может быть, в этой картине ночного труда он увидел что-либо привлекательное для своего искусства.

— Зайдемте сюда. Ненадолго, — показал он в сторону дома напротив. — Я был тут в прошлый приезд. Интересно.

Мы перешли улицу и оказались в ночном бистро — кабачке, какие в этом городе встречались на каждом шагу.

Небольшое помещение освещали подвешенные к потолку лампы, напоминавшие старинные керосиновые. У стен с деревянными панелями теснилось несколько столиков. Напротив высилась стойка, сплошь облепленная листками реклам. За ней, перед полками, уставленными бутылками, как книгами, перетирал стаканы тучный усач без пиджака, в красных подтяжках.

Все столики оставались свободны. Мы выбрали дальний и уселись друг против друга. Отсюда было хорошо видно все, что делалось в бистро. В конце стойки, возле витрины, собралось трое грузчиков, видно, уже закончивших работу. Различного роста, одинаково кругогрудые, с шеями борцов, одетые в белое, они подходили на группу, высеченную из мраморной глыбы и слегка расцвеченную. Медно-красные лица, со спущенными на глаза каскетками, не отличала живость. В пальцах мясистых рук грузчики держали стаканчики с каким-то темным напитком. Они переговаривались негромко и коротко. До нас долетали лишь отдельные слова.

Усатый хозяин принес на подносе кофе и два приземистых пузатых бокала.

— Прошу, — прерогворил он, с удивительным проворством для своей массивной фигуры расставив все это перед нами, и, поклонившись, отошел.

— Артист, — оценив ловкость толстяка, отметил мой друг.

Я коснулся чашки и сразу же оторвал от нее пальцы. Заметив это, клоун улыбнулся.

— Осторожно! Кофе здесь подают огненный. Тут мастера — артисты своего дела. Посмотрите на этих тяжеловесов, — глазами он показал в сторону грузчиков. — Каждый из них по своему артист.

— У вас все артисты, — рассмеялся я. — Это, видимо, оттого, что вы сами превосходный мастер.

Он немного подумал и ответил:

— Артист лишь тогда мастер, когда в нем не видишь артиста. Тогда он настоящий.

Я понял, он не прочь поговорить, что вообще с ним случалось не часто. Надеюсь воспользоваться удачной минутой, я все же спросил:

— Вы, наверно, устали? Завтра опять работать.

— Завтра одно представление, — он поднял указательный палец. — Суббота. Здесь свои законы.

Решившись, я ринулся в атаку.

— Давно хотел вас спросить, если не надоело, как вы стали клоуном? С чего вообще это началось?.. Вы ведь не из цирковой семьи.

Он быстро взглянул на меня и наклонил голову. Пожалев о своей беззастенчивости, я решил, что вечер погублен. Но мой знакомый вздохнул, подвинул свой бокал к моему, слегка чокнулся и сказал:

— Нет, отчего же... Если вы хотите. Давно это началось. Я заболел цирком с мальчишеских лет. Винавата во всем оплошность нашего деда. — Видно, что-то припоминая, он задумчиво улыбнулся. — Длинная, забавная история. Нет, пожалуй, не такая уж и забавная. Знаете, моему деду не могло и сниться, что мне, клоуну, станет пожимать руку президент.

Он поводил по столу зажатой между пальцами коротенькой ножкой бокала и, опять взглянув на меня, спросил:

— У вас есть время?

— Сколько хотите.

В ту ночь в маленьком ночном бистро мы за сиделись запоздно. Над дверью предупредительно позвякивал колокольчик. В помещение входили грузчики и другие запоздалые гости. Недолго стояли у стойки и, выпив свое, уходили. Нас никто не тревожил. Вот тогда я и услышал эту действительно не совсем забавную историю, которую намерен рассказать, конечно же, с разрешения моего друга.

Одного он мне не позволил — назвать его настоящее имя. Рассмеявшись, сказал: «Придумайте какое-нибудь. Не все ли равно». Но я все же не стал выдумывать. Герой моего рассказа остается без имени и фамилии. Черты его тоже несколько изменены. Ну, а если найдутся те, которые догадуются, о ком идет речь — я в том не виноват. Данное слово я сдержал. Впрочем, кто он, мой друг, это и в самом деле не имеет большого значения.

Мой знакомый придвинул к себе чашку с кофе и начал.

— Я из Черемшинска. Значился такой старинный город на российской карте. Теперь его, можно сказать, нет. Черемшинск вошел в большой город с другим названием. Рядом вырос завод-гигант. Нашего городка не узнать и тому, кто прожил там долгие годы. Где были палисадники, поднялись нынешние дома. Есть и четырнадцатизажные. Ходят троллейбусы. Из старины осталась одна церквушка да угол монастырской стены. Говорили, когда-то Иван Грозный сослал в тот монастырь одну из своих жен. Может быть, и правда, потому что Черемшинск почти до самой войны был городом как у Гоголя: сто лет скажи до него — не доскачешь. Летом к нам ходили пароходы «Лебедь» и «Товарищ». Зимой — как знаешь, так и добираться. Правда, когда начали стройку, картина менялась. Тянули ветку, возводили мост. Но сам Черемшинск еще оставался далеким го-

родом — районным центром, с редкими каменными строениями, с деревянным театриком в Саду трудящихся.

А для меня с моими товарищами не было на свете земли лучше черемшинской. Какие окуни ловились в нашей Черемшихе!.. Сколько грибов в лесах!.. А яблоки в садах!

Жил я с отцом и матерью в доме, еще построенном прадедом. Летом отец работал на пристани. Действительную он отслужил в Кронштадте и дело знал. Зимой где-то слесарил. Мама трудилась на кружевной фабрике. Жили.

И вот перед войной, года, наверно, за три, появился откуда ни возьмись дед, о котором раньше я ничего не слышал. Я знал: мой дед — мамин отец, погиб в империалистическую войну под неизвестным мне Перемышлем. На стене в большой комнате висела пожелтевшая фотография. Дед в лихо сдвинутой набок папаше, с закрученными усами, с погонами на шинели. На середине груди медали и крест. Потом я узнал, что дед мой был георгиевским кавалером, героем той далекой войны, а тогда всех, кто с погонами и крестами, я считал белогвардейцами и никак не мог смириться с тем, что мой дед сражался за царя.

Тот дед, что появился однажды осенью, был совсем другим. Он был моим двоюродным дедом — братом маминого отца, совсем не похожим на настоящего деда, если сравнивать с фотографией.

Мама не помнила своего дядьку. Да и не могла помнить. Он пропал, когда ее еще не было на свете. Из семейных рассказов было известно, что дядька ушел из дому мальчишкой, будто бы еще в том веке. Пока была жива его мать — моя прабабушка, он время от времени присылал ей из разных городов деньги. О себе ничего не писал и, где живет, не сообщал.

В семье этого деда считали беспутным бродягой. Про него забыли. Потом он и вовсе словно сгинул со света.

И вот он вдруг объявился. Приплыл на «Лебеде» с большим обшарпанным чемоданом-гармошкой, добела протертым на сгибах, и неуклюжим каким-то сундуком, вернее, даже ящиком, на стенках которого остались следы старательно содранных наклеек.

Вернулся уже стариком. Был совсем лыс. Только на висках и затылке оставалась белесая подковка волос. Худощавый, среднего роста, с бритым лицом, на котором навсегда осталось такое выражение, будто он сделал что-то плохое и теперь ему совестно.

Видно, он не очень-то и надеялся на то, что его пустят жить к нам, хотя на старости лет и потянуло домой. Но места у нас хватало. Тогда еще не началась стройка и в старых домах не теснились, как это было позже.

Пропавшему деду выделили комнатку. В ней он и обосновался со своим странным багажом.

Где он с тех давних пор скитался и что делал, старик не рассказывал. Но его и не спрашивали. Отец у меня был не из любопыт-

ных, молчаливый, оживлялся он только выпив. Тогда становился весел и говорлив. Умел плясать и выделывал разные фигуры, что меня с малолетства приводило в восторг. Я как праздника ждал, когда отец немного выпьет. Это и случалось лишь в праздники.

Не расспрашивал деда про прошлое отец, не донимала расспросами и мама. Они во всем с отцом были заодно. Только то и узнали от старика, с его слов, что он не женился, детей не имел и остался одиноким.

Поселившись у нас, он поступил ночным сторожем на кружевную фабрику. Уходил на работу поздно, а днем спал мало. Так я и не понимал, когда он спит.

Не сговариваясь, стали мы его называть «нашим дедом». Дед не дед, а все-таки... А для меня он стал просто дедом. Не было у меня раньше дедушки и вот появился.

С нашим дедом мы отправлялись на Черемшинку за окуньками. В летнюю пору часто бродили по лесам. Лесов вокруг городка было вдоволь.

По лесу дед ходил непохоже на других. Останавливался и, запрокинув голову, глядел на верхушки елок, замирал перед полянами. В лесу он становился иным. Громко хлопая в ладоши, гонялся за пичужками. Умел дед замечательно свистеть: без пальцев во рту, но так, что уши затыкай. Он и меня научил этому свисту. Сколько ни бились мои уличные приятели, у них и похожего ничего не получалось.

Стали мы с дедом будто бы товарищами, а разузнать у него, откуда он приехал и что был за человек, я не мог. Только слышал — объехал он всю нашу страну, видел множество разных городов. Я был готов слушать его раскрыв рот, я ведь дальше деревень за Черемшинском не ездил никуда. Но он не был щедр на рассказы. Обронит что-нибудь про дальние места и больше ни слова.

Иногда я замечал — он скучает. Сидит на стуле в своей комнате, руки сцеплены на коленях, наклонив голову, смотрит вниз. Но стоило мне застать его в таком положении, тут же поднимется и заговорит со мной, словно и не скучал.

Как-то я, не выдержав, спросил его.

— Дед, кем же ты все-таки был, когда ездил по всем городам?

Он заговорщицки мне подмигнул, рассмеялся.

— А никем. Просто так мотал с места на место.

— Нет, неправда, — не соглашался я. — Был ты кем-то!

Тогда он, слегка вздохнув, сказал:

— Может быть, и был, да забыл. Не помню. И больше о том ни звука.

Тогда закралась мне в голову дурная догадка, что наш дед был вором. Теперь стал старым, порвал с воровской шайкой и приехал туда, где о нем никто не знает ничего плохого. От мысли этой у меня спирало дыхание. Если бы, думал я, он доверил мне свою тайну, я бы никому не выдал. Он сам, конечно, стыдится свое-

го прошлого. Теперь наш дед человек честный, иначе кто бы ему доверил охранять фабрику?! Про себя я простил деда, но сказать ему о своей догадке не решался. Что, если не так?!

И понятно, что больше всего меня в те дни интересовало содержимое дедова сундука. Что он там в нем прячет? Быть не может, чтобы наворованное. Дурак он, что ли?! Сундук при мне никогда не раскрывался, и на нем висел вде-тый в кольца надежный замок.

Однажды, когда мы были вдвоем, я, показав на сундук, будто от нечего делать, поинтересовался:

— Что у тебя там за чудо, дед?

Он ответил не сразу. Взглянул на сундук так, словно сам увидел его впервые, и сказал.

— И верно, чудо. Ничего там нет. Разный хлам. Давно бы пора выкинуть.

Не очень-то я ему тогда поверил. Кто же станет держать хлам, который надо выбросить, за двумя замками.

Любопытство распирало меня. Порой, когда деда не бывало дома, я припадал к сундуку. Оглаживал его и ощупывал. И обнюхивал его. Ведь он на самом деле чем-то пахнул. Это был незнакомый мне запах. Теплый, немного кислотоватый и чуть горький.

Года два уже прожил у нас дед. Привыкли к нему и дома, и по соседству. Все звали его Пантелеичем, а имени — Михаил — никогда не упоминали. Так уж было заведено на нашей улице. По имени взрослые никого тут не называли. Только и слышалось: «Ивановна», «Мироновна», «Петрович», «Савелич»...

Старый Пантелеич больше ни у кого не вызывал особого интереса. Живет человек, никому другим не мешает жить. А откуда он взялся, о том уже перестали и говорить. У каждого своя судьба. У Пантелеича, стало быть, такая.

И вот наступил день, когда все обернулось по-новому.

Мой знакомый напротив за столиком обрывал рассказ. Уже совсем было переселившись в старый русский город, я вновь оказался в чужой стране. Рассказчик умолк, внимательно глядя на меня. Вероятно, стремился понять, интересно мне на самом деле или я из вежливости слушаю его не перебивая. Однако убедившись, что внимание мое искренне, задумчиво проговорил:

— Да, вот, удивительно, все помнится, будто было вчера.

Мы подозревали усаха и снова попросили кофе.

Мой друг продолжал.

— К нам в город приехал цирк. Было это уже перед войной, когда началось строительство завода. Наш Черемшинск ожил. Будто протер глаза после долгого сна. В старых домиках поселились квартиранты. На работу их возили на автобусах и грузовиках. Жили и за городом. Поставили там палатки, похожие на длинные сараи с окнами.

В тот год после майских праздников на заборах и стенах запестрели афиши: «Едет цирк!», «Госцирк-шапито», «Внимание, скоро — цирк!» Появились плакаты с замысловатыми фамилиями акробатов, гимнастов и дрессировщиков и обещанием, что «весь вечер у ковра» станет веселить публику клоун Лев Удачкин.

Нечего говорить о мальчишках, смотревших по десятку раз картину «Цирк», славу которой для нас затмевал только «Чапаев». Но и взрослые с нетерпением ждали начала гастролей. А мы, огольцы, что ни день носились к полуразвалившимся воротам городской заставы встречать цирк и дрожали при мысли, что может он вдруг в Черемшинск не приехать.

Но цирк все-таки прибыл. Приехал в нескольких вагончиках на колесах, прицепленных к грузовикам. Вагончики полукругом составили на Базарной площади неподалеку от рынка. В одном из них, к нашему ликованию, раздавался медвежий рев.

Уже на следующий день стали устанавливать шапито. Подняли две высоченные мачты и принялись сколачивать что-то похожее на круглый забор, за которым строились невысокие трибуны с деревянными скамейками. Потом поднялся брезент и закрыл от нас все, что было за ним.

Нисколько не интересовался приезжим цирком, кажется, только один наш дед. Когда я, прибегая с площади, рассказывал ему, что там видел, дед слушал меня рассеянно. Покивав головой и пробормотав: «Ну хорошо, хорошо...», он уходил к себе в комнату.

Я приставал к нему.

— Дед, мы пойдем с тобой в цирк вместе? Мама мне даст денег.

Он отнекивался.

— Иди один. Я сам тебе на билет дам. Что мне смотреть, не видал я цирков?!

Это было странно, потому что, например, наш дед часто бывал в кино. На картины, когда пускали до шестнадцати лет, мы ходили вместе. Оба мы любили комедии. Дед смеялся не меньше моего. Задиристо как-то по-детски хохотал. Засмеется, потом оглядывается в темноту, на соседей. Будто стыдится своего смеха.

И тут он пошел со мной в кино. Было ему в те дни дома как-то не по себе. Даже на дежурство на фабрику уходил раньше времени.

Всегда мы ходили в наш кинотеатр через Базарную площадь. Так было поближе. А тут дед повел меня по главной улице, не сокращая дороги: «Идем так».

Назад шли тем же путем и разговора про увиденную картину, как это у нас водилось обычно, на тот раз не получилось.

На главной улице находилась гостиница «Центральная». Двухэтажный каменный дом с рестораном. Почему она называлась «Центральной», неизвестно. Других гостиниц в городе не имелось.

Ну так, шагали мы молча домой. Приближались уже к гостинице. На улице было светло. У самой «Центральной» навстречу нам попался

незнакомый человек. Мне показалось, увидев его, дед хотел юркнуть в сторону, но было уже поздно. Встречный заметил его и шел к нам, удивленно вскинув брови.

Был он одет не по-здешнему: в светлый костюм и высокие начищенные сапоги. На шее бантик-бабочка. На голове большая кепка с пуговкой сверху.

— Мишель!.. Ты?! Глазам своим не верю!.. Откуда в этой дыре?!

Прокричав все это так громко, что было, наверно, слышно на другом углу улицы, человек в кепке с кнопочкой обнял нашего деда и, не выпуская из своих рук, расцеловал.

— Так вот он куда спрятался, старый хитрец!.. — продолжал он, уже отпрянув и стискивая деду плечи. — Пропал, совершенно испарился... Я и в Москве интересовался. Никто не знает, куда подевался...

Увидев, что дед кидает в мою сторону растерянные взгляды, я решил пройти вперед и подждать его поодаль. Назвавший его хитрецом был моложе нашего деда, хотя из-под кепки и выглядывали аккуратно подстриженные седые височки.

Но тут меня позвали. Показав на меня, дед сказал:

— Это мой внук, Иван Августович.

— Глядите, все у него есть, — проговорил тот и, оставив старика, пожал мне руку. — Рад знакомству.

Рука у него была твердая, будто из камня. Мне показалось — где-то я уже видел этого человека, слышал его громкий голос. Вскоре они с дедом попрощались.

— Приходи!.. Обязательно приходи с внуком, Мишель. Зайдешь и вспомним былое! — крикнул нам вдогонку дедов знакомый.

Расставшись с ним, дед заспешил домой, а я вдруг вспомнил, где видел и слышал этого человека. Совсем не такой нарядный, в рабочей одежде, он распоряжался на Базарной площади, когда там расставляли вагончики.

— Я знаю этого в кепке! — вскричал я. — Он из цирка, да?

Мысль о том, что человек, с которым наш дед на «ты», какой-то начальник в цирке-шапито, взволновала меня.

— Да, — глотая слова, проговорил он. — Это Иван Августович. Он там служит.

— Откуда ты его знаешь?

— Знаю. Давно.

— Откуда?

— Встречались. Говорил же я тебе, что бывал повсюду. Ну, людей разных знаю, мало ли!

— Почему он сказал, что у нас дыра?

— Для него, может быть. Он и за границей бывал.

— А почему он тебя назвал Мишель?

— Так меня звали раньше.

— Кто звал?

— Все, кому не лень.

По тому, как он неохотно отвечал, я понял, что большего мне от деда сегодня не добиться. Надувшись, я молчал всю оставшуюся дорогу

до дому. Но он, видимо занятый своими мыслями, кажется, и не заметил.

А через день произошло еще более для меня удивительное.

Забегав из школы домой, чтобы забросить свой испытанный в боях парусиновый портфель и удрать на улицу, я услышал из маленькой комнаты голоса. У нас с дедом не имелось секретов, и я заглянул за дверь.

И тут я увидел: в гостях у него был тот самый Иван Августович из цирка! Значит, он узнал адрес и пришел к нам.

Гость уже собирался уходить и стоял, держа в руках кепку. Наш дед тоже стоял, прощаясь с ним.

— Ну, все! По гроб жизни будем тебе обязаны, — гремел Иван Августович. — Ты всегда выручал, кто не помнит... Старая гвардия, что там говорить...

— Да ладно, — отмахивался дед. — Я ведь уж и не думал... Что поделаешь, придется... Только уж как договорились. И вот, — он повернул голову ко мне. — Его на представление.

— Какой разговор! Этого-то атлета, — знакомый деда, как тогда, у гостиницы, протянул мне руку. — Сделайте одолжение! Приходи, друг, завтра на премьеру. Начало в восемь. Минут за пятнадцать приходи. Скажешь — от Ивана Августовича. Можешь с приятелем...

— Мы с дедом, — сказал я.

— С дедом? — гость как-то многозначительно посмотрел в его сторону. — Это уж вы сами.

Дед пошел провожать гостя. Когда он вернулся, я спросил:

— Ты пойдешь со мной в цирк?

Он замотал головой.

— Не могу. Ты уж с кем-нибудь.

— Я хочу с тобой.

— У меня дело.

— Какое дело? Завтра ты не дежуришь. Я знаю.

— Все-то ты знаешь, все понимаешь. Занят я и все! Иди сам, раз тебя позвали.

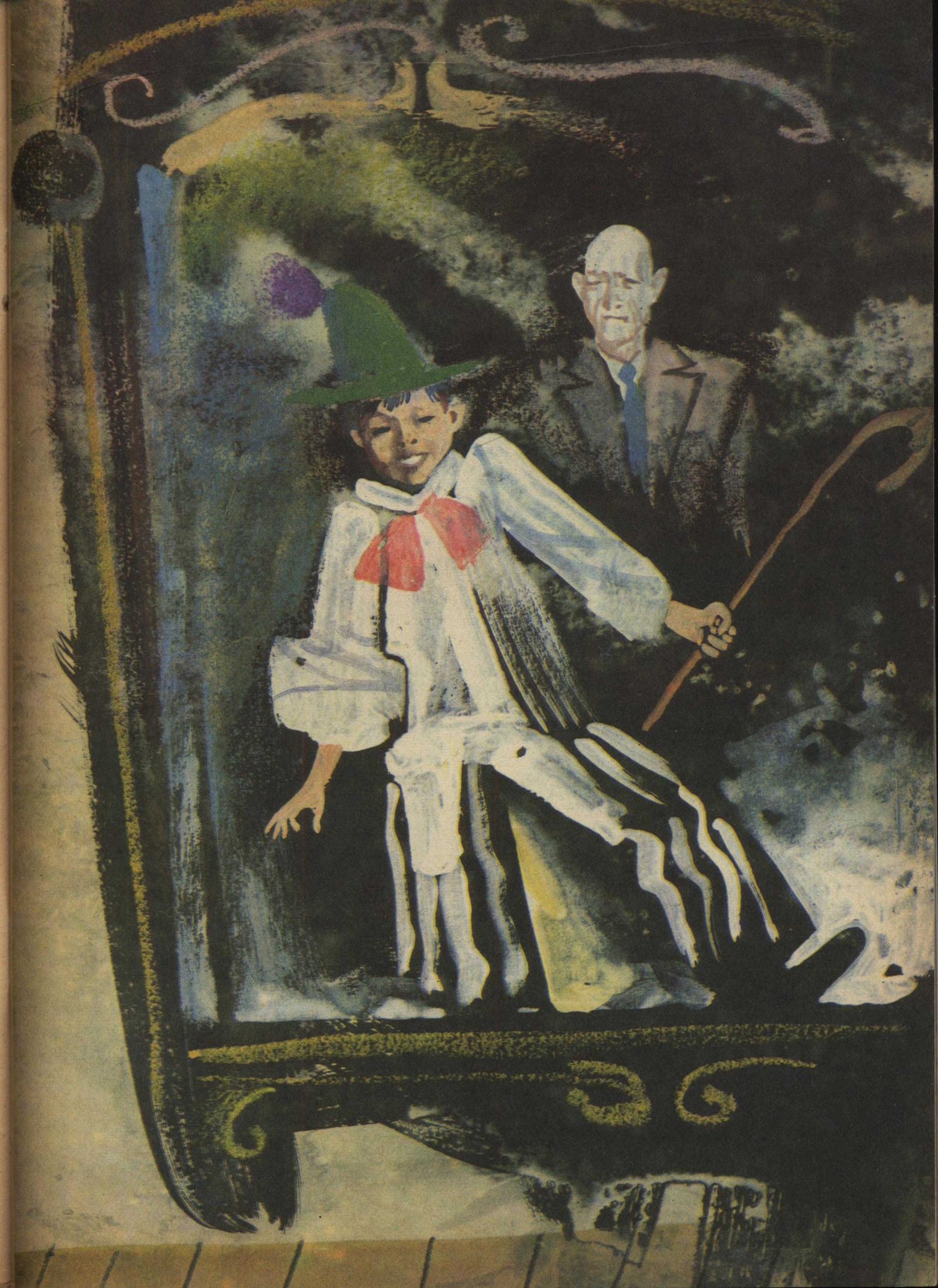
Тут дед неожиданно рассердился и стал кричать, что я слишком много о себе понимаю. Визгливо, совсем не похоже на себя, горланил, что я еще мало ел каши, чтобы верховодить. Что он хочет покоя, а ему не дают. Что с него довольно, и всякое такое прочее.

Прежде с ним подобного не случалось. Подавленный я ушел на улицу, но и там не мог успокоиться. Не понимая, что стряслось с нашим дедом, я догадывался, что причиной внезапной перемены был посетивший его гость. Но зачем же ругать меня?

Я обиделся, решил с ним не разговаривать и в цирк, куда меня обещали пропустить бесплатно, не ходить.

На другой день дед исчез из дому с утра. Не пришел и обедать. Маме он сказал, что должен будет в чем-то помочь на фабрике, но я тому не верил.

Была суббота. Обыкновенно по субботам мы с отцом или дедом ходили в баню. Но сегодня

мои родители были позваны на свадьбу, и в баню со мной никто не пошел.

После обеда, пользуясь полной свободой, я гонял с мальчишками по улице. Играли в «чижика» и «попа-загонялу». Меж тем про себя я все время твердил, что назло деду ни за что не пойду в цирк. Однако время склонялось к вечеру, и твердость решения начинала давать трещину. А при чем тут, в конце концов, дед, думал я? Ведь в цирк меня позвал Иван Августович. Вот возьму и пойду, а дома вообще не скажу, что был там.

Словом, в семь часов вечера я уже рылся в мамином комоде, отыскивая свою праздничную синюю рубашку, а в начале восьмого, положив в условленное место ключ, во всю прыть неся к Базарной площади, беспокоясь, как бы не опоздать на представление.

Что-то удерживало меня от того, чтобы взять с собой кого-то из ребят. А вдруг знакомый деда позабыл про меня. Хорошо тогда буду!

Я не только не опоздал, а явился на площадь, когда широкие двойные двери шапито были еще закрыты. Над окошечком похожей на большой скворечник кассы висело объявление о том, что все билеты на сегодня проданы. И все же возле кассы, неизвестно на что надеясь, толпился народ. Подозрительно поглядывая на снующих возле входа мальчишек, прогуливался милиционер с наганом на боку. Неужели, думал я, вот так, запросто, я пройду в цирк? И чем больше я сомневался, тем сильнее хотелось туда попасть. Дважды я обошел кругом двугорбый шатер. За забором слышалось что-то похожее на выстрелы, лай собак и ржание коней.

Наконец голубые двери растворились и нетерпеливая публика повалила в цирк. С дрожью в ногах вступил я под брезентовые своды.

— Проходи на свободные, — велела мне толстая контролерша с надписью «Госцирк», вышитой по обоим углам воротника тужурки.

Шапито внутри показался мне похожим на океанский парусник, каких я тоже, конечно, не видел, но о которых к тому времени достаточно начитался. По-корабельному высились две мачты. Круглые отверстия на вершине брезентового шатра не прилегали к ним вплотную, и в кольцах оставшегося пространства виделось еще не угасшее, сиреневое небо. По-корабельному спускались сверху канаты и свисала веревочная лестница. Казалось, поднимись ветер, заскрипят мачты, цирк-парусник помчится по бурным волнам.

Мне нашлось место в седьмом ряду у среднего прохода. Оттуда был отлично виден занавес, за которым скрывались артисты. На тесной площадке сверху настраивали свои инструменты музыканты.

Но вот и зажглись яркие лампы, в сумерки погрузив скамьи со зрителями и высветив желтый круг манежа.

— Представление начинается!

Это чеканно выстрелил словами человек в

коротеньком фраке, с белой рубашкой и жилетом. Он стоял посреди арены и, крутя напоявленной головой, оглядывал заполненные публикой ряды. Я узнал его сразу. Это был сам Иван Августович, сейчас по-особенному шикарный. Я был горд знакомством и с превосходством смотрел на сидящих поблизости мальчишек. Знали бы они, что этот главный распорядитель еще вчера здоровался со мной за руку! Мне очень хотелось, чтобы Иван Августович увидел меня, и я изо всех сил высовывался вперед.

Представление меж тем уже шло. Вся в лиловом, с блестками на груди гимнастка вертелась на трапеции, укрепленной в вышине меж мачтами. Ее сменил молодой жонглер. Взяв в зубы палочку, он ловил на нее мячи, бросаемые публикой. Потом скакала на лошади наездница с длинными волнистыми волосами и золотыми кольцами в ушах. Вот она спрыгнула с седла и, отпустив коня, раскланивалась перед зрителями. Знакомый нашего деда не отпускал наездницу с манежа, и она снова кланялась, придерживая руками края своей воздушной юбочки и благодарно улыбаясь.

В это время за моей спиной послышался оглушительный свист. Вниз по проходу, топя ножищами и вовсю вопя: «Браво, браво!.. Бис, би-и-с!..», пронесся рыжий клоун. В вытянутых руках, на которых манжеты болтались отдельно от рукавов, он держал горшок с цветком, намереваясь преподнести его наезднице. Рыжий уже было перепрыгнул барьер, но, споткнувшись, растянулся. Горшок вылетел из его рук, взорвался и разлетелся на куски. Клоун поднялся, выплюнул с полкило опилок и, громко рыдая, прохромал за наездницей.

В следующий раз он выбежал на арену сразу же после выступления прыгунов-жокеев. В руках рыжего оказался длинный кнут. Он шелкал им и требовал от одного из подметавших манеж униформистов, чтобы тот изображал коня. Ловкий парень, пробежав один круг, сумел провести Рыжего и выманил у него хлыст. Теперь уже сам превратившись в «дрессировщика», униформист гонял клоуна. Он заставлял его бежать все быстрее и быстрее. Клоун несся по кругу, широко раскидывая ноги в узких клетчатых штанах. Он тяжело дышал и, оглядываясь, просил пощады. Размалеванное лицо с загнутым вверх глупым носом стало совсем не смешным, хотя иные из публики и радовались потехе. Мне сделалось жаль бедного Рыжего. Густой грим не скрыл от меня того, что клоун был стариком.

И тут я чуть не закричал, пораженный внезапным открытием. В Рыжем я узнал нашего деда! Не было сомнений — это он. Его смешная походка ногами врозь. Именно так он бежал по лесу, пугая пичужек. Это были его длинные костлявые руки, высовывавшиеся из коротких рукавов.

К моему счастью, фрачный распорядитель прекратил затянувшееся чудачество. Он забрал кнут у молодого униформиста и, погрозив ему,

прогнал обоих с арены. Рыжий ускакал за кулисы, держась сзади за штаны, а Иван Августович объявил:

— Весь вечер у ковра клоун Мишель!

Так вот почему он его так называл на улице, а я думал, просто шутит.

Сраженный невероятной новостью, в антракте я не находил себе места. Наш дед — рыжий клоун! Что делать — радоваться? Но ведь деда все обижали. Разве это было смешным, хоть он и старался рассмешить публику. Кончились подозрения о дурном прошлом Пантелеича. Он служил в цирке, с ним и побывал повсюду. Но почему не хотел о том ничего рассказывать? Стыдился, что всю жизнь падал и глотал опилки? Что получал по заду метлой, что его гоняли? Но ведь это было по-нарошному. И зачем вернулся в цирк и вот снова на манеже?.. Десятки вопросов терзали мое воображение.

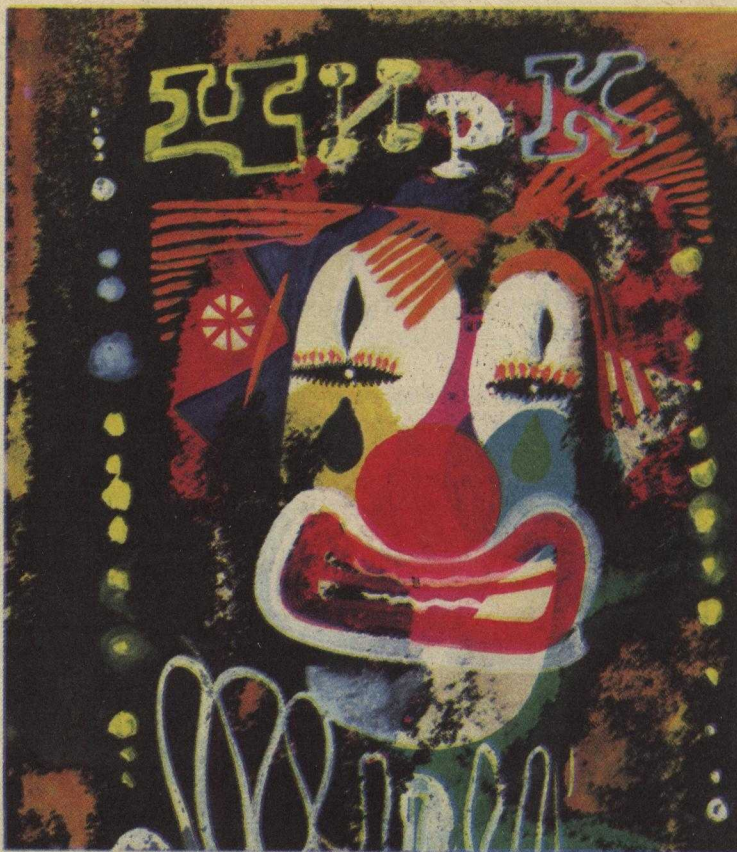
К антракту на улице потемнело. В пространство меж мачтами и брезентом гляделись звезды. Зрители выходили на площадь, но я не покидал шапито. Я обходил круг барьера, приближался к занавесу, отделявшему нас от служебных помещений цирка. Пытался заглянуть за него и узнать, что там делается. Но подойти не позволяли дежурившие у выхода на арену служители.

С той стороны из-за занавеса до меня доносился непонятный запах. Пахло горьким и немного кислым теплом. И тогда я вспомнил — ведь так же пахнул сундук нашего деда. Это был запах цирка, который навсегда въелся в стенки ящика. Почему же, почему дед все скрыл от меня?..

Во втором отделении Рыжий выходил несколько раз. Когда выступали собачки, дед вертелся среди них и ускакал с манежа только тогда, когда и ему, как заупрямившемуся шпицу, дали конфетку. Он еще путался в сетке, которую растягивали для воздушных гимнастов. Желая показать, что может быть акробатом, скинул пиджак, и оказалось, что у него вместо рубашки только бант с драным нагрудником и весь он по пояс голый.

Не очень-то смеялась публика над его шутками. Но я всякий раз, когда видел, что Рыжий хочет рассмешить зал, хохотал во все горло. Мне очень хотелось поддержать деда, и я делал вид, что смеюсь от души. Но на самом деле ни его грим, ни приклеенный нос не могли от меня скрыть невеселого лица деда. Лучше бы, думал я, никогда не узнавать, что он был клоуном.

Кончилось все тем, что перед выступлением

джигитов надоевшего униформистам Рыжего закатали в ковер и дрыгающего ногами увезли на тачке.

В заключительном параде дед, чуть ссутулившись, стоял на нашей стороне цирка. Я был рад, что он на меня не смотрел.

Лишь только участники программы стали покидать манеж, я бросился к выходу и, пробившись сквозь толпу, побежал к дому.

Сидя на представлении, твердо решил скрыть от деда то, что был в цирке, видел его и узнал. Тогда не придется уверять, что мне было смешно.

Хорошо, что отец с матерью еще не возвратились со свадьбы. Никто не знал, когда я вернулся домой.

Войдя домой, я раньше всего зажег все огни. Потом сообразил так: возьму разденусь и улягусь в кровать. Потушу свет, сделаю вид, что давно сплю. Дед и подумает, что я нигде не был.

Щелкая выключателями, я меж тем забрел в его комнату и невольно, по привычке, взглянул на сундук. Тут я заметил, что наружный замок был оставлен вдетым в одно кольцо. Убедившись в том, что ящик заперт на ключ, я все же подошел к нему и осторожно тронул крышку. К моему изумлению, она легко поддалась вверх.

Еще несколько секунд я колебался. Так долго испытывающий мое мальчишеское любопытство загадочный ящик готов был открыть свою

тайну, а вместе с тем и тайну нашего деда, хотя теперь уже... Я поднял крышку, откинул ее к стене.

Сундук был заполнен лишь наполовину. В нем лежали удивительные вещи. Забыв обо всем и, главное, о том, что собирался притвориться спящим, я стал вынимать оттуда одно за другим: посеребренную ложку такой величины, что я бы мог в ней усесться, будильник размером в банный таз, ножницы из жести с лезвиями длиной в метр, толстую бамбуковую трость и другие немыслимые клоунские доспехи.

Тут же были вложенные один в другой дюжина разноцветных колпаков и длиннющие с загнутыми носами полуботинки. Под ними пиджак, расписанный разноцветными кругами, полосатые штаны, красный жилет и еще разная цветистая очень не новая одежда клоуна.

Вытащив что попало мне под руки из сундука, я окончательно осмелел и решил нарядиться клоуном. Сумев кое-как натянуть на плечи пиджак, я замотал рукава. Потом нахлобучил на голову сразу все шапочки, влез в ботинки и взял в руки палку. Давясь от смеха, в таком невероятном наряде я зашаркал как на лыжах в большую комнату к стенному зеркалу.

Мой вид развеселил меня еще пуще. Вертя палкой, я принялся корчить забавные рожи и раскланиваться перед зеркалом. Потом стал срывать с головы колпаки и кидать их воображаемой публике. Клоунские штилеты мешали мне двигаться. Я сбросил их и начал прыгать, дурацки задирая ноги и сам себе подмигивая.

Все это казалось мне очень смешным. Неожиданно для себя я вдруг пришел к мысли, что клоун может быть очень даже веселым и забавным, а вовсе не тем, над которым все только насмеются и подставляют ему ножки. Мне уже не было жаль деда. Он сам, полагая, виноват в том, что его обижают. Я бы ни за что не позволил. Сами бы от меня заплакали.

В самый разгар моих вывертов, когда я, подражая Чарли Чаплину, снова влез в ботинки и размахивал палкой, я увидел в зеркале глаза деда. Остановившимся взглядом он смотрел на меня, замерев в отворенных дверях.

Я застыл в глупейшей позе, не зная, что делать. Я ждал, что он сейчас закричит на меня, но он, не зная почему, молчал. Могло ли так долго продолжаться?

Я выскочил из ботинок, сбросил пиджак, кинулся собирать валявшиеся повсюду колпаки. Но дед остановил меня.

— Погоди, погоди, чего ты испугался, — говорил он. — Продолжай... Bravo!.. Что делать, я сам оплошал. Забыл затворить сундук. Теперь ты знаешь, что за чудо твой дед и где он скитался. Я хотел, чтобы вы этого не знали. Что делать?! Сам виноват.

Он сделал несколько шагов и, отодвинув стул, опустился на него. Попросил:

— Отвори окно.

Я поспешно выполнил его желание.

Дед сидел, положив на колени свои большие руки. Теперь уже не было смысла врать, что я не был в цирке.

— Дед, ты не думай, — сказал я. — Я все равно бы узнал тебя.

Он покивал головой и, еще немного помолчав, спросил.

— Ты смеялся?

Разве мог я сейчас, когда видел его таким, сказать правду. От деда пахло вином. Но он не был и чуточку пьяным. Выцветшие глаза смотрели устало.

— Я хохотал всюду. Было здорово смешно.

Он вскинул на меня оживший взгляд.

— Правда, смешно?

— Конечно.

Но его нельзя было обмануть. Артиста вообще трудно обмануть, когда он знает, что публике не понравился. Вспыхнувший в глазах огонек потух. Дед помотал головой.

— Нет, они не смеялись. Совсем не смеялись... А раньше смеялись все. Весь вечер... Почти сорок лет смеялись.

Он снова умолк и как бы про себя добавил:

— Старый клоун — это не смешно.

Показав на вещи, я спросил:

— Зачем ты все это прятал от меня?

Не шелохнувшись, он ответил:

— Не хотел, чтобы вы знали обо мне все.

— Зачем же притащил с собой сюда?

Он виновато посмотрел на меня и пожал плечами.

— Не знаю. Не мог сразу расстаться.

Я принялся собирать клоунскую одежду, чтобы отнести ее на место, но дед остановил меня.

— Постой. Садись, слушай. Из цирка трудно уйти, если ты в него попал... Цирк — это семья. Когда-то таким, как ты, я ушел из семьи с цирком, а теперь, когда стал старым, решил — уйти из цирка. Я уехал от него далеко, как мог. Но не распрощался со всем этим. Надо было все выбросить. Не хватило духу. И вот цирк сам пришел за мной... Я не хотел, но они просили выручить. Их коверный приедет только утром. Без Рыжего нет программы. Я не мог не выручить. В цирке всегда выручают. Если бы я все выкинул, я бы им не был нужен.

— Хорошо, что ты не выбросил, дед.

— Нет, зря. Ты бы не узнал.

— И ты бы мне никогда не рассказал?..

Он поднял голову и посмотрел на меня. Глаза потеплели.

— Не знаю. Может быть, ты и сам бы дознался. — Помолчал и заговорил снова. — Нет, Мишеля больше не будет. Есть Пантелеич. И знаешь что? — Зачем-то он оглянулся на отворенное окно. — Про сегодняшнее ничего не говори ни матери, ни отцу, ладно? Ты когда-нибудь поймешь. Они — не смогут.

Видно, он принимал наш Черемшинск за тот же, каким оставил его много лет назад. Я не стал ему противоречить и кивнул в знак согласия.

С утра сундук в комнате деда снова стоял запертым на все замки. Тайну его я открыл ма-

ме только после войны, когда деда уже не было в живых. Мой отец так ничего и не узнал. С войны он не вернулся.

Умолкнув, мой знакомый смотрел в чашку с остывшим кофе. За стеклами витрины натужно урчали разьежавшиеся тягачи с рефрижераторами. Я молчал, надеясь, что рассказ еще не закончен, и не ошибся.

— На следующий вечер на манеже был обещанный молодой коверный. Я бегал в цирк чуть ли не каждый день. Иван Августович разрешил пускать меня и не одного. Кажется, я перетаскал в цирк всех своих приятелей. Именно с тех пор я вбил себе в голову, что стану клоуном и никем другим. И чем дальше шло время, тем тверже становилось во мне это намерение, и, видите, я им все-таки сделался. — Мой знакомый улыбнулся. — А виноват во всем дед Мишель Пантелеич. Не привези бы он с собой тот ящик, вы бы не сидели теперь здесь с клоуном из Московского цирка.

— Его можно вспомнить только добром, — сказал я.

— Пожалуй, — кивнул мой друг. — Хотите знать, что было с ним дальше? Он уехал со своим багажом в тот же день, когда снялся с места шапито. Прибежав из школы, я уже не застал ни нашего деда, ни его сундука. Откуда-то дед прислал маме немного денег и открытку. Просил извинить за беспокойство, писал, что уехал к старому товарищу. Я-то знал, что это был за товарищ. Теперь, когда цирк сам явился за ним, дед не смог с ним больше расстаться.

С тех пор я деда не видел. Много позже узнал, что, работая то берейтором, то служителем у дрессировщиков зверей, во время войны Мишель еще выходил на манеж в клоунадах, где изображал битых гитлеровских вояк. Говорили, у него это получалось. Кончил жизнь он в небольшой передвижной группе на Дальнем Востоке. Годы были трудные. У той маленькой цирковой группы не имелось лошадей, и моего деда везли на кладбище на тележке с впряженным в нее осликом. Знай бы это дед, не обиделся бы. Ведь он был Рыжим, каких теперь больше нет.

— А знаете? — мой знакомый вскинул на меня быстрый взгляд. — Я навсегда запомнил его слова: «Старый клоун — это не смешно».

Из бистро мы уходили последними. Проводив нас, усталый хозяин затворил двери.

В это предутреннее время город был пустым. Угасшие рекламы на крышах позволяли увидеть сереющее к заре небо. Изредка нас обгоняли груженные ящиками с овощами небольшие полупикапы. Это из павильонов Центрального рынка мелкие торговцы развозили товар, чтобы через час-два начать продавать его в своих уличных палатках. Мой друг жил ближе меня, и я проводил его до отеля. Не знающий сна портье с готовностью отпер двери, впуская знаменитого русского клоуна.

Мы расстались, чтобы встретиться уже на родине.

Аркадий Миронович МИНЧОВСКИЙ

У нашего автора праздник

Дорогой Аркадий Миронович!

Поздравляем Вас с шестидесятилетием! Наши юные читатели уже давно полюбили Ваши повести, печатавшиеся в «Костре» в разные годы: «Десять дней одни втроем», «Старик прячется в тень» и «Я — инспектор манежа», написанную вместе с цирковым артистом Балановским.

Уверены, что новые герои Ваших рассказов и повестей еще не раз появятся на страницах нашего журнала.

«Костер»

«ПОКА СВОБОДОЮ ГОРИМ, ПОКА СЕРДЦА ДЛЯ ЧЕСТИ ЖИВЫ»...

В. ХОЛКИН, Е. ЮДИН

Оформление В. Цикоты

Это будет рассказ о двух совсем непохожих друг на друга городах. Большом, надменно-блестящем Санкт-Петербурге и маленьком, затерянном где-то под Тюменью, деревянном Ялуторовске. Это будет рассказ о людях, в чьей светлой и трагической жизни два эти города соединились. Это будет рассказ о годах отваги и надежд, годах печали и мужества.

Это будет рассказ о декабристах.

...Петербург. 14 декабря 1825 года. Восход солнца—9 ч. 4 мин., заход—14 часов 58 минут. Жителей—422 тыс. 891 чел., из них: дворян—40 тыс. 253 чел. военных—66 тыс. 910 чел. крестьян—107 тыс. 983 чел. разночинцев—59 тыс. 241 чел. мещан—остальные.

Рассвет был поздним и сумрачным. Серо и зябко начиналось утро в большом городе. Открылись лавки. Чиновники спешили на службу.

Уже полнился слухами город и уже принято было в квартире Рылеева решение. И теперь они, преданные общему делу освобождения России, уверенные в дружбе и успехе, разъезжались: Николай Бестужев поехал в казармы гвардейского морского экипажа, Александр Бестужев— в лейб-гвардии Московский полк, Рылеев и Пущин спешили к князю Трубецкому. Он должен был возглавить восстание.

Они разъезжались, чтобы вывести полки на Сенатскую площадь...

Но не все складывалось так, как они полагали ночью. Рылеев и Пущин, озабоченные, тревожные, шли к Трубецкому. Тревожиться было отчего: накануне утром стройный, хорошо продуманный план пошатнули два события. Неожиданно отказался

вести в Зимний дворец моряков гвардейского экипажа Якубович (поэтому-то вместо него туда поехал Николай Бестужев).

Возглавив их, он должен был задержать и арестовать царя и остальных членов царской семьи. Его отказ, не объяснимый ни робостью (Якубович славился холодной, отчаянной смелостью), ни поспешным предательством (на площадь он все же прийти обещал и сдержал слово). Его отказ тягостно затруднил скорое движение.

И второй, тоже непредвиденный обратный шаг—Каховский, уже решившийся на цареубийство, через Михаила Бестужева передает, что стрелять в царя не станет: и в этом случае дело совсем не в личной храбрости или малодушии. Каховский отказался потому, что положение одинокого, оторванного от площади, от товарищей по восстанию, стрелка, случайного убийцы императора уже заранее удручало и печалило его. Он хотел быть вместе со всеми. И остался со всеми. И был казнен 13 июля 1826 года в числе первейших друзей свободы.

Выпали два самых дерзких звена плана восстания.

...Пущин и Рылеев, выйдя от Трубецкого, увидели пустую Сенатскую площадь. Войска все не шли, площадь перед Сенатом стыла, стыл вознесенный над нею «Медный всадник», холодом пронизало гранитные глыбы, привезенные для строительства Исаакиевского собора. Около одиннадцати часов утра на Петровскую, как называли ее иногда, площадь стремительным ловким маршем вошел лейб-гвардии Московский полк и встал вокруг памятника жестким квадратным каре. Московцы чувствовали себя боевыми хозяевами площади. Александр Бестужев на глазах у солдат точил саблю о гранит памятника Петру.

Войска под командованием Одоевского оцепили площадь, и накатил вторая волна ожидания. Восставшие ждали моряков-гвардейцев, лейб-гренадеров и «диктатора» Трубецкого.

Восставших пробовали уговорить: сначала Милорадович—его убили, потом митрополит—его прогнали. Войска стояли неподвижно, отчаявшиеся и злые—из-за бездействия, невинности целей, отсутствия руководителя. Стояли уже обреченные,

В. ТИММ. Восстание 14 декабря 1825 г.

но верившие в высокую свою предназначенность, в прекрасные идеи освобождения России от царизма, угнетения, крепостничества. Стояли люди, щедрые умом и талантом, люди бескорыстной честности, истинного великодушия. Мерзли на декабрьском ветру лучшие дети свободы.

Трубецкого они так и не дождались, он предал их. Моряки и лейб-гренадеры подошли слишком поздно.

Смятение и суетливый страх Николая таяли. Подходили верные ему войска.

Площадь окружала артиллерия. После недолгих уговоров пушки грянули картечью.

Мостовая обогрилась кровью.

И уже предстояло им: допросы в следственном комитете, иным виселица, иным одиночки

в крепостях, иным каторга в Сибири, иным глухие поселения в заброшенных городках. Так закончился этот по-зимнему обыкновенный, ветреный день в Петербурге на берегу реки Невы... День 14 декабря 1825 года...

Ялutorовск. 14 августа 1849 г. Восход солнца—4 ч. 57 мин. Заход солнца—20 ч. 09 мин. Домов—294. Жителей—2 тыс., в том числе декабристы: Якушкин, Пущин, Басаргин, Тизенгаузен, князь Оболенский, Муравьев-Апостол, Ентальцев.

Вильгельм Кюхельбекер, своеобразный, талантливый поэт, тонкий, с зорким умом критик, издатель одного из лучших русских журналов «Мнемозина», честный чудака и яростный вольнодумец — стал членом Северного общества, стрелял 14 декабря в великого князя Михаила Павловича, содержался в кре-

постных одиночках и был отправлен на поселение в Сибирь в 1836 году. Все эти каменные 10 лет он вел дневник, две половины которого сам назвал так: «Дневник узника» и «Дневник поселенца».

Среди безбрежных снегов жили несломленные декабристы. Они не просто жили, они работали. На их плечах было: учительство, составление деловых бумаг для горожан, лечение больных, заботы о своих и чужих детях... Вот уже почти 20 лет, как оставлен Петербург, прошли годы Читинского острога. Уже девять лет Якушкин и Муравьев-Апостол здесь, в Ялutorовске...

Многое сделано за эти годы, сделано старательно и вдохновенно. Три года назад, в 1842 году Якушкиным создана пер-

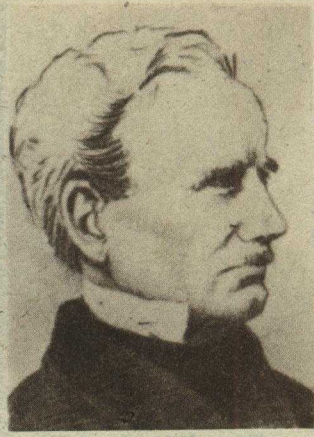

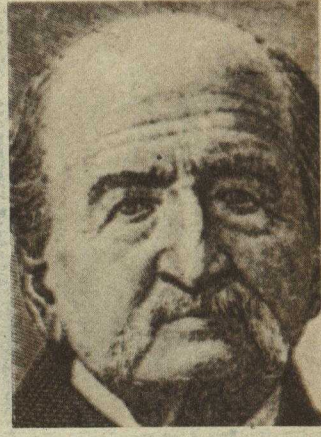
Якушкин И. Д.

Пушин И. С.

Оболенский Е. П.

Муравьев-Апостол М. И.

вая настоящая школа — просторный поместительный дом, светлый, с многими окнами. Все эти три года он почти целыми днями в школе, строгий, добрый и терпеливый. Учителем Якушкин самозабвенно. Главная черта его характера — «твердая, непреклонная воля во всем, что он считал своею обязанностью и что входило в его убеждения».

Когда дело шло о городских или крестьянских нуждах, он добивался своего. Так он добился разрешения на постройку второй школы, теперь уже для девочек. А добившись, искренне увлекался, отдавая все сердце, душевные свои силы людям. Лю-

бят, ради которых в 1817 году капитан лейб-гвардии Семеновского полка И. Д. Якушкин вступал в Союз Благоденствия.

Настойчивый, твердый ум, усердие и прекрасная образованность — все это, освященное нежнейшей любовью к детям, двигало Якушкиным. Он сам написал учебник географии для своей школы, сам, вместе с друзьями-декабристами чертил карты для занятий, клеил глобус, составлял нужные таблицы. Он был счастлив оттого, что многое успел сделать и уважаем друзьями.

О его друзьях Пушин написал в Петербург: «Нас здесь пятеро товарищей, живем мы ладно, толкуем откровенно, когда собираемся, что случается непременно два раза в неделю: в четверг — у нас, а в воскресенье — у Муравьева-Апостола».

Пушин, добрейший Пушин, умница, золотое сердце. Человек редкой душевности, он был неизменной поддержкой и опорой товарищей и горожан в трудные, горькие дни нужды и грусти. Незаурядный юрист, он умел толково составить прошение, письмо, дать добрый совет, ободрить пришедшего за помощью человека. Это он умно распоряжался фондом помощи, который составил у сосланных

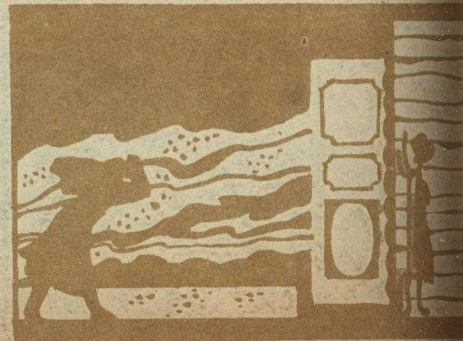
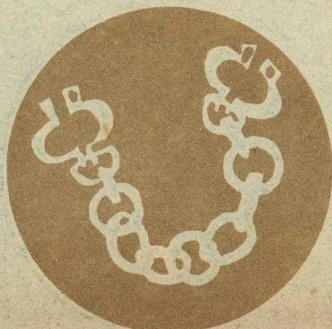
декабристов. Помощь была постоянной и аккуратной.

Вечерами говорили о Петербурге, о поэзии, о нынешних, заполненных трудами днях. В доме Муравьева-Апостола звенела музыка. Пушин, лицеист 1-го выпуска, умел и любил вспоминать. Рассказывал о лицее, Пушкине, о дружбе с ним. Потом он напишет ясные, живые «Записки о Пушкине».

Богат и горд братьями был Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Но вот гордость осталась, а братьев нет. Нет братьев уже с 1826 года. Сергей казнен в Петропавловской крепости, а Ипполит, не выдержав поражения Декабря, застрелился. Матвей Иванович, подполковник царской службы, ныне ссыльно-каторжный, хозяин большого, гостеприимного дома в Ялуторовске. Матвей Иванович — автор воспоминаний и завещания декабристов. Завещания поразительной скромности и достоинства, завещания, которое он запечатал, на старый манер, в бутылку и оставил «для будущих археологов» под полом собственного дома. Вот оно:

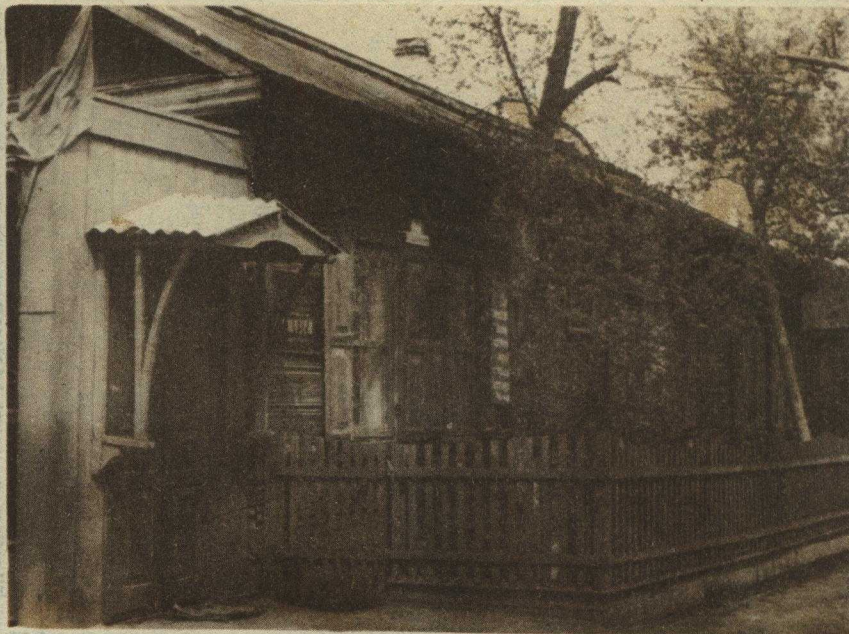
«По преданиям этот дом построен в последних годах царствования Екатерины II Егором Прокофьевичем Белоусовым.

В 1838 году по кончине Егора

Кабинет Муравьева-Апостола

Музей памяти декабристов

Прокофьевича этот дом был куплен государственным преступником Матвеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом.

...В 1849 году из сеней сделана комната и печь, под которой Муравьев кладет эту записку.

...Государственные преступники, живущие в Ялutorовске в 1849 году, кроме Муравьева-Апостола:

Иван Дмитриевич
Якушкин,

Иван Иванович
Пушкин,

Николай Васильевич
Басаргин,

Василий Карлович
Тизенгаузен,

Евгений Петрович
князь Оболенский,

Андрей Васильевич Ентальцев, наш товарищ, скончался здесь, в Ялutorовске, в субботу, в 11 часов полудни 27 января 1845 году — похоронен на Ялutorовском кладбище 30 января протоиереем Стефаном Яковлевичем Знаменским.

В Ялutorовске скончался еще

другой наш товарищ, Василий Иванович Враницкий, в 1830 г.

Для пользы и удовольствия будущих археологов, которым желаю всего лучшего в мире, кладу эту записку 17 августа 1849 года».

Человеку присуща память прошлого. Историческое прошлое сберегается воспоминаниями и документами. Человек умеет находить и сохранять приметы истории, ценя в ней непрерывную жизнь Отечества. Сегодняшний Ялutorовск знает и бережно почитает свои истоки.

В Ялutorовске находится единственный в нашей стране Музей памяти декабристов. В нем собраны ценнейшие материалы о жизни и подвиге этих прекрасных людей, так много сделавших для Сибири, об их умственных интересах и занятиях.

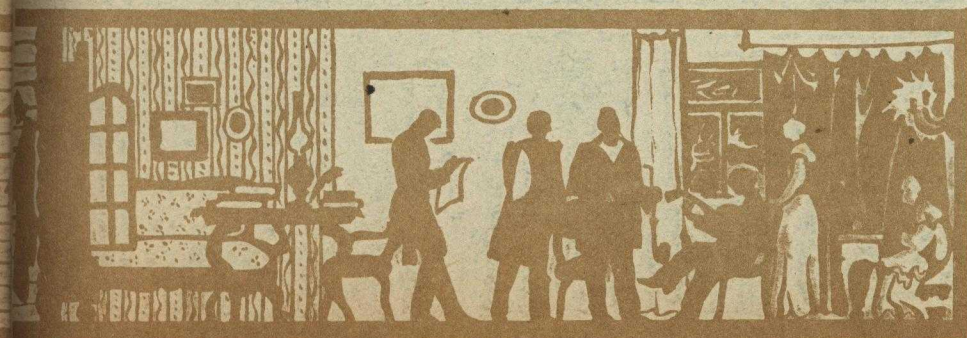
В музее несколько залов, каждый из которых отдельно посвящен этапам их бытия: Петербург, работа по созданию Северного и Южного обществ, восстание, ссылка, жизнь в Сибири.

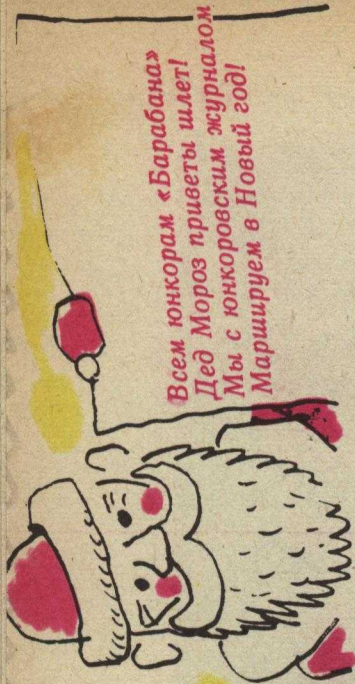
Один из залов заполнен кни-

гами из личных собраний Муравьева-Апостола, Пушкина, Басаргина, Якушкина. Музей расположен в бывшем доме Муравьева-Апостола и Якушкина. Две комнаты воссоздают облик прежних дней.

Уже много ребят воспитала и вырастила школа имени Декабристов, чистая и звонкая настроениями пытливого поиска и бурной духовной жизни. Ребята много и интересно работают, размышляют, пишут о декабристах, изучают их научную деятельность, любят и знают их стихи.

Стараниями ребят выращен удивительный, пестрый и обширный сад, где яблони, цветы и вишни напоминают о пророчестве Пестеля, который мечтал о садах в Восточной Сибири. Еще этот сад напоминает о роде Декабристов. Роща посажена прапрапрадедами нынешних ребят. Посажена декабристами. И до сих пор широко и раскидисто зеленеет весной, как вечная жизнь, как памятник людям, в чьих сердцах жила единственная любовь — любовь к Отчизне.

Всем юнкорам «Барабана»
Дед Мороз приветы шлет!
Мы с юнкорским журналом
Маршируем в Новый год!

СТАЛЕВАР

Таня Рыбакова,
Карагинская обл.,
город Сарань

ВЕСТИ С ПИОНЕРСКИХ МАРШРУТОВ

Оформление Л. Каминского

ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ЕГО...

(О своем отрядном вожатом, станочнике Ижорского завода Николае ФАЛАЛЕЕВЕ, рассказывают восьмиклассники 499-й школы Ленинграда).

Лена ГАВРИЛЕНКО: «Он у нас третий год, а сейчас представить невозможно, какие мы бы были, если бы не было его. Он очень добрый. И вместе с ним мы становимся добрее, внимательнее, заботливее друг к другу. Если бы мы знали, сколько он на нас времени тратит!..»

Вадим КУРИН: «Он с нами всюду вместе, и на слете пионерском, и на «Зарнице», и в Москву на экскурсию возил... Чему я у него научился? Организовывать время, чтобы ни одной минуты даром не пропадаало».

Леня СКЛЯР: «Все, за что берет наш вожатый, он делает на совесть и весело. Вот если бы мне так научиться!»

КАРТОШКА ДЛЯ БАМА

В начале июня наша школа ездила сажать картофель. Много лет мы помогаем совхозу «Северный», это наши шефы.

Обычно мы начинаем работать рано утром. Не так-то просто засеять 6 гектаров. Мы каждую картошку тщательно сажали и потону урожай сняли хороший. Нам заранее сказали, что наша картошка «поедет» на БАМ. Надеюсь, что сейчас, под Новый год, на столах у строителей дымится наша рассыпчатая, вкусная картошка.

Надя НЕМЕРОВА,
поселок Нижнеангарск

ПОСЫЛКА ДЛЯ БАМА

Нынешней осенью Ира Чернышова помогала бабушке собирать яблоки. Сад у бабушки большой, работы хватало. Даже соседского мальчишку Антошку пришлось позвать...

Ира срывала яблоки и передавала их вниз, бабушке и Антошке. А они уже относили корзины к крыльцу.

А когда в классе решили собрать посылку для строителей БАМа, то в ней нашлось место и яблокам.

«Ешьте на здоровье!» — написала Ира на посылке.

Калужас Панаева,
7 класс, Алма-Ата

Я люблю ходить во Дворец пионеров, в кружок рисования. Мы пишем акварелью, рисуем, но больше всего мне нравится вырезать гравюры. Берешь кусок линолеума и маленькой стамеской — штихелем — вырезаешь рисунок. Потом наклеиваешь краской.

прижимаешь к бумаге — и получается отпечаток. Сколько хочешь отпечатков можно сделать.

Дима ЗИСИНИН,
1 класс, Казань

Наш авиамодельный кружок — старейший в стране. Ему более 40 лет. Ребята изготавливают разные модели — летательные аппараты, дирижабли, ракеты.

По-моему, самое интересное — комнатные авиамодели. Они все прозрачные, легкие, держатся в воздухе почти две минуты.

Саша ГРИГОРЬЕВ,
4 класс, город Николаев

ЗИМА

Фирая ХАКИМУЛЛИНА,
Татарская АССР,
деревня Большая Битаман

МУЗЕЙ ДЕКАБРИСТОВ

(рассказывают ученики школы № 6 города Казани)

Нашей школе после революции при-
своили имя Декабристов. Лет десять на-
зад ученики нашей школы начали пере-
писываться с другой школой, носящей
имя Декабристов. Эта школа в Ялutorов-
ске, куда были сосланы участники вос-
стания 14 декабря 1825 года. Наши ре-
бята решили открыть музей в память ис-
торического события. У нас был слет
школ, носящих имя Декабристов. Всего
в нашем музее побывало 11 000 человек.

Света Шевяков,
4 «б» класс

Наше интервью

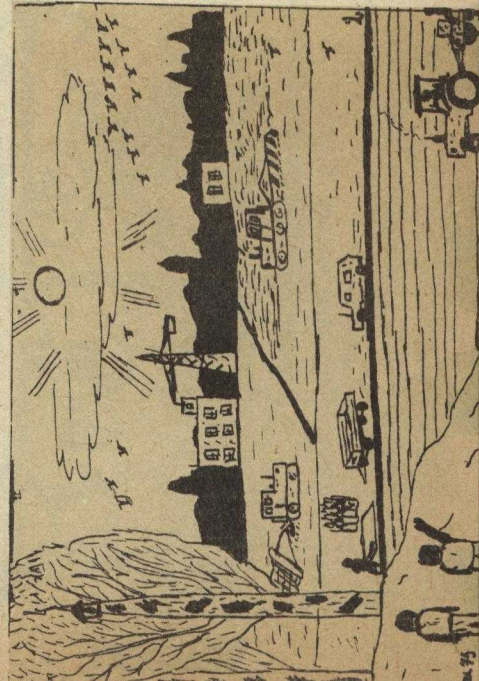
что их просто невозможно
держать в голове. Появи-
лись справочники. Справоч-
ники по всем отраслям на-
уки, техники, истории и куль-
туры.

Самый интересный и до-
ступный всем ребятам спра-
вочник — Детская энцикло-
педия.

Из справочников можно
почерпнуть сведения о Все-
ленной и о том, чем кор-
мить щенка, во что были

обуты непобедимые гопли-
ты Александра Македонско-
го и как будет выглядеть ав-
томобиль 2000 года. Недав-
но закончилось издание
многомной «Жизни живот-
ных». Изданы «Театральные
энциклопедии», «Музыкаль-
ные» и, наконец, самая глав-
ная — Большая Советская
Энциклопедия.

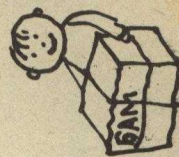
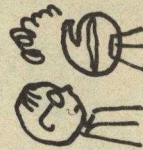
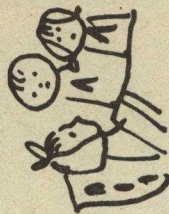
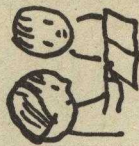
Есть справочники и в
школьной библиотеке. Так
что желаю успеха!

Кадирбай Жалиев,
город Ходжилы

СТРАНИЧКА ПИОНЕРСКОГО АКТИВИСТА

*Вам скучать!
некогда!*

«У нас в отряде скучно!» «Мы не знаем, чем за-
няться». «Дорогой Почтарик, помоги!» — такие
письма часто приходят к нам в редакцию. Непо-
нятно, а сами-то ребята что делают, чтобы в от-
ряде стало интересно? Вот мы и решили опубли-
ковать письмо Альбины Мусиной. На наш взгляд,
есть в этом письме и советы тем, кому скучать
надоело.

ПИСЬМО АЛЬБИНЫ

Дружина у нас небольшая, всего 140 человек.
Ни одного отстающего в дружине нет. Потому что
у нас работает «скорая помощь». Ребята, которые
входят в «скорую помощь», помогают отстающим,
объясняют непонятный материал, устраивают дик-
танты, контрольные работы, помогают делать
уроки.

«Скорая помощь» навещает больных.

Сильно помогают нам поднять успеваемость
кружки. В каждом кружке раз в месяц устраи-
ваются вечера: «Юный химик», «Знай, люби, цени
русский язык», «Будущий физик», «Юный мате-
матик».

Ну, а уж если и это не помогает, то в работу
вступает «Рейд непримиримых». Ребята из рей-
да не отстанут от человека, пока он не испра-
вится...

Немало интересных дел в дружине: дружно от-
правляли мы посылки строителям БАМа, дружно
собирали макулатуру, участвуя во Всесоюзном со-
ревновании «Миллион — Родине». Это было во
всех отрядах нашей школы. ДНК — дружба на-
шего класса. Такой Клуб организовали мы в прош-
лом году. В него вошли ребята по интересам. В
Клубе поближе узнали друг друга, узнали, кто
чем после школы любит заниматься. Класс у нас
дружный, даже самый дружный! Хотя я замечала,
что другим ребятам кажется, что самый друж-
ный их отряд. Мы четыре года правофланговые.
Когда же нам скучать?

Читатель нашей Почты,
Задира-юморист!
Готов ли нам помочь ты?
Скорее отзовись!

Попробуй, шутки ради,
С надеждой на успех...
Тебе в любом отряде
Наградой будет смех!

Взрۇق ۋى ئۇنىۋېرسىتېتى

КТО У КОГО НАУЧИЛСЯ?

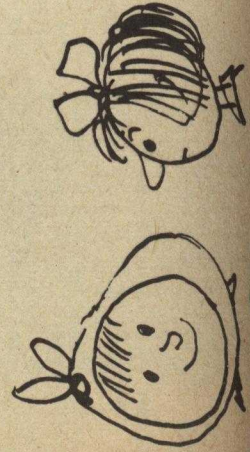
Однажды весной к нам прилетели скворцы и поселились в скворечниках. У соседа дяди Саши тоже был скворечник. Я копалась в огороде — вдруг кто-то как свистнет! Я думала — дядя Саша — он здорово свистит. Оглянулась — его нет. Значит, это скворец свистел, точь-в-точь как дядя Саша. Интересно, кто у кого научился?

Гуля Сулейменова,
Кокчетавская область,
село Пригород

ПОСЛЕДНИЙ ТИГР ПОГИБ

Однажды в понедельник Вася вошел в класс и говорит: «А я вчера на охоте был. Здорово!..» Шутра на охоте был. Здорово!..» Шутра на охоте был. Здорово!..»

Потом потихоньку конфет.
Юра потихоньку конфет.
Юра потихоньку конфет.
Юра потихоньку конфет.

ник Гена перебил его: «Минута молчания — последний тигр погиб...» Все засмеялись.

Оля Нагорная,
город Черкасы

ПОНЯЛ БУКВАЛЬНО

Однажды на уроке географии Чуприков болтал. Учительница сказала: «Чуприков! Чтоб я тебя больше не слышала!» А у Чуприкова не было ни одной отметки по географии. Учительница вызвала его к доске, а он молчит. «Почему ты молчишь, Чуприков? Ты что, урока не учишь?» — «Почему же, — заговорил наконец Чуприков, — учил. Но ведь вы сами сказали: «Чтоб я тебя больше не слышала!»

Вася Курочкин,
Рязанская область,
село Васино

ПУГЛИВАЯ СЕМЕЙКА

Однажды мы поехали с папой в рейс. По дороге папа остановил машину: «Сейчас я покажу вам сурков». Повел нас в поле, и мы увидели целую семейку сурков — трех малышей и двух побольше, наверно, родителей. Сурки, заме-

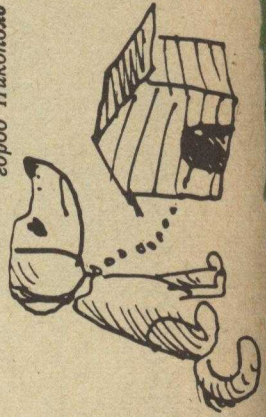
тив нас, встали по росту около норы, а когда мы приблизились, они по одному юркнули в норку.

Таня Лебальд,
город Темир-Тау
Карагандинской области

БУДКА НА ВЫРОСТ

Однажды по дороге на дамбу мы заметили маленького щенка. Он был огненно-рыжего цвета. Щенок нам понравился, и мы решили его усыновить. Первым делом стали строить ему будку. Он прожил в будке неделю и вдруг случилось непредвиденное — щенок не смог залезть в будку! Теперь мы построили будку на вырост.

Лариса Пазынич,
город Никополь

СИЛЬНЫЙ КОЛЯ

ФЕЛЬЕТОН

«Сильный» Коля со «слабым» Юрой сидят одни в классе над раскрытой тетрадкой. Коля ворчит:

— Канителься тут с тобой, голова садовая! Хотел телевизор посмотреть, разве теперь подсмотришь? Думаешь, удовольствия тебя подтягивает? Чего молчишь? Диктант-то ерундывый! Ну, чего непонятно? Говори!

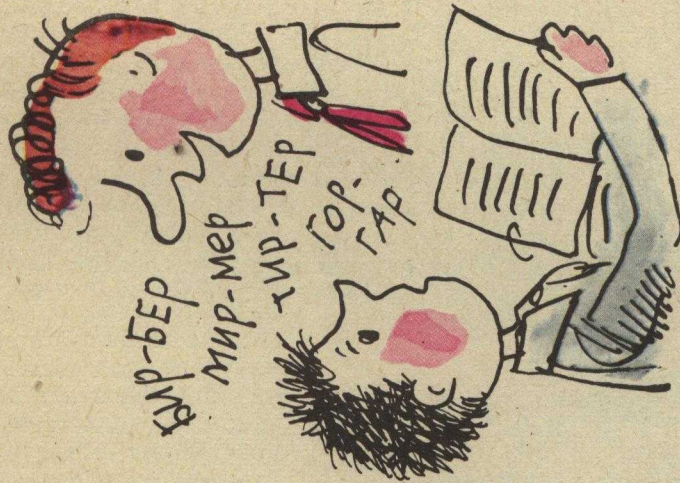
— Гласные эти... — подавлено говорит Юра. — Подумаешь, гласные! Бир-бер, мир-мер, тир-тер, гор-гар... Что, трудно запомнить? Бир-бер, мир-мер! У, балда!

— Знаешь, я домой пойду... Голова что-то заболела, — говорит Юра тихо.

— Ну и правильно! Давай дуй домой!

И «сильный» Коля доволен — бежит смотреть телевизор.

Сочиняла
Лена Лебедева
из Ростова-на-Дону

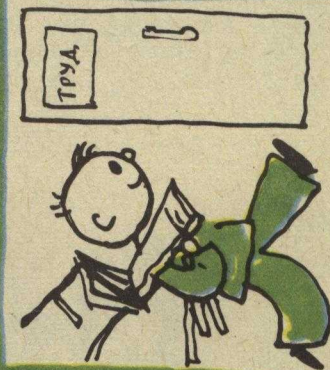

Всё
сам

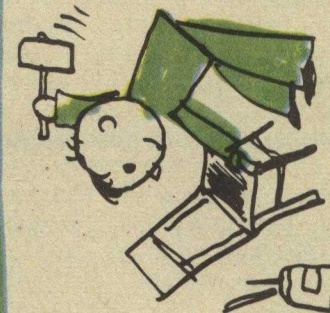
Тему рассказа
в картинках предложил
Саша Петушков
из Ленинграда

Перемена. Вася Ложкин
Оторвал у стула ножки.

Начался урок труда,
Вася стул несёт сюда.

Вася Ложкин чинит стул —
Час спины не разогнул.

Перемена. Вася Ложкин
Оторвал у стула ножки...
(Смотри все сначала).

Читатели БАРАБАНА уже привыкли к этому постоянному конкурсу и с нетерпением ждут новых интересных фотоснимков. Пора подвести первые итоги. Лучшими признаны фотографии:

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ Лены Соболевой (Ленинград, Дворец пионеров) в № 4 1974 года

СОЧУВСТВИЕ, ПОРТРЕТ СОВЫ Юры Шехтера (Петрозаводский Дворец пионеров) в № 6 1974 года и в № 8 1975 г.

ГИМНАСТ Бориса Лютикова (Алтайский край, село Нижняя Гусиха) в № 1 1975 г.

СОЛНЦЕ МЕЖДУ ДЕРЕВЬЯМИ Виктора Семиколенных (Павлодар, Дом пионеров) в № 2 1975 г.

ФИЛИН Васи Ляпунова (Казахстан, село Тарханка) в № 7 1975 г.

ВОТ ТАК ЩУКА! Валерия Андреева (Ленинград, Дворец пионеров Выборгского района) в № 7 1975 г.

В БУРНОМ МОРЕ Коли Гвоздева (Ростовская область, колхоз им. Мичурина) в № 9 1975 г.

Эти ребята награждены книгами.

Поздравляем победителей конкурса!

Ждем новых снимков!

ИТОГИ
ЭТО
ДА!

МАЛЬЧИК С КОСТЫЛЯМИ

ВАДИМ НЕЧАЕВ

Рисунок Ю. Шабанова

Мальчика звали Роберт. Каждый день на обходе врачей он спрашивал, как долго ему лежать. Главный врач шутил с ним, подбодрял всегда одной и той же фразой: «Потерпи еще немного». Роберту делали массаж ног, и часто бессонной ночью он сам их тер, надеясь, что они оживут. Но и массаж не помог. Так шли дни, и Роберт стал догадываться, что надежд на его выздоровление у врачей почти нет...

Однажды ему на глаза попала книжка о фигуристах. Он прочел ее залпом. Он увидел в своем воображении сверкающие ледяные поля и скользящих по льду сильных и смелых спортсменов. Безумная мечта овладела им — стать таким же, как они.

Когда в очередной раз его навестили родители, он попросил их сделать ему подарок. «Все, что ты хочешь, сынок», — сказал отец. — «Я хочу ботин-

ки с коньками для фигурного катания», — сказал мальчик. Отец с матерью переглянулись. Им показалось, что они ослышались. Но Роберт громко повторил свою просьбу. Родители были поражены. Зачем ему коньки, если даже он не умеет ходить? «Пусть он хоть любитесь ими», — сказала мать, когда вышла с мужем из больницы, — у него так мало радостей в жизни».

Увидев ботинки с коньками, Роберт был на седьмом небе от счастья. В то мгновение он поверил, что не только выйдет из больничной палаты, но и научится летать по льду вот на этих фигурных коньках. Он не расставался с ними ни на час, ночью он клал их под подушку. Они укрепляли в нем волю к действенной жизни, которая вспыхнула так сильно, что болезнь стала постепенно отступать. И, наконец, наступил тот долгожданный день, когда Ро-

берт встал на ноги и сделал несколько шагов. Вскоре его выписали из больницы.

Все вокруг восхищались чудом его выздоровления. Отец строил планы на лето: как они всем семейством поедут на озеро ловить рыбу и охотиться. Но у Роберта были свои планы. Он попросил изумленных родителей отвести его на каток. Мать была ужасно перепугана. Ведь он был так слаб, ее сын. Но возражать не посмела.

И вот Роберт надел ботинки с коньками, сбросил с плеч пальто и вышел на лед, опираясь на костыли. Те, кто был в этот момент на катке, замерли от удивления и замешательства. Никто еще не видел подобного фигуриста. Это было настолько неправдоподобно, что и фигуристы и зрители вначале решили, будто эта сцена построена для какого-нибудь кинофильма. Роберт оттолкнулся носком, приподнял костыли и поехал. Кто-то засмеялся, кто-то зашикал... Но этого мальчика ничто на свете уже не могло остановить. Он стал приходить на каток каждый день, он падал, расшибался, и все-таки он научился кататься. Вероятно, ни один фигурист не получал такого удовольствия, как он, от простейших обязательных фигур: кругов и параграфов. Им заинтересовались лучшие тренеры страны...

И вот они, канадская пара Барбара Вагнер и Роберт Поула, появились на Восьмых Олимпийских играх в Скво-Вэлли. С каким блеском, жизнерадостностью и стремительностью промчались они к титулу чемпионов. Блеск этот не потускнел в памяти любителей спорта и сейчас, столько лет спустя. Глядя на киноэкран, запечатлевший Роберта Поулу, летящего в прыжке «олень» с гордо повернутой головой, трудно поверить, что когда-то этот мальчик вышел на лед с костылями.

ВСЕГО ^{ОДИН}

ГОД

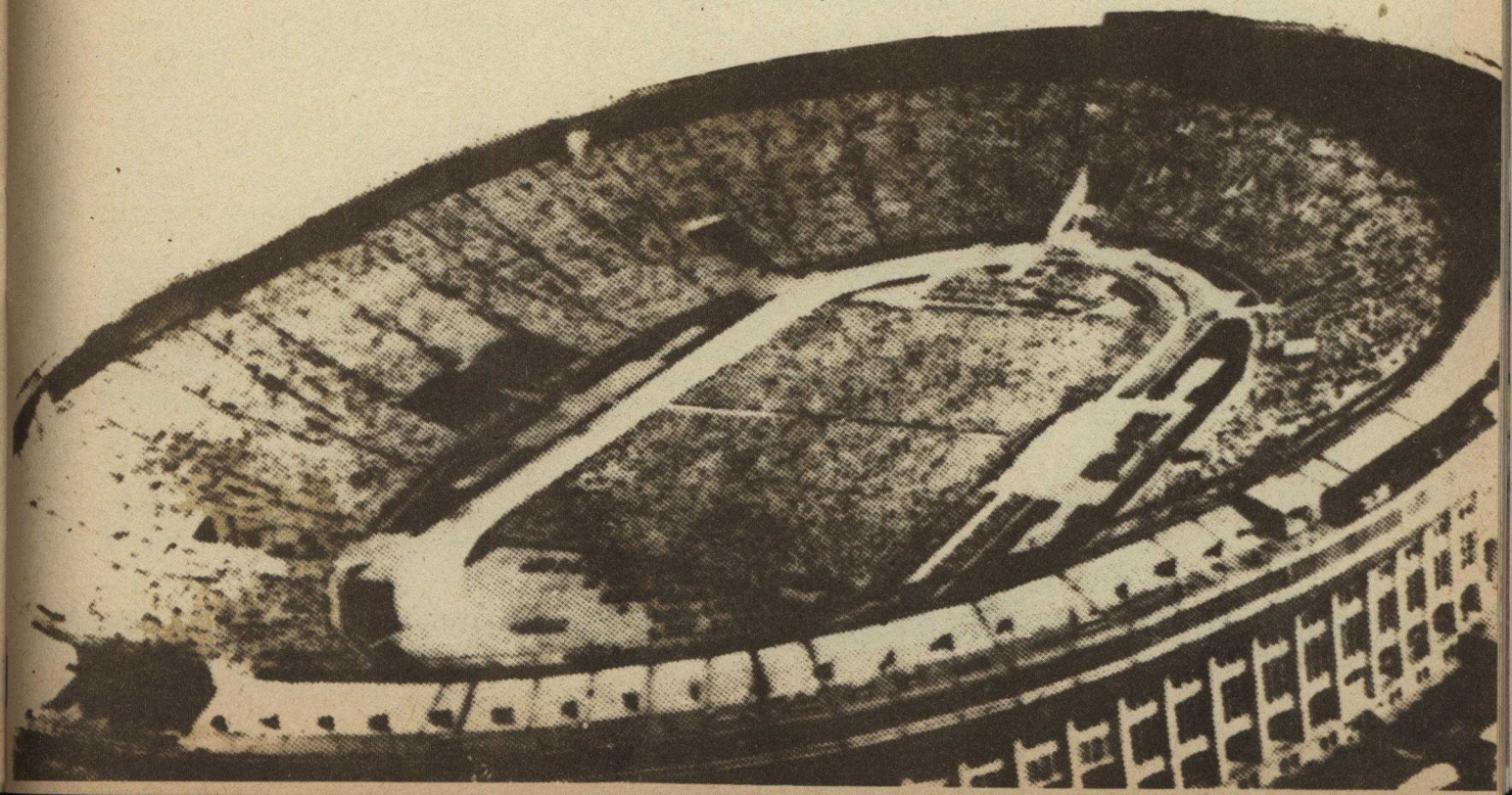
Мих. ЕРЕМИН

Оформление Б. Петрушанского

Лето семьдесят четвертого года. Две с лишним тысячи школьников съехались в солнечную столицу Казахстана для участия в финальных соревнованиях XIII Всесоюзной Спартакиады школьников. 17 команд. 16 видов спорта. Интерес к этому крупнейшему состязанию ребят очень велик. Во всех уголках страны „болельщики“ ждали известий о своих земляках. В Алма-Ате было аккредитовано 116 журналистов из всех союзных республик. Они представляли пятьдесят шесть органов печати, кино- и телестудий, радиостанций, ТАСС. Читатели детских и спортивных газет каждый день узнавали новости о ходе Спартакиады. Был среди журналистов и корреспондент журнала „Костер“. Журнал не может быть так же оперативен, как газета или, например, радиопередача. Ближайший номер с материалами, посвященными Спартакиаде, может выйти только через четыре—пять месяцев после ее окончания. Нет никакого смысла с таким опозданием печатать рассказ о том, что уже всем известно. И мы решили поступить иначе. Трем из сильнейших участников соревнований было задано по три вопроса:

1. Как ты оцениваешь свое выступление?
2. Как ты думаешь, каковы будут твои результаты через год?
3. Кто твой любимый спортсмен и каких успехов ты ждешь от него?

Через год наш корреспондент встретился с этими ребятами снова.

Алма-Ата Сто метров с барьерами я пробежала за 15,2. Думаю, что за год смогу сбросить четыре десятых.

Прыжок в высоту: в Алма-Ате — 1,62. Двадцать лет назад рекордом среди прыгунь, а не многоборок была высота 1,60. Мой лучший результат — 1,65. Должна взять 1,70.

Прыжок в длину: в Алма-Ате — 5,74 — мой лучший результат. 5,80 — это в моих силах.

Двести метров: в Алма-Ате — 26,6 — тоже мой лучший результат. Надеюсь на 26,0.

Ядро: в Алма-Ате — 10,30; лучший мой результат 11,24. Может быть, смогу толкнуть на 11,80.

Мне было очень трудно. Я не только впервые выступаю, но и впервые оказалась в таком климате. Не могу привыкнуть к жаре. Перед последним видом — 200 м — была на восьмом месте, теперь на девятом.

Моя любимая спортсменка Ткаченко нравится мне за универсальность, за то, что у нее нет отстающих видов. Она мне нравится за то, что случайно выступив не очень удачно в одном виде, она умеет не растеряться и в остальных видах выступить отлично. Она должна стать рекордсменкой мира.

Висла СИРЬЕ

Алма-Ата Я недоволен моими выступлениями. Вот, например, на кольцах — не хватило сил — недодержал виса в упоре и попал в кач.

Гимнастикой занимаюсь с четвертого класса, сейчас перешел в девятый. Здесь, в Алма-Ате, выступаю по кандидатам в мастера. Занял общее шестое место.

Или на брусках: хотел пойти на поворот — занесло между махами. Потом еще, при выходе на стойку на кистях сделал лишний кач. Нужно тщательней шлифовать комбинацию.

Мой тренер в общем не так недоволен. Все-таки второе место в опорном прыжке и четвертое — конь.

И на вольных подкачал — ну как я приземлился при заднем сальто!

Мой любимый гимнаст — Клименко. Дело даже не в том, что он гимнаст номер один. Я мог бы сказать, что люблю его за красоту и легкость исполнения или за настойчивость, но я хочу сказать о другом: он просто мне помогает в спорте. Вот взять опорный прыжок. Когда я его делаю, у меня стоит перед глазами, как прыгает он. Я не копирую, а просто стараюсь делать все так же, как он, — легко и свободно. Я уверен, что он выиграет олимпийские игры в Монреале.

Мои планы, конечно, скромнее — на всесоюзном первенстве спортивных школ-интернатов, в ноябре, хочу хорошо выступить по мастерам.

Виктор К.

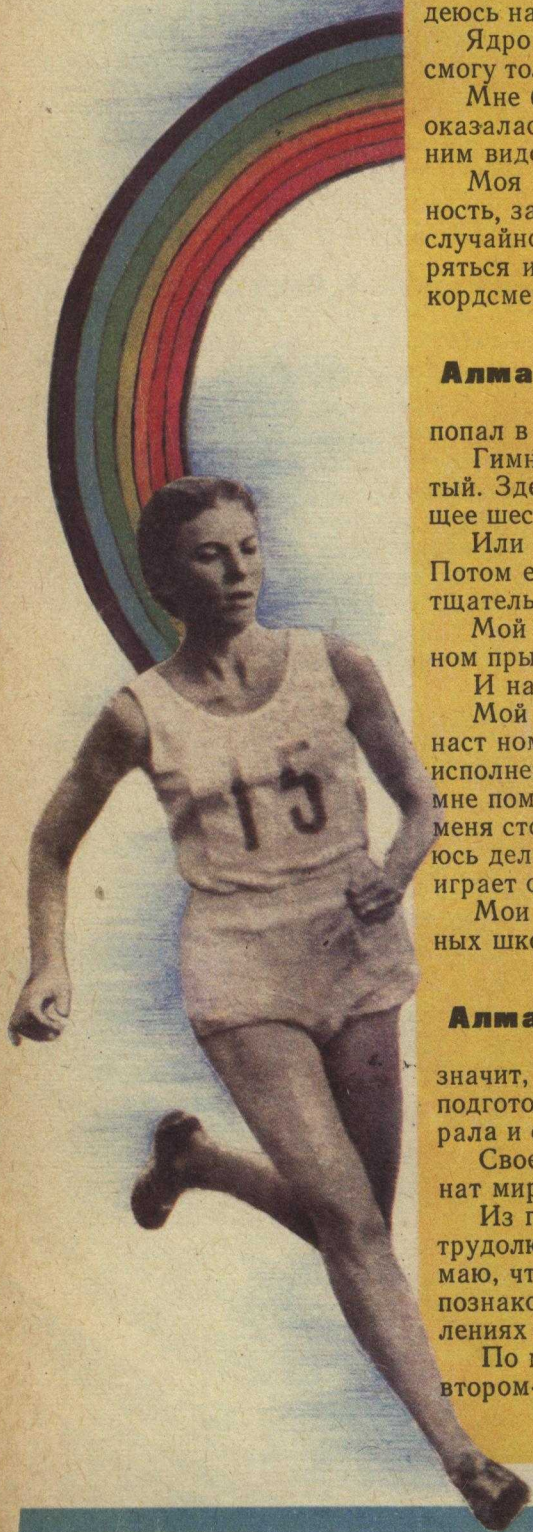
Алма-Ата Я выступила плохо. Пусть говорят, что бревно самый коварный снаряд, что всегда может подвести — все равно, значит, мне не хватило собранности, раз я упала с бревна. Значит, плохо подготовилась. Может быть, это потому, что внутренне все силы я собирала и собираю к выступлению в Вильнюсе на Кубок Союза.

Своей ближайшей задачей считаю войти в тройку и выйти на чемпионат мира в Варне, в октябре.

Из гимнасток мне больше всех нравится Люда Турищева — волевая, трудолюбивая, дисциплинированная. Делегат съезда комсомола. Я думаю, что от Люды можно ждать только повторения успехов. С Людой я познакомилась во время поездки по Канаде, где в показательных выступлениях я заняла второе место.

По мастерам выступаю с 1971 года. В Алма-Ате по всем видам — на втором-третьем месте.

Нелли КИМ

ЛЕТО '75

Таллин Улучшить время в беге на сто метров с барьерами мне так и не удалось. Плохо дело и с бегом на двести метров. По прыжкам в высоту мне удалось только повторить свой лучший результат — 1,65 в марте 1975 года в Таллине. По прыжкам в длину в Москве на соревнованиях юниоров меня обошла младшая сестра Варье. Ее результат на 7 сантиметров лучше моего — 5,81. Правда, этой зимой я много болела.

Зато с ядром дела обстоят неплохо: сразу после Алма-Аты, в Москве, я толкнула на 10,71; в сентябре в Пятигорске добавила еще тридцать сантиметров, в марте, в Таллине — еще тридцать пять, и, наконец, в мае в Таллине, на открытии сезона показала мой лучший результат — 11,87, заняв третье место.

За мою любимую спортсменку Надежду Ткаченко можно порадоваться. В Риме на чемпионате Европы она добилась замечательных успехов. Завоевать золотую медаль, выиграв прыжки и бег на двести метров у такой сильной соперницы, как Бурглинда Поллак, — это здорово.

Сейчас моя основная задача — хорошо выступить на легкоатлетических соревнованиях Швеция—Эстония. На отборочных соревнованиях в Таллине 1 июня я заняла третье место среди шести претенденток и теперь лечу в Швецию.

Висла СИРЬЕ

Кишинев Мы не называем фамилию Вити из Кишинева. Витя «подкачал», и не в одном каком-нибудь виде, а «подкачал» серьезно. Стал неважно учиться, почти совсем забросил гимнастику, так и не осуществив своих планов: «хорошо выступить по мастерам». Нам кажется, что Витя — мальчик самокритичный. Тренер считает его способным гимнастом. Но Вите не хватает силы воли и настойчивости, как раз тех качеств, которыми в полной мере обладает его любимый гимнаст Клименко. Будем надеяться, что Витя поймет, что его «занесло», и найдет в себе силы выйти из того «кача», в который он попал.

Чимкент Этот год я могу назвать счастливым. В августе, в Вильнюсе, на кубковых соревнованиях я заняла второе место после Корбут. Опять, как в Алма-Ате, меня подвело бревно. Зато через месяц на чемпионате мира в Варне я на бревне завоевала бронзу. Самыми неудачными были мои выступления на кубковых соревнованиях в Ленинграде. После чемпионата мира прошло полгода без больших соревнований. Появилась скованность. («Мандраж» — сказала Нелли). Тем более новая обязательная программа. «Отыгралась» я через месяц в Москве на международном турнире на приз газеты.

Единоличное первое место на коварном бревне и первое — второе место поделила на брусках и в вольных. Ну и, конечно, самой большой своей удачей я считаю мои выступления на чемпионате Европы в Шие. Бревно и здесь меня «подстерегало». Дело в том, что я выступала сразу после двух падений со снаряда подряд: Евы Кральной и Аннелоре Цинке. Но у меня за спиной уже была победа в Москве. Я чувствовала, что бревно начинает мне уступать, и я сумела выступить неплохо, проиграв 35 сотых Команечи. Сейчас мы с тренером готовим новые элементы в вольных и на бревне. Я верю, что если соберусь, настроюсь, то сделаю новый элемент на бревне, и тогда можно будет сказать, что я его победила.

Нелли КИМ

Планировать, ставить перед собой задачи на будущее очень важно для спортсмена. При этом нужно трезво оценивать свои силы, а уж если решил и почувствовал, что ты можешь это сделать, то должен добиваться выполнения поставленной перед собой задачи во что бы то ни стало. Особенно приятно, конечно, „перевыполнение плана“, как получилось в этом счастливом году у гимнастки из Чимкента, которая всего за две недели, с 19 июля по 2 августа 1975 года, сумела завоевать по три золотых медали в Ленинграде и в Монреале.

ВЕРЬТЕ ПЧЕЛКИНУ

РАССКАЗ

А. КРЕСТИНСКИЙ
Рисунки Е. Галеркиной

На первом уроке новенькая учительница сказала:

— Дети, вы летом много чего видели. Кто расскажет самое интересное?

Встала Катя Иванова и рассказала про обезьянку Чики.

Вот какой это был рассказ:

— Приехали мы с мамой на вокзал и видим — стоит толпа. Все говорят: «Глядите, глядите!» Мы посмотрели вверх, а там обезьянка. Она сидела на крыше вокзала, а вокзал был двухэтажный. Обезьянка бежевая вся, а на грудничек белый. Рядом с нами стояла женщина и кричала: «Чики, ко мне!» Чики не слушался, делал всякие гримасы, потом хотел спуститься по трубе, но раздумал. Вдруг видим — мальчик лезет на крышу! Мы так за него испугались! А он ловкий такой, раз-раз и залез. Вытянул руки, крадется. А Чики зубами щелкает, пугает мальчика. А хозяйка кричит: «За хвост его хватай, не бойся!» Мальчик поймал Чики за хвост, Чики висит на хвосте, извивается, моя мама говорит: «Ему больно, больно!» А хозяйка говорит: «Бросай его, мальчик, бросай, не бойся!» Мальчик бросил Чики, а хозяйка поймала. Поймала и смеется: «Ой, горячо!» Я спросила: «Почему горячо?» А она говорит: «Конфуз у него, от страха...» Потом она говорит: «Где мальчик? Где мальчик?» Мальчика нашли и привели. Она ему дает деньги и говорит: «Спасибо тебе». А он говорит: «Вот еще», — и пошел. А один дядька как закричит: «Тоже мне, принц Непала, денег не берет! Давайте мне, я возьму!»

Когда Катя кончила рассказывать, руку поднял ее сосед, беленький такой, робкий мальчик. Тоже новенький, как учительница.

— Твоя фамилия? — спросила учительница.

Он не успел ответить — в классе раздалось громкое: зззз-зззз...

— В чем дело? — спросила учительница.

— Его фамилия Пчелкин, — улыбаясь, сказал Прохоров, самый сильный в третьем «а».

— Ну и что, — сказала учительница. — Говори, Пчелкин.

— Я тоже видел этого... Чики, — чуть слышно произнес Пчелкин.

Катя и обрадовалась и удивилась — значит, Пчелкин был тогда на вокзале, а теперь за одной партой с ней сидит... Вот как бывает в жизни!

— Пчелкин хочет что-нибудь добавить? — спросила учительница.

— Нет, — прошептал Пчелкин.

— Заливает Пчела! — сказал Прохоров.

— Зачем ты обижаешь товарища? — сказала учительница.

— То-ва-ри-ща! — презрительно сказал Прохоров.

Катя глядела на Пчелкина. Тот опустил голову и, казалось, готов был расплакаться.

— Прохоров врет, — сказала Катя. — Пчелкин видел Чики.

— Пусть докажет! — крикнул Прохоров.

— Прохоров, прекрати! — сказала новенькая учительница и постучала указкой о стол.

— Пусть докажет! — повторил Прохоров. — А то Пчела хитрая — ззз...

И Прохоров показал, как летает хитрая пчела.

В классе задвигались. Кто поглядывал на улицу, кто — на Пчелкина. Учительница растерялась — она была еще молоденькая. Пчелкин не подымал головы.

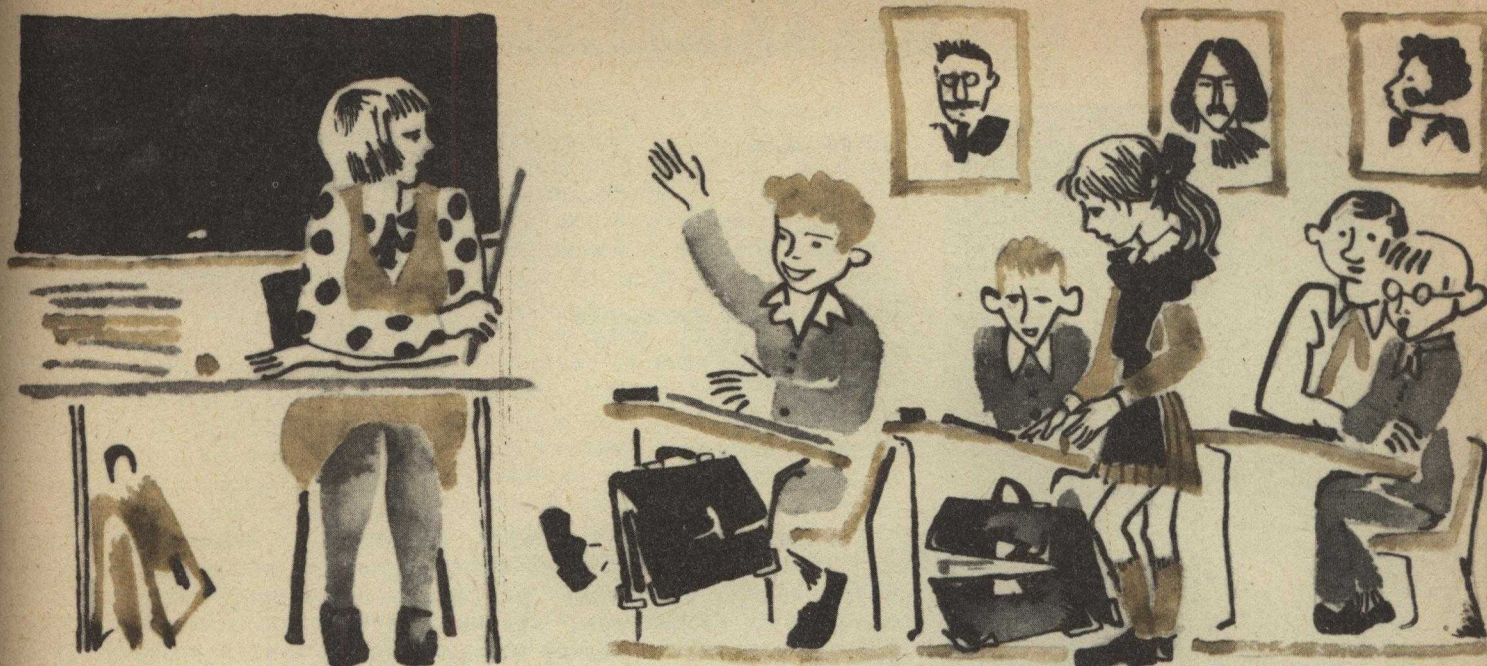
Катя шепнула ему:

— Пчелкин, ты скажи: я видел, честное слово...

Пчелкин молчал. Ухо его, обращенное к Кате, горело, а самый кончик белел, будто обмороженный.

Катя вскочила.

— Можно задать Пчелкину вопрос?

Учительница кивнула и тайком глянула на часы. Урок словно не двигался.

— Пчелкин, — сказала Катя. — Пчелкин, скажи, в какой рубашке был тот мальчик, ну, который Чики поймал.

— В го... голубой, — выдохнул Пчелкин.

— Правильно! — крикнула Катя.

— Подумаешь, — сказал Прохоров, — случайная угадка, так и я могу.

— Можешь, да! — рассердилась Катя. — Пчелкин, а сколько рублей та тетенька тому мальчику давала, а он не взял?!

Учительница с надеждой и тревогой глядела на Пчелкина. Пчелкин повернулся к Кате с таким видом, словно ему только что вырвали зуб.

— Я не знаю, — сказал Пчелкин. — Я далеко стоял.

— Ха-ха, стоял далеко! — Прохоров веселился.

— Сейчас же перестань, Прохоров! — учительница не знала, что делать.

А Катя ругала себя, зачем придумала Пчелкину такой трудный вопрос. Что теперь будет?..

Пчелкин беззвучно шевелил губами. Он пытался что-то сказать. Учительница протянула к нему руки и воскликнула:

— Пчелкин! Скажи ты что-нибудь, не молчи!

— Я... Я видел... Видел я!

Пчелкин обвел всех отчаянным взглядом, он был бледен, одна щека у него сморщилась, и на тетрадь громко упала тяжелая слеза.

— Зззз-зарыдал Пчелка, — жалобным голосом произнес Прохоров.

По классу пролетел смешок.

Учительница собралась было выгнать Прохорова из класса, но вспомнила, как в институте ее учили: выгонишь ученика — слабость свою покажешь. А что делать? Что?..

— Татьяна Павловна!

— Да?

— А вы, Татьяна Павловна, верите Пчелкину?

Катя стояла, ухватившись за парту обеими руками и в упор, сурово глядела на учительницу. «Ай, сероглазая!» — в страхе и восторге подумала Татьяна Павловна и доверчиво, как ученица, кивнула:

— Верю, Катя.

— А ты, Лебедева? — спросила Катя. — Ты веришь?

Лебедева с трудом выбралась из-за парты. Как всегда, она что-то жевала. Лебедева кивнула торопливо.

— Нет, ты скажи! Голосом скажи! — потребовала Катя.

— Да, да! — заспешила Лебедева, стряхивая крошки с передника. — Да, верю!..

— А ты, Семенов?

Семенов, что умел ходить колесом и презирал Прохорова за тупость в математике, гибкий и смуглый Семенов взлетел над партой и, пожав плечами, сказал:

— Ну, верю...

— А ты, Дутов?

Дутов, краснея и зная заранее, что проглотит букву «р», старательно произнес:

— Вею.

Катя протягивала руку и громко, грозно называла фамилии. Татьяна Павловна следила за Катиной рукой и слышала: «Верю... И я... Да, верю...» Она видела, как из-под руки косится на говоривших Пчелкин, как нервничает Прохоров и оттого паясничает еще пуще...

— Все! — сказала Катя. — Все.

Раздался звонок. Татьяна Павловна удивилась, что никто не вскочил со своего места, не побежал к двери. Все сидели на местах и ждали. Она поняла, что обязана что-то сказать. И тогда она сказала то, что чувствовала все эти сорок пять минут:

— Спасибо, Катя!

СЕРИЯ 22

*Этот выпуск киноклуба
мы посвящаем
IX Московскому
международному
кинофестивалю*

Каждые два года на поездах, самолетах, в пароходах и автомобилях со всех уголков земли спешат в нашу столицу кинорежиссеры со своими фильмами, операторы, артисты, сценаристы, продюсеры, критики, журналисты... Каждые два года приходит в Москву международный праздник—кинофестиваль.

Белые, черные, желтые лица. Улыбки—как солнце. Пожатья крепких рук. Многоязыкая речь. В этом году на IX кинофестиваль съехались кинематографисты 99 стран. Такого количества участников еще не бывало! Но не только этим нынешний фестиваль отличался от всех предыдущих.

В этот раз с особой уверенностью люди говорили о мире, о сотрудничестве разных стран, легко и радостно мечтали о грядущем, не боялись строить дальние планы, заглядывать намного вперед. Потому что когда на московской земле шел кинопраздник, в космосе проходил исторический совместный полет советских и американских космонавтов—акция мира и сотрудничества.

И особенно отчетливо—в кадрах на экране, в жарких спорах и в тихих беседах—виделся, чувствовался, звучал девиз фестиваля:

**„ЗА ГУМАНИЗМ КИНОИСКУССТВА, ЗА МИР И ДРУЖБУ
МЕЖДУ НАРОДАМИ!“**

**КРАСНЫЙ? СИНИЙ?
ЗЕЛЕНый?**

Зал ревел и стонал: одни требовали взять шар красного цвета, другие отчаянно просили зеленый, третьи...

Вот уже в пятый раз на Московском международном кинофоруме открывался конкурс детских фильмов.

Первой в мире наша страна начала выпускать фильмы для детей. Первой в мире открыла детские кинотеатры. И для нас нет ничего удивительного в том, что так изумляет делегатов фестиваля из капиталистических стран: детские фильмы на конкурсе смотрят не только члены жюри, но и тысячи ребят.

Зал Дворца пионеров на Ленинских горах, где проходит фестиваль детских фильмов, за-

полнен до предела. Тут и юные москвичи, и приехавшие в столицу школьники разных сел и городов, и ребята, отдыхающие в подмосковных пионерских лагерях...

Два ряда занимают члены жюри. Одно жюри—взрослые. В него входят специалисты по детскому кино, известные кинорежиссеры, актеры, кинокритики. Второе—детское. Оно состоит из московских школьников, пионерских активистов, которые любят кино.

В цветных шарах записки с названиями фильмов. Какой выбрать? В конце концов выбирают шар синего цвета. Читают записку: «Документальный фильм «Дружба» (СФРЮ).

Погасли огни в зале. Вспыхнул экран. Засмеялись на нем и запели югославские ребята и

их друзья-ровесники с разных континентов. Фильм-концерт. И фестиваль начался.

ПОНЯТЬ ЖИЗНЬ. ПОНЯТЬ СЕБЯ

За призы боролись 60 кинолент. О чем они рассказывали? О борьбе за мир и справедливость, о дружбе и товариществе, о заботах и мечтах детей разных стран, о принцессах и красавицах, об индейцах и так далее и так далее.

Особенно интересовали юных зрителей фильмы о сверстниках, о подростках. И тут кино не обмануло их надежд. Были о современных ребятах прекрасные фильмы. Герои этих фильмов переживают не игрушечные, пустяковые, а настоящие жизненные трудности, даже трагедии. Такие и взрослому мудрому человеку нелегки. А тут — подростки. Но эти ребята не киснут от сегодняшних испытаний. Они ищут справедливость, стремятся понять жизнь, найти себя в жизни.

Одна из таких картин называется «Конец каникул». Ее привезли в Москву польские кинематографисты, поставил фильм Станислав Ендрыка.

Это печальная история о четырнадцатилетнем Юреке из маленького шахтерского городка. Расстроилась дружба Юрека с девочкой из Варшавы. Нет доверия между мальчиком и родителями. Сам Юрек считает себя очень несчастным. А когда человек чувствует себя слабым, целый мир ему не поможет — только он сам в силах себя исцелить.

Вот об этом картина С. Ендрыки. О внутренней силе, о помощи слабым и еще о презрении к собственной слабости.

Этой ленте был вручен приз детского жюри — «За фильм, который нам более всего понравился».

„МОЖНО РАЗГОВАРИВАТЬ ВО ВРЕМЯ ФИЛЬМА“

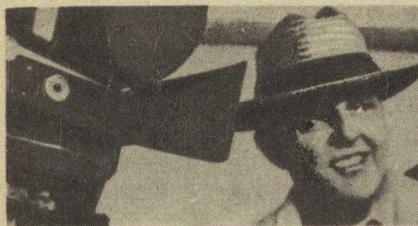
Перед началом фильма к зрителям вышел мужчина. Высокого роста. Громоздкий даже на большой сцене. И сказал:

— Сейчас вы увидите фильм «Парад». Я, как режиссер, разрешаю вам во время фильма разговаривать.

И все изумились — всегда запрещают, а тут, пожалуйста, с чего бы вдруг? И сразу притихли...

И начался «Парад». На киноэкране зрители собирались в цирке, усаживались. И вот завертелось колесо циркового представления — артисты всех жанров, трюки любой сложности. А иногда зрители из цирковых рядов (а казалось — зрители кинозала, мы сами!) в азарте выскакивали на манеж и тоже — пусть на минуту! — становились циркачами, озорными и ловкими.

Время от времени появлялся на манеже актер (его играл тот самый режиссер, что выходил к ребятам перед началом про-

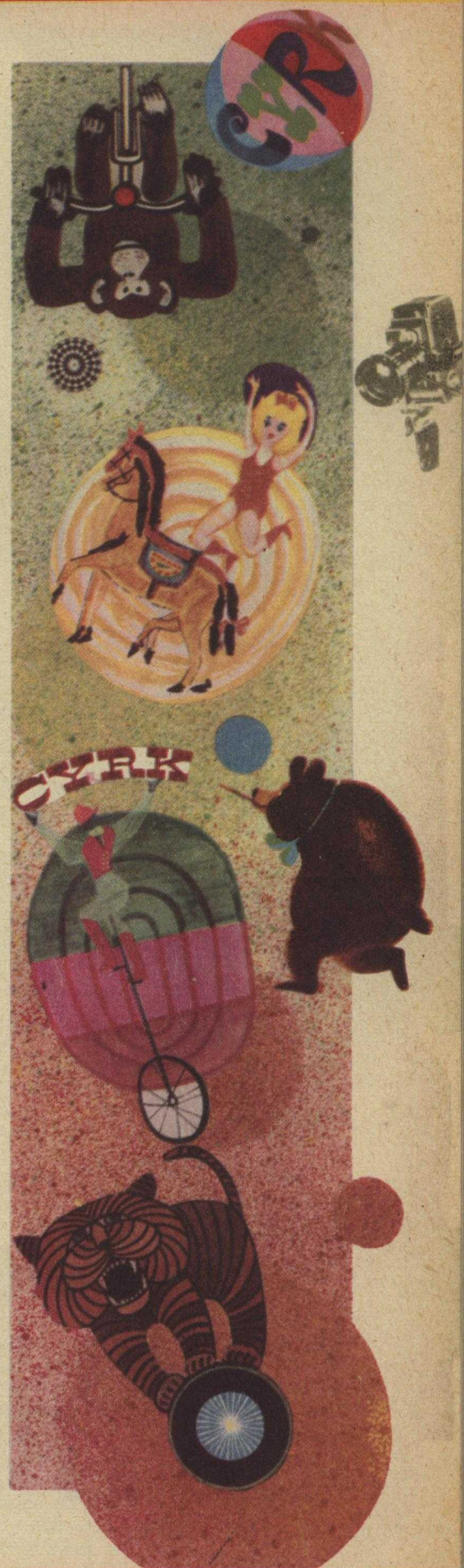
смотра — Жак Тати) и проделывал изящно и легко различные пантомимы. Вот тебе и громоздкий!

И все поняли, почему это Жак Тати разрешил разговаривать! Да потому, что нельзя в таком фильме удержаться и не закричать от восторга. А то — забить в ладоши! А уж захохотать — так от всей души! Что и делало детское жюри.

Солидное и строгое взрослое жюри, конечно же, на просмотре картины не хохотало, ногами от восторга не топало и соседей в бок локтями не пихало. Но фильм ему понравился. Откуда это известно? Жюри отдало

«Параду» самый главный — Золотой приз.

НЕ ТОЛЬКО НАГРАДЫ

Но Московский фестиваль — это не только вручение наград. Дать этому фильму Золотой приз, а тому — диплом... Иначе зачем бы ездить в Москву из дальней дали?! Прислал бы киноленту в посылке — и сиди дома, жди ответа по почте.

Фестиваль — это встречи, это беседы и дискуссии. Это обмен мнениями и жаркие споры. Это начало деловых отношений и творческой дружбы.

Начался исторический совместный полет советского космического корабля «Союз» и американского «Аполлона», и отступили в тень фестивальные заботы. Все говорили только о полете. Сколько надежд и радости вселил он в сердца! Один киноактер на вопрос нашего корреспондента, как он расценивает события в космосе, от волнения смог произнести лишь два слова: «Потрясающе! Фантастика!» А один кинокритик сказал, что о таких событиях нельзя говорить прозой и что он напишет об этом поэму.

В гостинице, где жили кинематографисты, люди толпились у телевизоров — ждали новостей из космоса. И режиссеры, чьи фильмы шли в одно время с космическими телепередачами, обреченно махали руками: кто же сейчас променяет телевидение на кино?!

ОТРОКИ В КОСМИЧЕСКОМ ПОЛЕТЕ

В детском конкурсе участвовали две советские картины, которые вы уже полюбили — «Отроки во Вселенной» и «Москва — Кассиопея». Случилось так, что ленты демонстрировались на следующий день после запуска «Союза» и пользовались особенным успехом.

Фильм «Москва — Кассиопея» получил Серебряный приз взрослого жюри фестиваля.

Режиссер — постановщик фильмов «Отроки во Вселенной» и «Москва —

Кассиопея» Ричард Викторов рассказывал корреспонденту «Костра»:

— Фильм не допускал ни чрезмерной серьезности, ни облегченности, бутафории, которую юные зрители восприняли бы как фальшь. Мы хотели, чтобы странный мир, в котором обитают наши герои, был достоверен. В работе нам помогал наш консультант летчик-космонавт СССР Г. Береговой. Все наши замыслы подробно с ним обсуждались.

Своими фильмами мы хотим увлечь наших зрителей, пробудить в ребятах интерес к наукам XX века, к самым дерзновенным мечтам.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ МЕЧТЫ — ОГОРОДНОЕ ПУГАЛО

Ну, а сказки на экране были? Да, да, великое множество сказок! И чего только в них не происходило!

Хорошо вам знакомые Болек и Лёлек на сей раз боролись с загрязнением реки («Подводные приключения», Польша).

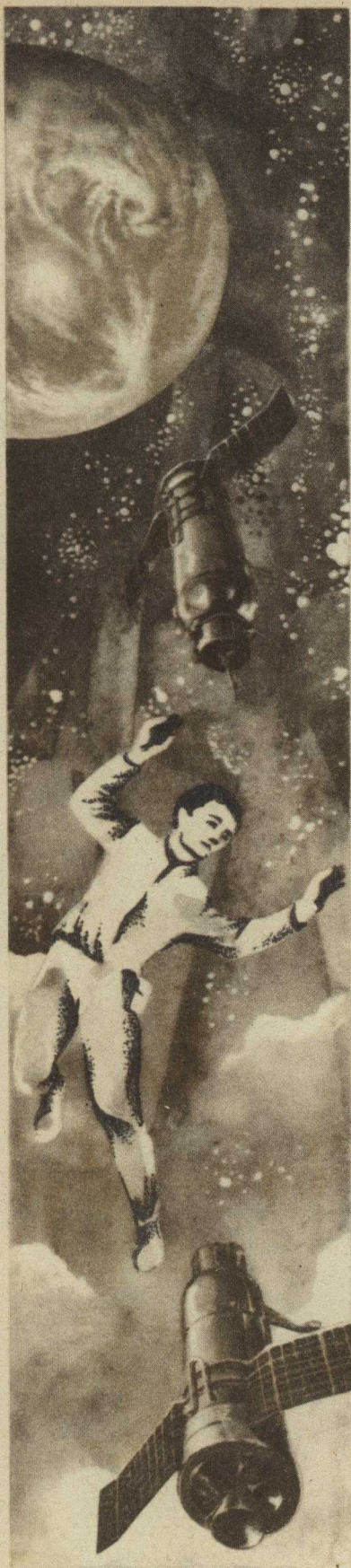
Любимый вами сладкоежка, озорник и выдумщик жужжал пропеллером и вытворял невесть что («Карлсон, который живет на крыше», Швеция).

Кто видел японский мультфильм «Кот в сапогах», тот может легко представить себе краски и образы фильма «Ру-

салочка», который японцы показывали на нынешнем фестивале. Он по сказке Андерсена.

Сначала мы увидели современный Копенгаген, его улицы, горожан, статую Андерсена.

Оформление Ю. Иванова

Потом из города великого сказочника перенеслись в его сказку и в конце фильма вновь вернулись в Копенгаген, к бронзовой Русалочке на берегу моря.

«Приз за лучшую сказку — фильму «Русалочка», — так объявило потом детское жюри.

Нет возможности рассказать обо всех фантастических, лирических, отчаянно веселых, грустных и радостных сказках фестивального экрана. И стоит ли говорить о том, как рады им были юные зрители?! Ведь каждый из них — мечтатель. А каждая сказка — мечта. А человек без мечты — огородное пугало. Так утверждают мультипликаторы из Аргентины. Научился мечтать Трапито, герой их фильма, и стал живым существом. А чем он был до этого? Огородным пугалом!

ЧТО СТОИТ ЗА КАДРАМИ

«В сельве много дел» — уругвайский фильм. Жили в сельве веселые и трудолюбивые звери, ухаживали за родной природой и дружили меж собой. Но вот их поймали и заточили в зоопарк. Счастье, что нашлась добрая девочка, помогла зверям выбраться на свободу и вернуться в родную сельву.

Такая вот бесхитростная история. Но в конце ее зал взрывается бурной овацией. Заключение надписи фильма объясняет: эту историю придумал один уругвайский политический заключенный. В тюремном застенке он записывал ее в стихах для своей маленькой дочки. Придет время — и политзаключенные выйдут на свободу и вернуться к своим детям.

О народе, борющемся за свою свободу, рассказал фильм, привезенный делегацией Патриотических сил Чили. Он состоит из рисунков чилийских ребятишек семи, восьми, девяти лет. На этих рисунках не ба-

бочки и цветы, не любимые куклы и собачки. На них самолеты сбрасывают бомбы на рабочих, окровавленные улицы, руины президентского дворца... На рисунках — чилийский фашизм, лишивший этих ребят родины, мира, детства.

У каждого фильма — своя судьба. Не все создавались просто и спокойно. Не всем легко было приехать на фестиваль. Некоторые ленты реакционеры, фашисты в злобной радости сожгли бы, разрезали на куски или спрятали в недостижимые сейфы. Ведь кинокадры — это документ против них, это обвинение им. Они боятся кино. Кинематограф сплывает против них людей на разных континентах.

САМАЯ ПОПУЛЯРНАЯ ЛИЧНОСТЬ

По данным справочной службы фестиваля, самая популярная личность на IX Московском — Ортенсиа Альенде.

Жена президента Чили Сальвадора Альенде, убитого фашистской хунтой Пиночета, продолжает дело своего мужа. Ортенсиа Альенде — общественная деятельница. Знамя Патриотических сил Чили. Ее выбрали членом жюри фестиваля по конкурсу документальных фильмов. Ортенсиа Альенде борется за мир, и фестиваль борется тоже.

47 ДЕТЕЙ МАРИКО МИЯГИ

В Японии ее знают все. Марико Мияги человек многих талантов: актриса театра и кино, певица, автор и художник нескольких книг, кинорежиссер, композитор. Но известна Марико не только этим.

В двухстах километрах от Токио есть местечко Нэмуноки — Тутовое дерево. Там Марико организовала школу-санаторий для детей, родители которых были облучены от взрыва атомных бомб в Хиросиме и

Нагасаки. Тридцать лет прошло с тех пор, как разорвались эти страшные бомбы, а до сих пор рождаются дети-калеки.

47 малышей и подростков живет в санатории. Япония называет их «детьми Марико Мияги».

О своих ребятах Марико и привезла в Москву картину «Песня Тутового дерева». В этой картине все так контрастно: улыбающиеся детские лица — и коляски для инвалидов, обувь для больных ног...

Дети с разными характерами. Ясуко — мечтательница. Знаете, чего бы она хотела больше всего на свете? Перебежать через улицу. Просто перебежать через улицу, оставив ненавистные костыли.

Хидетоси не верит, что вылезет. Он — пессимист. Ему даже в историю болезни врачи записали: «Пассивность». Но однажды Хидетоси видит велосипедистов, мчащихся по шоссе. Чуть-чуть он позавидовал этим быстрым ребятам. Чуть-чуть, но в нем затеплилась надежда. В конце картины Хидетоси пробует вползти на холм. Слабые ноги соскальзывают, хорошо, что помогают друзья. И когда мальчишка поднимается на холме, он видит перед собой море. А за кадром чистый звонкий голос Марико Мияги поет песню, спокойную и уверенную. Врачи считали этих ребят безнадежными, а Марико верит в них и имеет право верить: она сама дочь человека, который был облучен 30 лет назад в Нагасаки.

Все, чему научились кинематографисты друг у друга, все лучшее, что увидели в фестивальных кинолентах, опыт друзей, творческая поддержка коллег — все это войдет в новые фильмы, которые еще придут на экраны будущих Московских фестивалей.

Корреспондентом киноклуба на фестивале была Галина ГЕОРГЕ

СКАЗКИ ОСТРОВОВ ФИДЖИ

На карте мира недавно появилось новое независимое государство. Фиджи объединяет сотни островов в юго-западной части Тихого океана.

Мы печатаем несколько фиджийских сказок.

МУДРАЯ ДЕВУШКА

На острове Вануа-Леву в деревне Ндрекети в одной семье был сын-змея. Это был самый настоящий змей. Хотя родители боялись и сторонились его, они заботились о сыне. Когда он вырос, они построили ему, как велит обычай, отдельную хижину и стали думать, как женить его.

Девушки Ндрекети не хотели выходить замуж за змея. Они смеялись и плакали, когда им предлагали стать его женой. «Он противный! — говорили они. — У него холодная кожа и печальные глаза!»

Но все же нашлась одна девушка, которая пошла за него.

Она стала жить в доме мужа-змея и вести его хозяйство.

И вот однажды, когда она отправилась на лодке в море ловить рыбу, кожа упала с тела змея и он превратился в прекрасного юношу.

Когда жена вернулась домой, она увидела незнакомца и спросила:

— А где же мой муж?

— Где же твой муж? — ответил юноша и сделал вид, что ищет в хижине змея.

Прошло три дня, и девушка снова ушла на рыбную ловлю. Она ловила на коралловом рифе рыбу и думала — откуда мог появиться в их доме прекрасный юноша?

Она решила разгадать эту тайну. На четвертый день она сказала, что опять идет ловить рыбу, а сама спряталась за хижинкой. Только

юноша вышел в лес набрать орехов-кокосовой пальмы — девушка вошла в дом, она отыскала спрятанную змеиную шкуру и сожгла ее.

Юноша в этот день долго бродил по острову, собирая орехи. Когда он вернулся вечером

домой, он опять сделал вид, что хочет искать змея:

— Где же твой муж? — спросил он.

— Это ты! — ответила девушка.

Они стали жить вместе.

ПОПУГАЙ И ЛЕТУЧАЯ СОБАКА

Попугай и летучая собака были друзьями. Они жили в одном лесу, и хотя попугай — птица дневная, а летучая собака — ночной зверь, всегда находили время поболтать или вместе полетать по лесу.

Однажды летучая собака сказала:

— На острове Коро созрели плоды давы!

Попугай ответил:

— Я люблю мякоть этих плодов. Полетим туда!

— Хорошо. Летим!

И они полетели к острову Коро. Летучая собака летела очень низко, над самыми гребнями волн. А попугай летел высоко. Вскоре его крылья устали. Он окликнул летучую собаку:

— Мои крылья устали, и я могу упасть в воду!

Летучая собака отвечала:

— Спускайся ко мне. Я поддержу тебя!

Попугай с трудом спустился вниз. Теперь и он летел над самыми гребнями волн.

— Садись ко мне на крылья, иначе ты умрешь! — сказала летучая собака.

И она растянула изо всех сил перепонки своих крыльев. Но попугай ослаб и не смог удержаться на гладкой натянутой коже. Он скользнул по ней и упал прямо в море. И только он упал — из глубины тотчас поднялась рыба-ба-попугай и проглотила его.

Вот почему морда рыбы-попугая имеет клюв, и этим массивным клювом рыба может даже обкусывать и дробить кораллы. И вот почему птицы-попугаи с той поры боятся летучих собак и никогда не летают с ними вместе.

РАКОВИНА

Случилось так, что древесная ящерица и морская черепаха встретились однажды около большой красивой раковины. Раковина лежала на берегу и отливала на солнце всеми цветами радуги.

— Такой красивой раковине место только в море! — сказала черепаха.

— Нет, нет, она должна остаться там, где лежит! — возразила ей ящерица.

Они ухватились за створки раковины и стали тянуть что было сил.

Но черепахи медлительны, и поэтому с самого начала ящерица стала брать верх. Тогда черепаха решила победить хитростью.

— Смотри-ка, смотри, что делается с раковиной! — воскликнула она.

— Что, что? — переспросила ящерица.

Она выпустила раковину из когтей и вытянула шею, чтобы посмотреть, что случилось.

Тогда черепаха, а она стояла недалеко от воды, собрала всю свою ловкость и нырнула вместе с раковиной в воду.

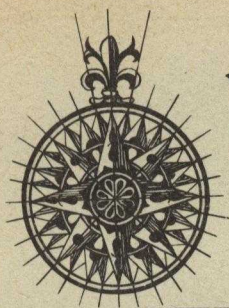
Вот как получилось, что прекрасные, отливающие всеми цветами радуги раковины водятся только в море. И вот почему каждый человек, живущий на Вануа-Леву или на других островах архипелага, убив ящерицу или поймав черепаху, должен трубить в раковину.

А если взять раковину в руки и присмотреться к ней внимательно, увидишь: на одной из ее створок — пять полос, это следы когтей черепахи. А на другой — бороздки. Тут держала раковину древесная ящерица.

Перевод А. КОНДРАТОВА

Рисунки А. Ивашенцевой

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 19-й

ОСТРОВ—ЗАБЫТЬ!

Июль 1812 года. На рейде Лиепай встал на якорь русский фрегат «Амфитрида». Моряки еще не знали, что город занят войсками Наполеона, и к берегу под парусами направился катер. Командовал катером мичман Торсон.

Едва приблизились к берегу — из-за кустов раздались выстрелы. Двух матросов убило. Торсону пробило пулей ногу... Преодолев боль, Торсон переложил руль и повернул обратно.

С берега снова засвистели пули, но катеру удалось уйти.

Мичмана Торсона представили к боевой награде.

Прошло несколько лет. Константин Петрович стал отличным моряком. И с экспедицией Беллинсгаузена и Лазарева ушел к Южному полюсу. Остров близ Антарктиды, открытый в плавании, был назван его именем.

...В 1826 году Морская комиссия разбирала проекты усовершенствования военного флота России. Один проект был одобрен. Доложили о нем царю.

— Хороший проект! — сказал Николай Первый. — Кто автор?

Вскрыли пакет и ахнули... Автор, бывший капитан-лейтенант Торсон, декабрист, в это время был на пути в Сибирь — на вечные каторжные работы...

— Проект положить под сукно! — приказал царь. — А остров — забыть! Остров спешно переименовали.

...Далеко от России в Антарктических морях лежит этот остров, называемый Высоким. Настоящие моряки помнят, что когда-то он носил имя моряка-декабриста Торсона.

Капитан 2 ранга А. Стрелов

СПРАШИВАЙТЕ—ОТВЕЧАЕМ

Я услышал название — «Полюс Недоступности». Что это такое и где этот Полюс? Были ли там люди?
Саша Елтаренко, Ленинград

Н. Черниговский
на «Полюсе Недоступности». 1941 г.

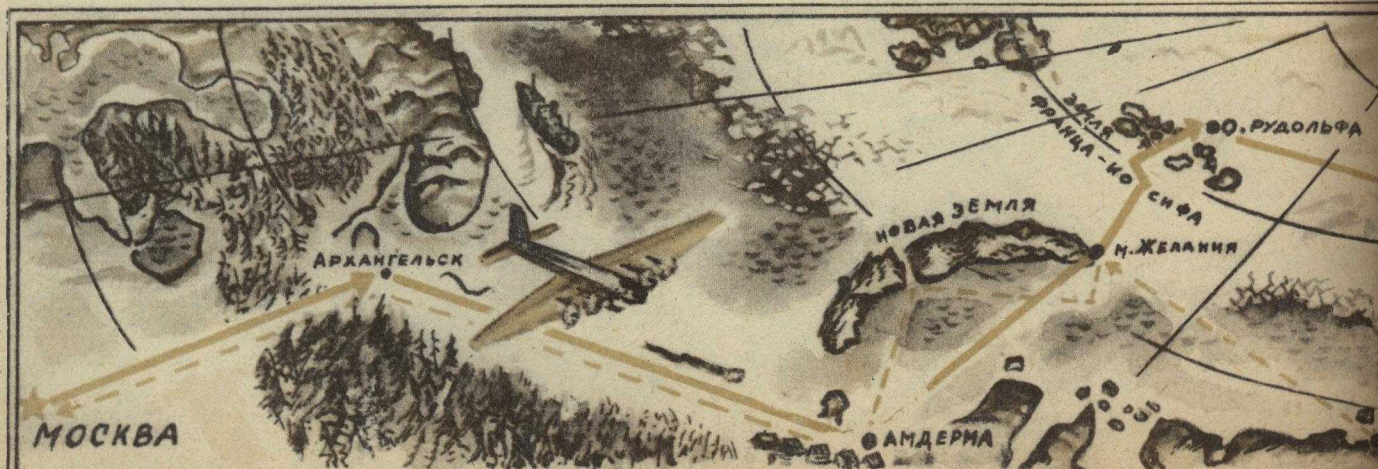
Отвечает кандидат географических наук, участник дрейфов на станциях «Северный полюс» Николай Трофимович Черниговский.

— Уважаемый Саша! Попробуй отыскать на карте Арктики с помощью циркуля точку, которая отстояла бы от суши одинаково далеко. Это и будет «Полюс Недоступности». А теперь посмотри на нашу карту — верно ли ты определил этот Полюс...

Были ли на «Полюсе Недоступности» люди? Да. В 1927 году американский летчик Губерт Вилькинс совершил вынужденную посадку. Он сумел измерить глубину океана — 5440 метров! Все стали считать, что «Полюс Недоступности» — район больших глубин...

Весной 1941 года на «Полюс Недоступности» вылетела советская воздушная экспедиция. Самолет вел летчик Черевичный. Я в экспедиции был гидрологом. Наши измерения глубин оказались более точными. На «Полюсе Недоступности» — всего 1856 метров. Вилькинс ошибся...

В районе «Полюса Недоступности» и сейчас работают советские ученые.

ПРИСПОСОБИЛИСЬ

Плавает в океане ядовитое животное — «португальский кораблик», или, как его еще называют, — физалия. На поверхности — пузырь, а вниз спускаются нити-щупальца. Человек, обожженный физалией, может заболеть. А вот осьминоги физалий не боятся: яд их для осьминога безвреден. И вот что делают маленькие осьминоги: отрывают у физалии щупальца и вооружаются ими. Попробуй пойдти!

ПОРТУГАЛЬСКИЙ КОРАБЛИК / ФИЗАЛИЯ

АТАКА СОВЕТСКИХ ТОРПЕДНЫХ КАТЕРОВ
Володя Высоцкий, 13 лет, поселок Выгонычи Брянской области

ДЕЛА МОРСКИХ КЛУБОВ

Нашему морскому клубу «Бригантина» 8 лет. У нас есть свой устав, присяга, эмблема и форма. В клубе несколько секций и кружков, где мы учимся морскому делу, стрельбе по мишеням, знакомимся с разными видами оружия, изучаем военно-морской устав. Мы занимаемся плаванием и борьбой: ведь настоящий моряк должен быть сильным...

А если у бригантиновца не ладится с учебой, ему не станут надоедать нравоучениями, а просто не допустят к занятиям. Что может быть хуже? Чтобы не краснеть перед товарищами, исправьш двойку...

Девиз нашего клуба: отвага, верность, труд, победа!

Юнга клуба «Бригантина», Советская Гавань

ЗНАМЕНИТЫЕ ПАРУСНИКИ МИРА

Барк отличают от других парусников по мачте-бизани: она у барка — «сухая», на ней нет прямых парусов. На остальных мачтах паруса прямые. Мачт может быть и три, и четыре, и пять...

Барк «Товарищ» был четырехмачтовым, стальным. И мачты его, высотой в пятьдесят метров, были из стали. А паруса — льняные, белые, тугие.

«Товарищ» с честью пронес красный флаг Страны Советов по многим морям и океанам. За границей его дружный экипаж называли так: «комрэз оф «Комрэд», что по-английски значит — «товарищи с «Товарища»...

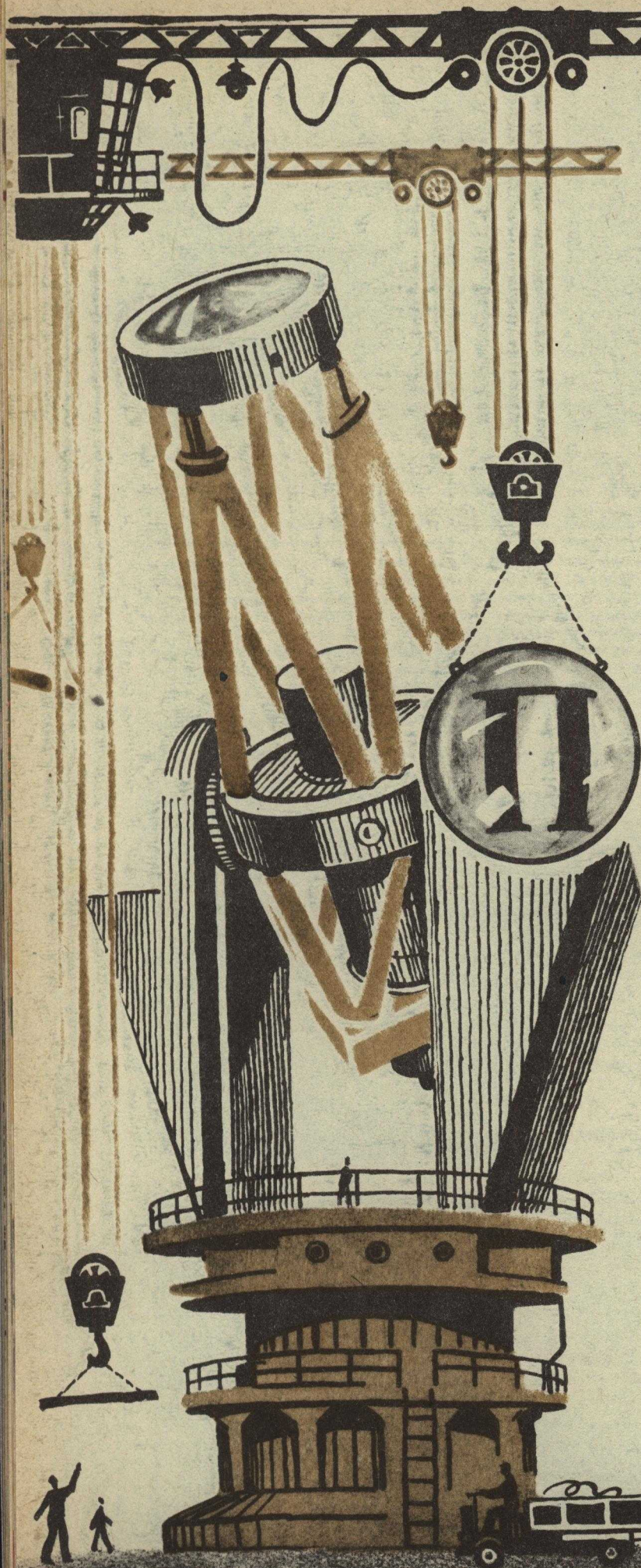
Великая Отечественная война застала барк в учебном походе. Фашистские самолеты атаковали мирный парусник. Бомбы пробили палубу. Не спуская флага, «Товарищ» погрузился в волны. Он предпочел гибель позорной сдаче и плену.

Дорогие читатели!

Мы заканчиваем серию очерков о знаменитых парусниках. Напишите нам, о каких кораблях вы хотели бы еще узнать?

Барк „Товарищ“

Витька толкнул дверь. Вестибюль был широкий и пустынный. В углу на металлических палках висели деревянные плечики. Витька независимо прошел к гардеробу, повесил куртку на плечики, хлопнул по ней, чтоб расправилась, и только тогда спросил:

— Где тут у вас приемная комиссия?

Приемная комиссия у них была на втором этаже. Витька поднялся по лестнице. На двери висела табличка: «Директор». Через стеклянную стену можно было увидеть, что делает директор. Он сидел за столом и писал. Потом снял трубку с телефонного аппарата и что-то сказал. Что — не было слышно.

Витька зашагал дальше.

Встречались таблички: «Кабинет спецтехнологии», «Кабинет эстетики», «Кабинет металловедения». Двери были стеклянные, и видно было, кто что делает. В одном кабинете чертили, в другом — играла музыка, а из третьего выбежал парень, взглянул на Витьку и почему-то засмеялся.

— А где здесь оптики учатся?

Парень еще веселее засмеялся и показал вниз:

— Ищи пониже.

Витька пошел по узкой лестнице вниз.

В мастерской было пусто. Рядами стояли столы, на них — маленькие станочки. Витька

ЕРВЫЙ ШАГ

в школьной мастерской видел токарные, но эти были не похожи на них.

Он потрогал прохладную поверхность станочка и вдруг услышал:

— Ты что здесь делаешь? — Рядом стоял немолодой уже человек в щегольском халате салатного цвета.

— Смотрю.

— Ну и как?

— Ничего. А где эта самая оптика?

— Будет тебе оптика.

Человек достал из ящика стола мутное шершавое стекло, протянул Витьке.

— Посмотри сквозь него. Видишь что-нибудь? Ничего? Это заготовка. Приложишь руки — микробы разглядишь или даже звезды на небе.

Витьке стало интересно. Он разглядывал стекло и думал.

— Думай, не торопись. А надумаешь — приходи. Помнишь адрес? Сорок шестое профессионально-техническое училище.

Витька помнил адрес. И пришел снова. Решил стать оптиком.

В группе было двадцать пять мальчишек и девчонок. Мастер, Василий Иванович Михайличенко, осмотрел их внимательно и сказал:

— Теорию и практику проходить будем одновременно. У нас заказы. Их надо выполнять. Только, конечно, остороженько, соблюдая технику безопасности.

Он много говорил о технике безопасности, а Витьке было смешно. Только потом уже он понял, как опасен бешено вертящийся шпиндель.

Скоро он уже знал, что станки бывают трехшпиндельные и шестишпиндельные, что обработка стекла делится на шлифовку и полировку. Что оптику нужнее всего терпение и внимание, а самый страшный его враг — царапины.

Они появляются на стекле, казалось бы, от сухих пустяков. Температура чуть больше — царапины, чуть меньше — тоже, давление побольше — опять, скорость чуть не та — снова появляются. Особенно трудно держать в чистоте большую поверхность, говорил мастер. Тут чувствовать надо. Настоящие мастера словно волшебники: чутьем, интуицией берут там, где ученые год объяснений ищут.

Когда группу водили на завод, Виктор во все глаза рассматривал неторопливых и спокойных людей за станками. Ничего в них необыкновенного не находил. И работали обыкновенно. Но когда его поставили к станку и Виктор впервые взял в руки полировальник,

— Не хвались. А еще у меня к вам предложение. Видите глыбу?

На столе, льдисто поблескивая, лежала стеклянная глыба.

— Из нее можно сделать красивую вещь. Какую? Попробуем нанести на стекло рисунок памятника Ленину, что у Финляндского вокзала.

— Посмотрите, подумайте...

Через несколько дней был разработан план: заготовка, шлифовка, полировка, склейка, изготовление подставки. Для подставки выбрали стекло темного гранатового цвета, чтобы отсветы от него пронизывали глыбу.

А она, тяжелая и хрупкая, не сразу поддавалась. Тут нужна была особая осторожность: чуть больше давление — и она расколется. Работали по очереди пять человек — и исчезла матовость, грань за гранью стекло просветлялось, обретало прозрачность, освобождало свою красоту. Солнечные лучи преломлялись внутри и освещали рисунок.

Становилось темно, включали свет, но никто не торопился. Вечером в мастерской было тихо, уютно и начинались самые длинные и интересные разговоры.

Однажды Василий Михайлович, осмотрев работу, сказал:

— Все. Молодцы. Хоть на выставку посылай.

К ТЕЛЕСКОПУ

П. СОЛОВЕЙ

Оформление
Н. Андреева

у него ничего не получилось. И руки неловкие, и забыл, что зачем, и просто стало страшно.

— Не суетись, — подошел Василий Михайлович. — Стекло суеты не любит. Пораскинька умом. Ведь все знаешь, только руки надо приучить. Станут послушными — и все пойдет.

И Виктор вдруг успокоился. Действительно, куда они денутся, руки? Все равно станут послушными.

Так и произошло. Но не сразу. Сначала была работа в мастерской. Осваивали станки, инструменты. И через три месяца ребята самостоятельно изготавливали каждую деталь от начала и до конца. Они уже знали все операции и гордились, если успевали «выдать» норму.

Мастер не торопил, он требовал одного — качества. Сделай мало, но без брака. Потому что делали не игрушки, а детали для точных оптических приборов. Заказы были сложные. Особенно капризными были светофильтры.

— Вот что, Виктор, эту партию светофильтров даю тебе и Коле Куликову. Не испортишь?

— Когда мы портили?!

И действительно отправили на выставку — на Выставку достижений народного хозяйства. Эта работа завоевала там дипломы и медали. А мысли ребят были уже заняты другим. Началась заводская практика на ЛОМО.

Если есть в нашей стране человек, который не знает такого названия, то все равно он с этим предприятием сталкивался. Все, кто ходит в кино или фотографирует, смотрит в глазок микроскопа или подбирает себе очки, изучает микромир или звездное небо — все эти люди так или иначе сталкиваются с продукцией Ленинградского оптико-механического объединения.

Сейчас кажется невероятным, что еще в начале века Россия покупала за границей даже самые простые оптические стекла — для очков, не говоря уже о чем-нибудь посложнее. Когда на одном из уроков рассказали, что секрет варки оптического стекла Россия купила у англичан за 600 тысяч рублей золотом, ребята ахнули. Царское правительство скупой отпустило деньги на научные исследования, а немецкая фирма Цейса — Шотта, фирма Пари — Мантуа во Франции, братья Генс в Англии тщательно хранили свои секреты.

Не хотели выпускать из рук доходы от тор-

говли оптическими приборами. Вот почему пришлось покупать рецепт варки стекла. А отполировать его — этому научились: умельцев в России всегда хватало.

Когда ребята пришли на объединение, они в этом убедились сразу.

Теперь-то они понимали, какие сложные приборы здесь делают и сколько нужно труда и умения, чтобы добиться такой высокой чистоты и точности, без которой не создать фотоаппарата или телескопа.

В то время здесь только и разговоров было — БТА да БТА.

Большой азимутальный телескоп — вот как расшифровываются эти буквы. Пятнадцать лет труда конструкторов, ученых, рабочих вложены в этот телескоп. Но зато возможности его в полтора раза превышают возможности «стеклянного гиганта горы Паломар», как торжественно называли самый большой в США телескоп. Наш может уловить огонек свечи на расстоянии в двадцать пять тысяч километров. Для этого потребовалось зеркало идеальной чистоты и точности. Легко ли идеально отполировать стеклянное зеркало в сорок две тонны весом? Даже новички первого года обучения могли понять, что это такое. Хотя бы представить себе в общем. А им, пятой группе, Василий Михайлович объяснял и тонкости. Он-то их знал, над БТА работали его ученики. Он мог рассказывать, как отполировали каждый сантиметр этого страшного своей огромностью зеркала.

Витя слушал его и думал: достанется ли ему когда-нибудь такая работа, от одного предчувствия которой становится страшно, но хочется скорее начать. Ну, пока об этом даже мысли нужно подальше запрячь, а научиться побыстрее и получше обрабатывать оптику вот к этому прибору под названием УИМ-23. Он может делать спектральный анализ, точно измерять толщину материала — это тоже важно.

Полгода практики. А потом экзамен.

— Учащийся пятой группы Степанов Виктор к экзамену готов.

За длинным столом — комиссия. Перед ней — детали, инструменты, приспособления. Рядом — стопка курсовых работ.

«Характеристика. Степанов Виктор производственную практику проходил на 3-м участке 56-го цеха. Дисциплинирован, трудолюбив. Рекомендуем присвоить 3-й разряд и оставить в цехе в качестве бригадира». И подписи: начальника цеха, старшего мастера.

Вот и все. Прошло полтора года — время ученичества. Завтра в цехе он вместе с другом Колей Куликовым — бригада. Оптички.

И они с Куликовым пошли сдавать книги в библиотеку. На завтра им предстояло записываться в заводскую.

РАССКАЗ

Александр САХАРОВ

Рисунки В. Топкова

К осени ближе стали ездить мимо Сярова дома грузовики один за другим, будто бы снегом груженные — это хлопок возили с полей на завод в город.

По ту сторону дороги напротив окон моих кто-то навесил вдруг на чинару оранжевый ящик.

«Почтовый, наверное, — подумал я и спохватился: — За все лето ни одного письма домой не написал».

Я сразу решил, что писать маме неинтересно, потому что она бывала в пустыне раньше меня — ей все известно и так, а вот бабушке нужно: она никогда не уезжала из дому и точно уж удивится.

Я сел за стол, взял бумагу, ручку и написал: «Здравствуй, бабушка».

Вижу — к оранжевому ящику старик подошел какой-то и опустил в него что-то белое.

«Письмо», — догадался я и над столом склонился, как на диктанте в школе.

...Сначала я написал бабушке, как летал самолет над степью. Степь внизу была в рыжих кляксах — это песок желтел, словно пятно старой скатерти.

Потом самолет сел и подали трап.

Я слез с рюкзаком на землю, а кругом глина ровная, вдали деревья: листва как туман, и верблюды стоят, а один так даже в тени лежит под другим самолетом.

Меня встретил Сяяр на аэродроме и отвез к себе домой. Дом у Сяяра из глины, и над воротами нарисовано солнце, а во дворе у забора-дувала растет вяз-нарван.

— Ничего себе пустыня, — удивился я. — Таких здоровых деревьев и в лесу не сыскать.

Когда живешь в кишлаке, никак не догадаться, что вокруг пески без края, барханы, — везде деревья и перед домами высокий, фиолетовый, вроде чернил, мак — раньше я не видел такого — и редко-редко белый цветок горит — тоже мак, только белый.

Здесь я вспомнил, что бабушка часто ходит на рынок, и написал про базар — я туда с моим другом Сияром ездил в какое-то воскресенье.

На базаре люди толклись, и кругом огурцы, лук, дыни, а в углу — прямо на земле кошмы лежат — ковры из овечьей шерсти. Они красивые, белые и узоры по ним: волны, солнце и завитушки.

Еще там овец продавали и маленьких ягнят.

Один ягненок отошел потихоньку в сторону — незаметно редиску у девочки стащил и съел.

Про пустыню я не стал писать бабушке ничего, потому что о ней уже написано все без меня. Правильно: в пустыне песок вокруг, осока песчаная и дырки в земле — норы.

По песку муравьи бегают на длинных ногах, но об этом я тоже не стал писать бабушке, а то напишешь обо всем моментально и нечего будет сказать при встрече — не молчать же.

Я долго писал и понял в конце концов, что всего ни за что не описать — устал и чернила как раз кончились в ручке — еле хватило на «до свиданья».

Я заклеил конверт, глянул в окно на почтовый оранжевый ящик и думаю: «Сейчас отправлю».

— Ты куда? — спросил меня во дворе Сияр.

— Вот письмо... — показал я и побежал через дорогу.

Подбежал к чинаре, смотрю, а ящик... без крышки и внутри вата — никаких конвертов.

Оказалось, что оранжевый ящик вовсе не почтовый. Его повесили, чтоб хлопок в него бросать, который с грузовиков падает, когда его в город с полей везут.

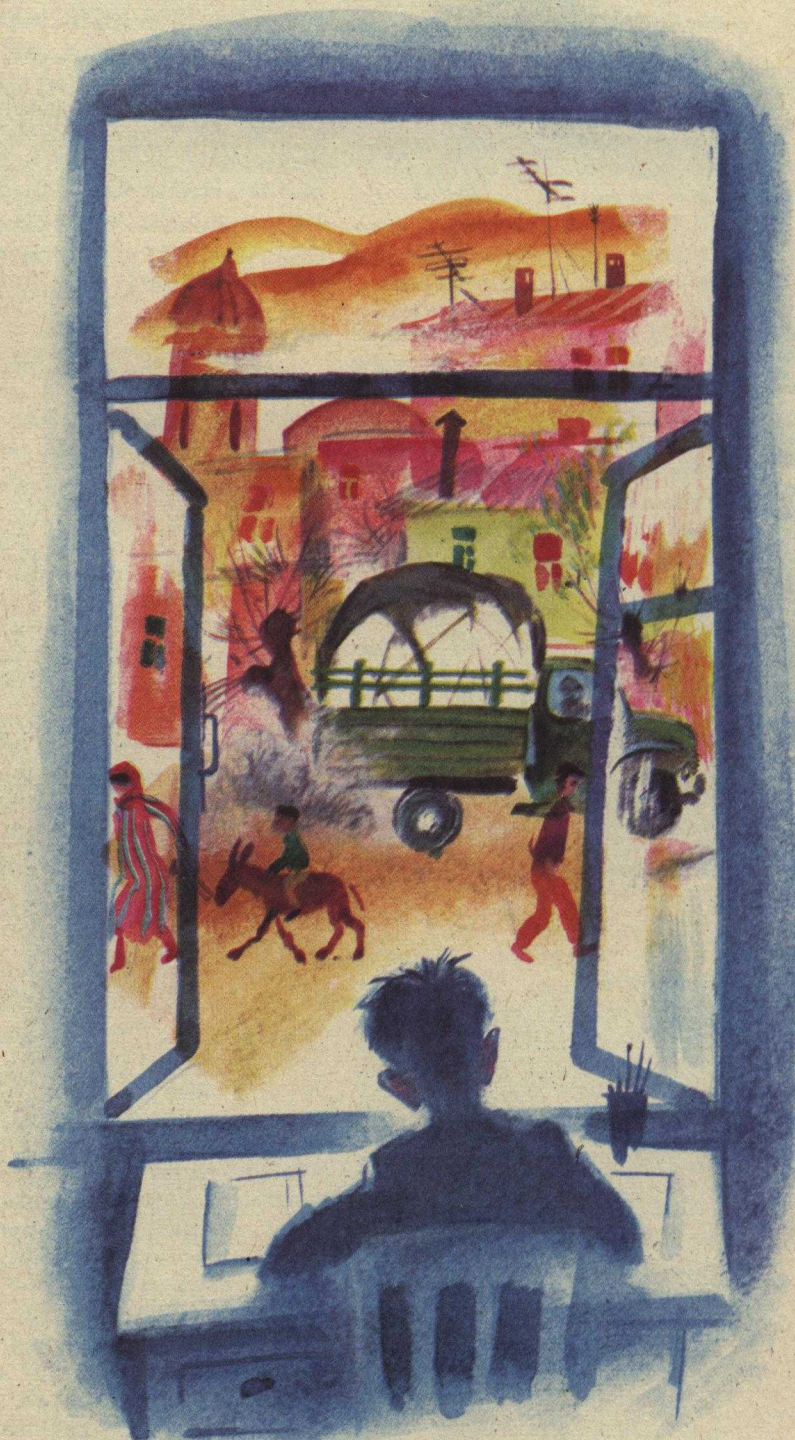
Ветер дунет или ухаб на дороге — хлопок на землю падает, а жалко его, потому что работали люди весну всю и жаркое лето в полях — вот и подбирают хлопок в оранжевый ящик, чтоб не пропал в пыли.

Старик-то не письмо бросил в ящик тогда, а хлопок, конечно. Про-

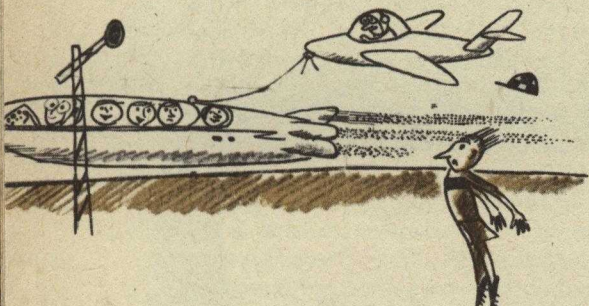
сто я не разглядел из окна — далеко: вижу — белое что-то...

Бабушкино письмо я опустил на почте в настоящий почтовый ящик с крышкой. Оно дошло до бабушки в срок и ей понравилось очень, в особенности про рынок и про верблюда под самолетом.

Про рынок больше.

ДОГОНЯЯ САМОЛЕТЫ

Сто лет назад самый ходкий вид транспорта — поезд — не обошел бы на состязаниях даже среднего бегуна: ведь из Петербурга в Москву он плелся около суток. Сегодня то же расстояние скорые поезда покрывают за пять часов. Быстро? «Ужасно медленно!» — сетуют пассажиры.

Двенадцать городов страны, в том числе Киев, Киров, Миасс, Рига, Омск, Владимир, соединив усилия, создали недавно спринтера железных дорог. Экспресс «Русская тройка» от столицы до берегов Невы теперь идет три часа с минутами. «Двести километров в час? Результат так себе», — говорят знатоки.

Тогда инженеры сняли с самолета и поставили на поезд турбореактивные двигатели. Триста километров в час! Рекорд для стальных магистралей! «Неплохо, — сказали эксперты. — Но все-таки мало. Есть еще одно средство. Надо снять вагоны с колес и поставить их на «подушку» из сильных магнитов. Вот когда скорости поездов сравнятся с самолетными!»

И что вы думаете? Идея осуществляется!

ВОТ ТАК, ДОГОНЯЯ САМОЛЕТЫ, РАЗВИВАЯ РЕАКТИВНЫЕ СКОРОСТИ, В ВЕЧНОМ ПОИСКЕ, ВСЯ УСТРЕМЛЕННАЯ В БУДУЩЕЕ, НАША МОГУЧАЯ РОДИНА ПОДХОДИТ К ФИНИШУ ДЕВЯТОЙ ПЯТИЛЕТКИ. ВСЕ, ЧТО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД БЫЛО НАМЕЧЕНО В ДИРЕКТИВАХ РОДНОЙ ПАРТИИ, ВЫПОЛНЕНО. И В ЭТОМ НЕМАЛАЯ ЗАСЛУГА УЧЕНЫХ НАШЕЙ СТРАНЫ.

НА СТАНОК — В... ЛИФТЕ

Сможете ли вы представить себе станок, взбираться на который можно только в лифте? Согласен: те, кто читал книгу про Гулливера, представить такое смогут. Но чтобы подобный исполин был еще и чувствительным, как сказочная принцесса на горошине!.. Признайтесь, это уже невероятно. Хотя все тут правда. Необычные станки, которые альпинисту и за день не облазить, построили в Коломне по проектам московских ученых. О чуткости этих мастодонтов ходят легенды.

Знай, читатель, что пятилетка — это огромные турбины и генераторы, которые на электростанциях помещают в залах размерами с футбольное поле. Это корабельные дизели высотой с трехэтажный дом. Это прокатные станы длиной с хорошую улицу. Это экскаваторы, каждый из которых способен разом зачерпнуть гору. Ну-ка выточи все эти чудеса без чудо-механизмов!

Пришлось инженерам поломать голову. Любому станку прогибается под своей тяжестью во время работы. Небольшой — на доли микрона. У гиганта такой прогиб измеряется в миллиметрах. Какая уж тут точность! Еще задачка: металлический колосс реаги-

рует на смену времен года. В жару, например, следуя законам физики, он расширяется. Опять-таки возможны искажения.

Выход найден: станок прячут «за семью печатями». В помещении всегда не жарко и не холодно — здесь ровная температура. Летом, помимо остальных предосторожностей, еще циркулирует вода по крышам. Покоится великан на «плавающем» фундаменте, а включают его тогда, когда остальной завод засыпает. Надо ли говорить, что цех всегда «вылизан» и в воздухе — ни пылинки! Вот в каких условиях трудится станок-аристократ!

О деталях. Мысленно нарисуйте, например, шестеренку ростом в четырехэтажное здание. Ее вес достигает двухсот тонн — столько бы потянули на весах сразу шестьдесят слонов! И манипулирует этими «слонами» станок самостоятельно. В запасе у его механических «рук» пятьдесят огромных резцов, фрез, сверл... Всю программу их действий диктует электроника.

Инженеры рапортуют: пункт Директив, наметивший «РАСШИРЕНИЕ ВЫПУСКА СТАНКОВ ВЫСОКОЙ И ОСОБО ВЫСОКОЙ ТОЧНОСТИ, С ЧИСЛОВЫМ ПРОГРАММНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ», — выполнен!

ПЯТИЛЕТКА ПРИКАЗАЛА:

«Ускорить разработку сельскохозяйственных машин...»

ПЛУГ-САМОХОД И БОРОНА С МОТОРОМ — такие новинки предложили труженикам села советские ученые. Техни-

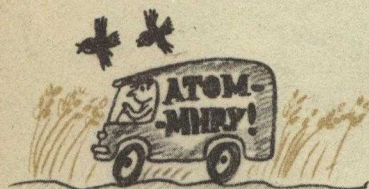
ка — удивительная! Вообразите трактор, у которого вместо гусениц крутятся... лемехи плуга. Он одновременно и идет, и пашет. Кажется забавным, что такой тягач вдобавок тянет за собой борону.

Впрочем, пахари, присутствовавшие на испытаниях этих дивных машин, были серьезны. Они понимали: новые агрегаты избавят поля от тяжелой поступи современного трактора. Новичок с ножами или шипами вместо колес, не укатывая почву, только рыхлит ее. Такая система обработки повышает урожай и ничуть не повреждает главное богатство хлебороба — его пашню.

«Улучшить семеноводство...»

АТОМНЫЙ РЕАКТОР НА КОЛЕСАХ с недавних пор стал гостем многих колхозов и совхозов страны. Его задача — обработка семян перед севом. А выглядит он как простой фургон с лаконичной надписью: «Атом — миру!»

Идея воздействовать весной на семена радиоактивными ко-

бальтом или цезием возникла давно. Но первыми внедрились ее кишиневские биологи. Выяснилось, что излучение для будущих растений абсолютно безвредно. Оно как бы пробуждает зерно и дремавшие в нем всю зиму биохимические процессы. Осенние сборы поднимаются на треть!

Партия гамма-установок «Колос» для радиостимуляции семян уже шагнула на поля разных зон страны.

«Внедрить прогрессивные методы защиты растений...»

МУХИ. В ПОСЫЛКАХ. Крохотную мушку фитомизу спе-

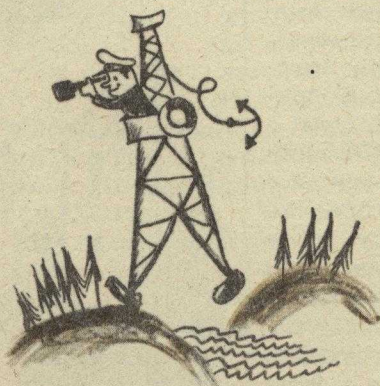
циалисты Самарканда поставили на охрану садов и огородов. Посылки с жужжащим грузом расходятся сейчас по всем городам и аулам Средней Азии.

Если случилась беда и картофельное поле или бахчу заполонил опасный сорняк — «египетская зарази́ха», — выпускайте мушек. Они набрасываются на цветки зарази́хи, откладывают там личинки, и растения погибают. Очистить гектар пашни от вредного растения стоит не дороже десятка коробков спичек.

БУРОВАЯ, ШАГОМ МАРШ!

Нефтяные вышки, шагнувшие на необъятные просторы Западной Сибири... Это образное сравнение советские инженеры сумели превратить в реальную действительность. Если вам доведется увидеть высоченную буровую установку, «бредущую» по тайге через болота и топи, не трите глаза — это не мираж. Стосемидесятитонную громаду пустили гулять по бездорожью рационализаторы Тюменской области.

Еще сто лет назад архангельский архитектор Иванов предложил проект «духоплава», который «с помощью воздушной на нем машины, нагнетением воздуха под его дно может плыть со значительной быстротой». Идею такого движения позднее развил великий русский ученый К. Э. Циолковский.

Начальника буровой отныне трудно не назвать капитаном. Вот он с мостика отдает команду. Взвыли моторы, и под основание, где стоит вышка, ударили сильные воздушные струи. Воздушная подушка и держит всю машину на весу. Теперь ее достаточно чуть подтолкнуть, и она пойдет в нужном вам направлении.

Поисковые вышки, которые не нужно разбирать и собирать, грузить на тягачи и в вагоны, облегчили труд бурильщиков, помогли разведать много новых резервуаров «черного золота». А именно на это — «НА УСКОРЕННОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ НОВЫХ НЕФТЯНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ» — и нацеливали Директивы партии нефтяников страны.

ЗАЛИВ СОКРОВИЩ

«Вода Каспийского моря устремляется в залив со скоростью и силой неслыханной, как бы падая в пучину. Сим и объясняется название залива: Кара-Богаз по-туркменски означает «Черная пасть», — так некогда писал К. Паустовский об этих местах.

Таинственный залив, издревле считавшийся богатейшей кладовой многих ценных веществ, сейчас перестал быть загадкой. В минувшей пятилетке исследователи нескольких республик начали здесь наступление широким фронтом. Потому что в Директивах партии сказано: «УЛУЧШИТЬ КОМПЛЕКСНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МИНЕРАЛЬНО-СЫРЬЕВЫХ РЕСУРСОВ КАРА-БОГАЗ-ГОЛА».

Химики Ленинграда разработали проект завода на пустынных берегах залива, который не даст пропасть и капле добра, лежащего под его дном. Предприятие уже работает. Оно дает стране сульфат, хлористый калий, магний, бром... По содержанию этих

веществ здешние залежи не знают себе равных в мире.

Азербайджанские гидрологи решили взять в свои руки управление неустойчивым водным режимом залива. Создан проект огромной плотины. Она перегородит пролив, соединяющий Кара-Богаз-Гол с открытым морем. Ученые предсказывают: дамба задержит снижение уровня Каспия, приостановит опреснение его вод, вызываемое мощным выпадением солей на дно «залива сокровищ». Не будет гибнуть и рыба, попадающая сюда большими стаями.

И последнее. В жаркой пустыне, рядом с заливом, ныне строится новый город — Бекдаш. На этот раз больше всего хлопот у туркменских ботаников. Какие растения надежно приживутся на местных соленых грунтах? Сложные поиски дали ответ: тамариск, лох, шелковица и таволга.

ГОРНЯКИ И „РЕШЕТО“

«Дайте нам всю планету — и минералы, из которых она состоит, мы немедля рассортируем по полочкам!» — с такой идеей выступила группа советских исследователей. Придирчиво рассмотрев суть их предложения, скептики только руками развели: получится!

— Планету нам, понятно, не дали, — улыбается один из возмутителей спокойствия инженер А. М. Волков. — Просто направили на Украину — помогать горнякам. То-то был переполох, когда мы включили там свою машину. Она НЕ шумела, НЕ вращала колесами, НЕ дымилась... Словом, все делала с частицей «НЕ».

Добавим: все, кроме одного. Безмолвный агрегат вел себя как сказочное решето. В него сыпали сверху что попало — и уже через секунду он эту кутерьму сортировал. Справа ложилась никчемная пустая порода. Слева — ценная руда.

Весь секрет, поясняют ученые, в электрическом поле высокого напряжения. Электрический «ветер» как бы раздувает сыплющиеся сверху капельки или комочки. Опрокинь в такой сепаратор машину золотосного песка — и к тебе в ладонь просыплется струйка драгоценного металла.

«ЗНАЧИТЕЛЬНО ПОВЫСИТЬ ИЗВЛЕЧЕНИЕ МЕТАЛЛОВ ИЗ РУД», — говорится в Директивах. Днепропетровским горнякам «решето» помогло ускорить работу сразу всемерно. Здорово? Еще бы! Ведь там предлагали иной выход: вместо одной строить семь горнорудных фабрик.

В. ЧЕТКАРЕВ

Оформление А. Януса

НАХОДКА

РАССКАЗ

В. ПЕТРОВ

Во дворе нашего дома было много всего. Стояла ракета из алюминия. Каталки — как головы слонов. Качели. Песочница. Когда все это было новым, ребята с удовольствием здесь играли. А потом стало скучно. Привыкли ко всему.

И тут во дворе появилась кровать. Детская. Металлическая. С облупившейся белой краской. Ножки у нее были. Спинки тоже. Даже боковые стенки имелись. А вот дна не было. Неизвестно, куда матрац клали. Кровать стояла посреди двора. Как будто с неба свалилась. Вчера вечером не было, а сегодня — пожалуйста — стоит!

— Вовка, — сказал мой друг Вадик Покалюхин. — Это же прекрасная машина. Это самый натуральный «Москвич»!

— Скажешь тоже, — пробурчал я, разглядывая кровать.

— Сейчас увидишь! — выкрикнул Вадик и побежал к жилконторе. — Смотри! — крикнул он еще раз, когда примчался обратно с двумя дощечками в руках.

Он легко открыл боковую стенку кровати,

ВО ДВОРЕ

Рисунки Г. Ясинского

как дверцу настоящего автомобиля, перешагнул через раму, положил на нее поперек дощечки, уселся на них с гордым видом и заявил:

— Автопробег «Тур Европы» начался. Советскую машину ведет Вадим Покалюхин. Механик — Владимир Краев. — Вадик гукнул и завертел воображаемый руль.

Мне пришлось на ходу вскакивать в необычный автомобиль.

В тот день мы доехали от Мюнхена до Парижа. И тут мы затормозили. Нет, у нас ничего не случилось. Просто я и Вадик во Франции, кроме Парижа и реки Сены, ничего не знали.

— Жаль, — сказал Вадик, — придется выходить.

Мы вылезли из нашей машины. Настроение у нас испортилось. Еще бы! Так хорошо начался автопробег и так быстро кончился.

— Вот что, — сказал Вадик. — Ты иди учи Францию, а я — Испанию. Идет?

Учить мне, по-честному, было совсем неохота. Солнце на дворе, ребята в футбол играют, а ты — учи. Но я засел за географию. Прочитал не только про Францию, но и про Италию. Трудные названия городов даже на ладонке записал, чтобы не забыть. Собрался уже на улицу идти, а тут Вадик влетает.

— Нашу машину захватили! В ней Борзовы сидят!

Я подошел к окну. В кровати и правда были Борзовы. Один из них стоял, облокотившись на правую стенку, и смотрел из-под руки, как витязь на картине про богатырей. Его брат изображал кочегара и швырял воображаемый уголь в топку паровоза.

Мы выскочили во двор. Первый Борзов, который стоял витязем, гудел в пластмассовую дудку и сообщал:

— Прошли Бологое... Прошли Клин... Прошли Калинин... Экспресс «Красная стрела» приближается к столице нашей Родины — Москве. Граждане пассажиры, не оставляйте в вагонах своих вещей: чемоданов, пакетов и детских плащей.

Потом братья убежали, а мы подошли к Сурику, Димке и Камилу, которые устраивались в кровати.

— Мы кровать первые нашли, — сказал им Вадик.

— А вы кто? — спросил Сурик.

— Мы автопробег «Тур Европы», — ответил Вадик.

— Вы машину свою осмотрели, запчасти подготовили?

— Не-ет, — честно признался Вадик.

— А если авария произойдет?

— Не будет у нас аварии! — вмешался я. — Освобождайте кровать! Вы еще спали, когда мы ее нашли.

— Ну, нет, — протянул Сурик. — Мы все подготовили. У нас старт. Будем отрабатывать стыковку в космосе.

— Все, Вадик, — сказал я. — Они надолго полетели. Пошли мульти смотреть.

Утром мы мчались по дорогам Франции. Нас обжигало солнце, обдувал ветер. Перед самой Испанией Вадик крикнул:

— Бистро!

— И так почти сто километров в час!

— Ты не так понял. Бистро — это по-нашему столовая. Надо перекусить.

— Не надо перекусить! Обойдемся.

Подошли двое ребят из дома десять. Они были спокойны и говорили мало.

— Мы летим в Брест. Там наводнение, — сказали они.

И все ребята, которые сидели и стояли вокруг кровати, начали снимать с себя рубашки, пиютки, майки, кеды, тапочки. Кто-то положил конфету, другой — половинку яблока, а детсадник Юрка — булку с колбасой. Все это мы сложили сзади ребят из дома десять. Их самолет «ИЛ-18» взял курс на Белоруссию.

— Если там нужна будет наша помощь, мы готовы! — крикнул Камил, который переехал к нам после землетрясения в Ташкенте.

Мы играли с утра до вечера. Кровать превращалась и в поезд метро, и в подводную лодку, и в танк, и в корабль с алыми парусами, и в бронепоезд.

Один раз подошел к нам дворник. Он долго смотрел на кровать и, ни к кому не обращаясь, спросил:

— Новая?

— Старая! — ответил Сурик.

— Удумали. Вот вечером придет начальник с совещания, тогда поговорим, — многозначительно проговорил дворник.

Когда начальник жилконторы и дворник появились во дворе, Сурик, Димка и Камиль вели разговор из космоса с землей.

— Как самочувствие? — спрашивали мы.

— Отличное! — отвечал командир корабля Сурик.

— Спите ли вне программы?

— Нет! — хором ответила троица.

А дворник в это время шептал начальнику, но так громко, что и нам было слышно:

— Видите! Весь вид двора портят.

Начальник постоял, послушал наши переговоры и заявил:

— Эх, Фоканов, Фоканов. Да мне, если конкретно сказать, очень все это по душе. — И крикнул нам: — Эй, ребята, а нас не примете в свою игру?

Мы прямо онемели. Думали, шутит. А он подошел к нам.

— Ну, как, можно? — весело так спросил, а дворник только удивленно смотрел то на нас, а то на начальника.

— Пожалуйста, — как-то вяло ответил Сурик, и вместе с Димкой и Камилем они вышли из кровати.

Начальник открыл спинку, сел и приказал дворнику:

— Садись, Фоканов. Не стесняйся. И полетим мы с тобой тоже в космос, где не протекают крыши, где греют все радиаторы, где не засоряются ванны и раковины. Двинули!

И они полетели. Начальник так знал небо, все планеты и созвездия, что нам даже завидно стало.

— Скажи-ка, Фоканов, где ученые предполагают наличие атмосферы? — громко спрашивал он.

— На Луне, — буркнул дворник.

— Двойка тебе, Фоканов! На Венере. А на какой планете видны каналы?

— На Солнце.

— Опять двойка! На Солнце — пятна, а каналы на Марсе.

Нам стало жалко дворника. Он не мог ответить ни на один вопрос начальника. И мы стали ему подсказывать. Сразу у него дела пошли хорошо. Он оживился.

— Что это за созвездие, похожее на ковши?

— Большая Медведица, — шептали мы.

— Большая Медведица! — гаркнул дворник.

— Молодец, Фоканов! А эта, похожая на летнюю соломенную шляпу?

— Сатурн, — важно отвечал дворник после нашей подсказки.

— Опять молодец.

Так у них весело шло космическое путешествие, что и нам всем понравилось. Но начальника позвали к телефону, и они ушли.

С тех пор дворник с нами всегда вежливо здоровался, а если был свободен, то подходил к кровати, стоял и слушал нас. Наверное, ему очень хотелось еще раз поиграть, но без начальника он стеснялся.

ВЫСОТА

Я вчера спросил кота:
„Что такое высота?“
Кот мурлыкнул сквозь зевоту:
„Высота — на птиц охота“.

Я потом спросил дрозда:
„Что такое высота?“

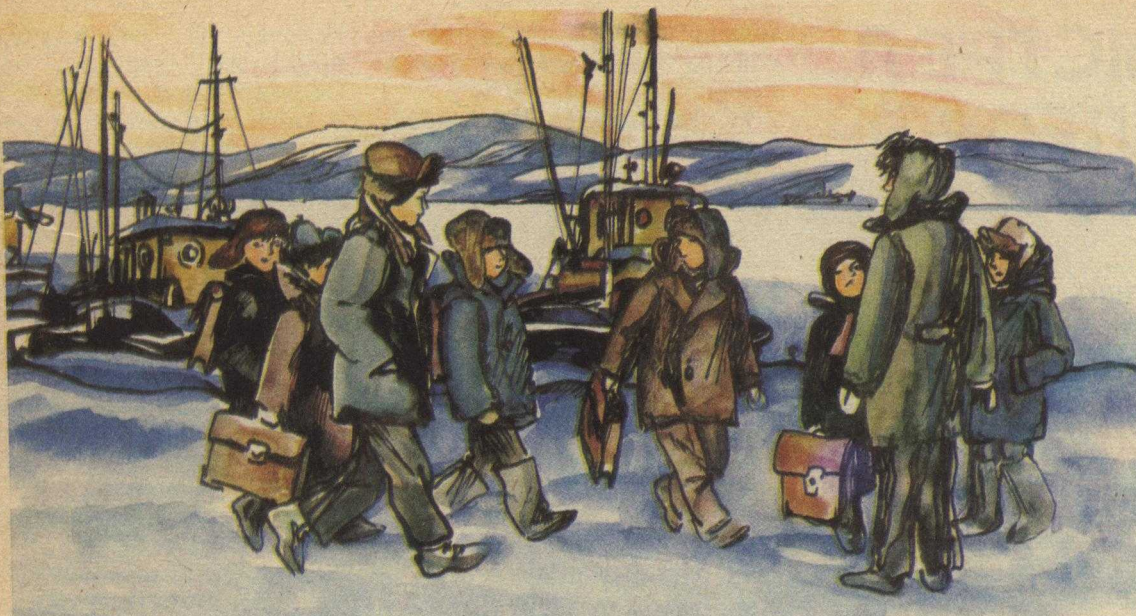
Дрозд ответил:
„Высота — красота“.

Не могу понять я что-то,
Что ж такое высота?
Верхолаз сказал: „Работа“.
Альпинист сказал: „Мечта“.

Прогудел мне самолет:
„Высота — это полет“.

Наконец-то понял я:
Высота у всех своя.

Татьяна КОТЕНЕВА

ОБЯЗАТЕЛЬНО ЧТО-НИБУДЬ СЛУЧИТСЯ...

А. ЗАЙЦЕВА

Рисунок Ю. Шабанова

На последнем уроке перед Новым годом у нас была география. Валентин Митрофанович говорит:
— Земля каждый час поворачивается на пятнадцать градусов...

Только он это сказал — звонок.

— Зверев и Ласточкин, — говорит Валентин Митрофанович. Мы встали. — Отведете после уроков через бухту малышей.

— Ладно, — говорит Зверев.

Наша школа стоит на берегу бухты. Вообще-то малыши зимой через нее по льду сами ходят. Летом за ними присылают катер, а зимой — сами. Это те, кто в старом поселке живет. Старый по ту сторону бухты, а новый, где школа, — по эту.

— Новый год! Смотрите, чтобы ничего не случилось! — говорит Валентин Митрофанович.

— Обязательно что-нибудь случится. — Это Зверев.

— Ласточкин, я рассчитываю на тебя! — говорит Валентин Митрофанович.

— Валентин Митрофанович, — отвечаю, — вы же знаете, я — как Зверев.

После звонка пришли второклашки.

— Раз... Два... Три... Десять штук, — посчитал их Зверев. — Целая рота. Пошли, пацанва!

И все потопали.

В бухте у нас приливы и отливы. Когда зимой отлив, лед в бухте прогибается: края его за берег держатся. Идем.

— Какие будут вопросы? — спрашивает Зверев.

Один второклашка говорит:

— Скажите, почему по этому льду плохо на коньках кататься? У нас в Омске хорошо, а тут — плохо. Мы недавно приехали.

— Морская соль выступает, — говорит Зверев. — Липнут коньки. А в вашем Омске вода пресная.

Это и я смог бы ответить.

— Скажите, — спрашивает второй, — почему у моего папы нет красной повязки?

Зверев засопел — он всегда сопит, когда сердится.

— Какой повязки? У кого она есть?

— У Рыжикова есть, у дяди Гриши, у Митрофанова отца. Они дружинники.

— Значит, твой отец не дружинник.

И я бы сообразил.

— Скажите, — спрашивает третий, — где живет дикая птица индюк?

Зверев как засопит!

— Чего не по тропке идешь? — говорит. — В воду захотел? Я тебе сейчас как дам по шапке!

Про диких индюков и я не знаю.

Дошли до середины бухты, а впереди как выстрелит! Потом справа.

— Лед оборвался, — говорит Зверев. — Как же нам теперь выйти?

Подошли мы к берегу, а там, точно — лед, который висел, упал, а который к камням примерз — остался. Порог — два метра.

— Пойдем к причалу, — говорю.

Причал у самых домов. Рядом вытасенные сейнеры на берегу. Подошли, а у причала лед отколот, молодой, тонкий-тонкий.

— Давай назад, — говорит Зверев, — я наверх залезу, а ты мне их подавать будешь.

Отошли мы, он влез, а я ему малышей подсаживаю. Он их — за руки. Вытащил. Привели мы их в поселок.

— По домам, рота, марш! — говорит Зверев. — Как учитесь, октябрята?

А они уже как горох — во все стороны.

— Слушай, Зверев, — говорю. — Теперь прилив будет, вода на лед может выйти. Промокнем. Валентин Митрофанович нам такой Новый год даст!

— Обязательно даст! — говорит Зверев. — Пошли вокруг бухты?

— Пошли.

Через бухту напрямик минут сорок, а кругая — часа три.

Пошли мы. Идем. Хорошо — трактор дорогу умял. Пока шли, стемнело. Впереди — звезды над школой, позади — ргоньки в поселке.

Пришли, а во всех классах шум, крик. Уже переодеваются, орут. В физзале елку зажгли.

— Ну как? — спрашивает Валентин Митрофанович. — Ничего не случилось?

— Ничего.

— Замерзли? Садитесь к печке.

Сняли мы сапоги, ногами, спинами к печке прижались. Так тепло!

— Вот ничего и не случилось, — говорит Зверев.

— Случилось, — говорю я, — пока мы ходили, земля на пятнадцать градусов повернулась.

— На все шестьдесят, — отвечает Зверев, — мы четыре часа топали... Пошли в зал, там уже песни поют.

ВЫСТРЕЛ В ЛЕСУ

Н. ЛИНКО

Рисунки А. Ежелина

Кто по грибы и ягоды, кто на птичий концерт, кто за легким голубым воздухом — едут люди в лес. И я, если неприятности одолевают или от радости места себе не нахожу, тороплюсь ступить на лесную тропинку. А тут только и жди неожиданных встреч.

ОХОТА НА СОСНУ

Однажды зимой забралась я на лыжах в чащу. Решила пробежать вдоль заячьих следов и окунулась в тишину. Мороз стоит, сжалось все вокруг от холода. Только синица пискнет где-нибудь жалобно и замолчит.

Визу вдруг — за деревьями два человека пробираются в глубь леса. Одеты тепло: валенки, ватники, а за плечами ружья. Остановились они, начали снег на маленькой поляне утаптывать. Только выбралась я на их лыжню — выстрел. Потом еще один и еще. На кого они охотятся?

Выбежала я на поляну, а тут как раз один из мужчин прицелился в крону высоченной сосны. Ахнуло все вокруг. Под деревьями снег хвоей и ветками усыпан. Вот и новая сосновая лапа сбита. Цепляется она за подруг, старается удержаться, но все-таки падает. Засыпала стрелков снежной пылью. Они довольны. Смеются, ветви в сторону оттаскивают.

— Что вы делаете? — закричала я сердито. — Такого красавицу губите! Ей же лет сто!

Оглянулись мужчины.

— Восемьдесят шесть, — отвечают.

— Что восемьдесят шесть?

— Сосне этой не сто, а восемьдесят шесть лет. Действи-

тельно красавица. Другой такой на сотни километров не найти.

И замолчали. И я молчу. Как же так, думаю. Выбрали самое лучшее дерево и портят его.

Тем временем странные люди осторожно собрали сосновые лапы в мешки, начали укладывать ружья в чехлы.

— Объясните же, — прошу я их, — для чего вам нужно было в дерево стрелять.

— О, это целая история, — рассмеялся один из них.

И начал рассказывать.

Знаете, сколько в нашей стране деревьев? Как звезд на небе. Разделены леса на сотни участков. В каждом из них свой хозяин — лесник. Он ухаживает за лесом. Чуть ли не каждое дерево в лицо знает.

Несколько лет назад получили лесники задание — выбрать среди своих подопечных одно-два самых лучших хвойных дерева. Возраст их — лет семьдесят — девяносто, для елей и сосен это время зрелости. Деревья должны быть совершенно здоровы, отличаться от своих сверстников ростом и толщиной.

Лесники это задание выполнили. Несколько сотен фотографий прислали они на «конкурс красоты» деревьев. Ученые сравнили их, и кандидатов в победители осталось около 300. А затем к месту жительства красавцев отправились экспедиции. Каждое дерево растет друг от друга за многие километры, но у всех побывали ученые. Тщательно осмотрели, измерили, проверили возраст.

— Но ведь для этого нужно спилить дерево, чтоб кольца на стволе сосчитать, — удивилась я.

— Совсем не обязательно. Есть у специалистов особенный прибор вроде маленького бура. Просверлят им до середины тоненькое отверстие и вынимают длинную круглую

палочку. По ней и узнают о прожитых деревом годах. Сколько колец — столько и лет. А отверстие потом осторожно замазывают, чтоб не проникли внутрь грибки, бактерии, насекомые.

Выбрали, наконец, среди огромного количества деревьев шестьдесят самых лучших сосен и елей. Эта красавица, в которую мы стреляли, — одна из избранных.

Слушаю я стрелка, мороз заставляет подпрыгивать, варежками прихлопывать. Носа уж совсем не чувствую.

— Зачем вы все-таки стреляли в эту сосну?

Посмотрел на меня собеседник, скользнул вперед по лыжне.

— Это еще дольше рассказывать. В сосульку превратитесь. Приезжайте-ка вы лучше на лесную плантацию, под Гатчину.

Сказал и укатил с сосновыми лапами и ружьем за спиной.

КОЛЮЧИЕ ВУНДЕРКИНДЫ

Приехала я на эту плантацию. Лесосеменная станция ее название.

По огромному полю разбежались сосенки, елочки, молодые кедр. Скачут вдоль утоптанной дороги. Лапы толстые, пушистые, как у щенят. Каждое дерево будто на цыпочки становится — хочется быть по-

выше, посolidней. А не получается. Все равно меньше меня ростом. Поверх их голов я все поле вижу, взрослый лес вдалеке и небольшой домишко рядом с дорогой. Пришла туда и встретила странного своего лесного знакомого.

— Приехали все-таки? — спросил он улыбаясь. — Тогда слушайте продолжение. Ответьте, зачем в сосну стреляли.

И повел он меня к лесным посадкам.

— Видели вы когда-нибудь детей с необыкновенными способностями — вундеркиндов?

Стоят вокруг малыши-деревца. Тянутся к нам, словно приласкаться хотят.

— Вот эти?

— Да. Сколько бы вы им лет по виду дали?

В обычном лесу таким соснам и елям лет восемь—десять. Я так и ответила. И ошиблась. Оказалось, они в два раза моложе. Ого, мои лесные знакомцы обещают вырасти в гигантов, если дальше так пойдет.

— Где же вы достали таких способных воспитанников?

— Вы помните нашу сосну? Так вот, на этом поле растут дети тех деревьев, что выиграла на конкурсе красоты. Собирали мы их семена и вырастили своих малышей. Они пошли в своих родителей и будут гораздо крупнее.

Пригляделась я к ним повнимательней. И вовсе не без-

заботные эти чудо-деревца. Головы их склонились под тяжестью шишек. Даже подпорки некоторым пришлось поставить. Иначе согнулись бы до самой земли, не выдержав груза. Это уж совсем непонятно. Ведь хвойные деревья начинают плодоносить не раньше 60—70 лет, а тут такие крохи...

— Обратили внимание? Вот мы и добрались до наших выстрелов.

Когда садовод хочет, чтоб на дикой яблоне росли вкусные сладкие яблоки, он прививает на него ветку с культурного дерева. Так же и с хвойными деревьями. Привьют на них ветви со взрослых собратьев, и они словно впитывают опыт «стариков». После этой операции шишки на соснах, елях, кедрах появляются не через несколько десятков лет, а в первые годы жизни. И лучше, конечно, брать ветви для прививок не со случайных деревьев, а с тех, что выдержали трудную борьбу за существование и вышли из нее победителями. Если же скрестить деревья, растущие очень далеко друг от друга, то они дают небывало сильное потомство.

Вот для чего, оказывается, нужно было стрелять в ту сосну... Конечно, есть и другие способы достать ветки с высоких деревьев, но этот пока самый удобный. Делать это надо обязательно зимой, когда лес

спит. Тогда деревья ничего не почувствуют, а весной быстро залечат раны.

Но у меня появилось много новых вопросов. Сосны да ели не яблони, к чему им так рано плодоносить и зачем создана такая уникальная плантация?

— Ох, какой вы человек любопытный, — вздохнул собеседник. — Советую вам еще одно путешествие совершить. Опять в лес, но по весне. Ищите свежие вырубki, там все поймете.

НА ВЫРУБКАХ

Дождалась я весны. Взяла корзинку в руки — на всякий случай, вдруг грибы попадутся, и пошла искать свежие вырубki. Иду, на взгорках под старыми березами останавливаюсь. Присаживаюсь на корточки. Ищу старичков-сморчков и строчков. Набрала с полкорзины, и тут шум услышала. Где-то трактора гудят, люди перекликаются. Раздвинулись впереди деревья и выпустили меня на простор.

Посреди старого леса большая поляна. Ходят по поляне трактора со странными прицепами. Подошла ближе — деревья сажают. Маленькие, тоненькие. И остаются за машиной ровные зеленые ряды.

— Откуда вы столько деревьев берете? — спрашиваю у лесника.

— Из-под Гатчины прислали. С лесосеменной станции. Слышали о такой?

Еще бы не слышала! Очень хотелось найти здесь знакомых зеленых вундеркиндов. Да не было их на вырубке. Сажали в лесу уже их потомство.

Из тех шишек, что головы малышей до земли сгибали, взяли лесоводы семена. И теперь сажают в разных лесах страны.

Воспитанников с лесосеменной станции везде встречают с радостью. Ведь их родители — самые лучшие деревья, значит, и дети будут красивыми, высокими, быстрее других станут расти, скорей начнут радовать людей.

Раздел ведет
писатель
Н. СЛАДКОВ

Оформление
Ю. Клыкова

Во всем мире сейчас говорят об охране и защите природы. Дело это очень важное, работа предстоит большая. И не простая. Ученым-специалистам и тем придется голову поломать. А уж простым любителям или ребятам, кажется, и не подступиться к такому делу.

Но всякое большое дело, каким бы огромным ни было, складывается из тысяч малых дел. И вот тут-то мы с вами можем помочь. Каждый может внести свой вклад, если захочет: в городе, в деревне, в пионерском лагере или в школе.

Об одном из таких дел, которое всем по силам, и рассказывает на «Зеленых страницах» писатель Анатолий Онегов.

Н. СЛАДКОВ

ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКОГО ОЗЕРКА

Недалеко от моего дома светится среди болотной травы озерко. Рядом с озерком большой поселок, поселок все время растет, и кажется, что для маленького озерка скоро совсем не останется места. Наверное, так бы все и случилось, если бы у нашего озерка не было настоящих друзей.

Об озерке, о птицах и о их друзьях я и хочу рассказать.

Озерные чайки

Каждую весну к нашему озерку прилетают чайки. Устраивают на кочках гнезда и выводят птенцов.

Люблю я этих безобидных птиц, нравятся мне их бе-

лые крылья и темные головки. Хоть и галдят они с утра до вечера, хоть и будят криками в самую раннюю рань, все равно не могу я без этих птиц, без этих озерных чаек.

Было чаек на озерке очень много. Так много, что поднимись они все разом на крыло, не увидишь за белым живым облачком и воды! Но стал я замечать, что из года в год становится чаек все меньше и меньше.

Думал сначала, что чайки гибнут в пути — длинна и трудна дорога на юг и обратно. Но потом встретил на берегу мальчишек и понял, куда делись эти озерные чайки...

Мальчишки признались, что уже не первую весну ходят на озерко собирать яйца — собирают полными шапками, а потом кидаются яичками в девчонок.. Горький это был рассказ.

В гнезде чаек всего лишь по три яичка. Часть возьмут мальчишки, часть растащат вороны — и не появится в гнезде ни одного птенца.

А у чаек есть и другие враги.

Выслушали меня ребята, спросили: «А правда, что чайки могут перевестись?»... Могут, конечно, могут... Пообещали ребята, что никогда не будут разорять птичьи гнезда. И другим не дадут этого делать.

Так и появились у озерка, у чаек друзья-защитники. Но остались еще и враги.

Бродячие собаки

Тихо и мирно прошла неделя, начиналась вторая, и тут над озерком снова зазвучали сигналы тревоги.

Думал, что теперь виноваты ястреб-тетеревятник, болотный лунь и вороны. Вороны каждый день торчали около озера. Стоило показаться ястребу или луню, как чайки с криком бросались навстречу, а вороны боком-боком спешили к их гнездам, чтобы схватить яйцо.

Но хоть и дежурили вороны целыми днями, а не часто им выпадала добыча. Выходило, что не ястреб, не лунь, не вороны допекли теперь чаек.

Не знаю, догадался ли бы я, кто тревожит теперь наших птиц, если бы не друзья-мальчишки...

Вместе мы устроили засаду у озера. Ждали недолго.

Чайки вдруг закричали, загомонили, поднялись и одна за другой стали пикировать в гущу травы. Но тайный виновник тревоги и не думал отступать: он упрямо подбирался к гнездам. Когда птицы отбивали атаку врага уже около самых гнезд, мальчишки выскочили из засады. Я увидел, как в траве мелькнуло что-то темное. Я догадался, что врагом птиц на этот раз была самая обыкновенная собака.

У каждой собаки должен быть свой хозяин. Но в поселке за многими собаками вообще никто не следил.

Как могли, чайки старались прогнать врагов. Но у бродячих собак были просто-таки железные нервы. Не обращая внимания на встревоженных птиц, они прыгали с кочки на кочку и добивались до гнезд.

Мы собрали совет и решили объявить бродячим собакам войну. Очень скоро разбойных псов хозяева поуняли и посадили на привязь.

Шумные тревоги на озерке закончились. А на следующую весну я отметил, что чаек на озерке стало больше.

Сизые чайки

Вместе с озерными чайками селились на озерке и легкрылые крачки, серые утки, чирки и сизые чайки. Сизых чаек было совсем мало, но именно они стали причиной большого спора...

Как-то пришли мои друзья-мальчишки и заявили, что сизые чайки — вредные птицы. Они уничтожают много мелкой рыбешки и тем самым наносят вред.

Пришлось вместе со спорщиками идти туда, где они видели чаек, которые «уничтожали рыбу»...

На берегу залива я увидел пяток сизых чаек. Чайки сидели на камнях и, казалось, мирно дремали на солнце. Но вдруг одна из чаек снялась с камня, быстро метнулась к воде и тут же поднялась, держа в клюве плотвичку. Скоро и еще одна чайка поймала рыбешку.

Спорщики ликовали. Они не догадывались, что чайки ловили не вполне здоровую рыбу.

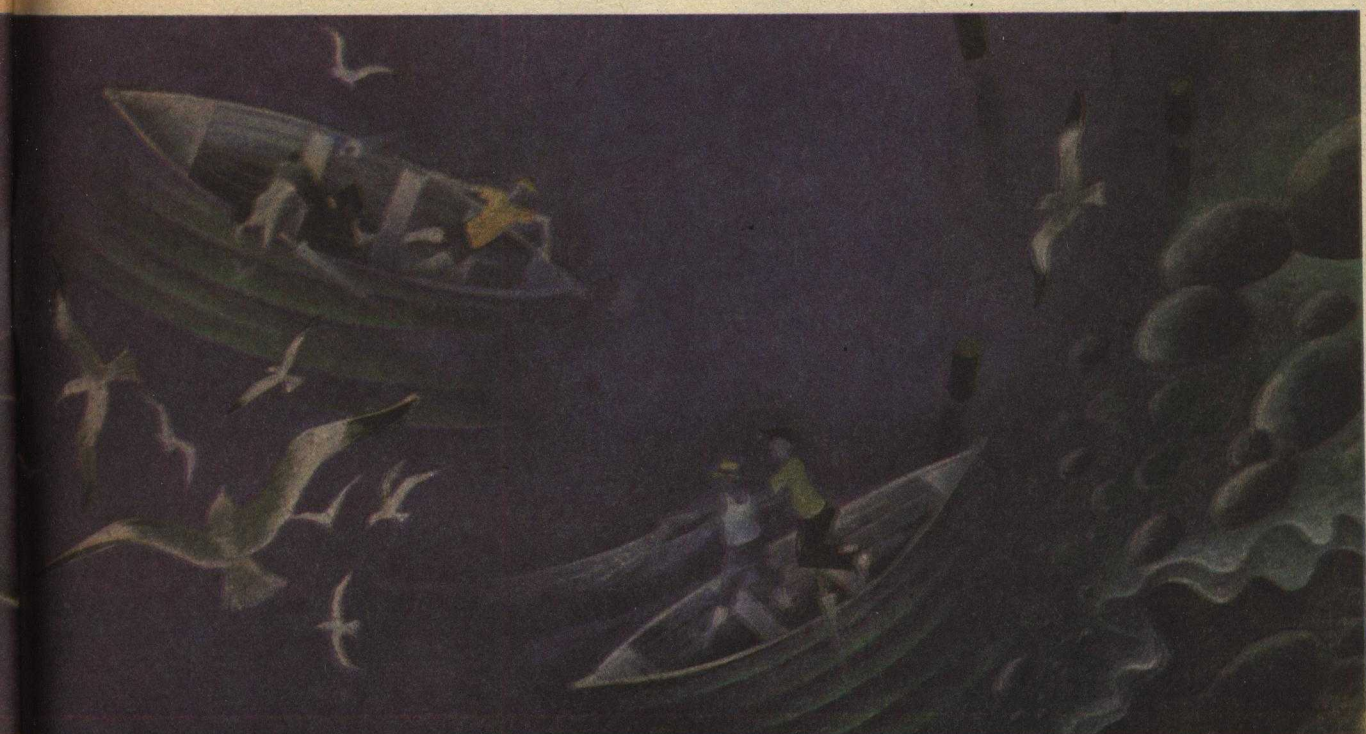
На следующий день мальчишки снова потащили меня к заливу. На берегу залива я увидел почти всех наших озерных чаек. Только они не ловили рыбешку, а подбирали ее с песка...

Под утро в залив наведальсь с неводом браконьеры. Им некогда было вытряхивать в воду мелкую рыбу, она сыпалась сквозь ячею на песок. Эту-то загубленную рыбешку и разыскивали озерные чайки.

А на камнях, как и вчера, сидели большие сизые чайки. Они ждали, когда поднимутся из глубины побитые и помятые сетью рыбешки. Выходило, что и сизые чайки, как и озерные, не уничтожали здоровую рыбу, а вылавливали только больных, побитых плотвичек и окуньков.

Я рассказал вам историю небольшого озера, которое и по сей день светится рядом с большим совхозным поселком. По сей день водятся на озерке озерные чайки, тонкокрылые крачки, серые и краковые утки, чирки и сизые чайки. Слыхал, что появились и новые жильцы — ондатры. Ну что ж, всем хватит места. Мои друзья-мальчишки называют озеро своим заповедником и строго следят за тем, чтобы заповедный режим всегда сохранялся.

Такое заповедное место может быть и у вас. Отыщите небольшое озеро, ручеек, а то и просто полянку рядом со школой, устройте там птичьи домики, птичьи кормушки. Птицы тут же ответят вам своим доверием.

ФОКУС ТЯПЫ И ЖАКОНИ

С. МАРАКУЛИН

Вечером, когда многие ребята уже видели первые сны, на экранах телевизоров появились друзья детворы — кукольные герои: собачонка Тяпа и обезьянка Жаконя. Они объявляли номера маленького концерта. Миллионы телезрителей смотрели на экран и не видели ничего особенного. Но пятьдесят ленинградцев смогли в тот вечер увидеть нечто необычно-

венное. К этому сеансу они готовились заранее. Во-первых, «фокус» можно было заметить только по цветному телеприемнику. Во-вторых, там, где мастера приделали на защитную крышку кинескопа маленький приборчик с кнопкой, которую надо нажать. В-третьих, необходимо было надеть «волшебные» очки, левое стекло у которых красное, а правое — синее. И вот тогда...

Начались чудеса. Расплывчатое красно-синее изображение на экране стало резким и черно-белым. Но самым удивительным было другое. Тяпа и Жаконя стали не плоскими, как

на рисунке, а объемными, такими, будто они находятся здесь, рядом с нами. Пространство в экране явно раздвинулось, стало объемным, и два баяниста, выступавшие в конце концерта, сидели будто внутри большого прозрачного кристалла.

Как все это объяснить? В тот вечер мы присутствовали на первой в нашей стране опытной стереоскопической телевизионной передаче.

Кое-кто из вас, видимо, бывал в стереокино и видел удивительный оптический эффект, когда кажется, что розы цветут прямо в зале, а футбольный мяч с экрана летит прямо на тебя.

Чтобы телевизионные передачи стали более интересными и эффектными, ленинградские ученые решили попытаться сделать телевизионное изображение стереоскопическим, объемным. Задача эта очень трудная, ведь почти в каждой семье есть обычный телевизор. Не выбрасывать же его, чтобы купить другой, стереоскопический (который, кстати, еще не выпускается). Ученые решили для начала приспособить цветные телевизоры для приема объемных изображений.

Словно два глаза смотрели в телестудии на Тяпу и Жаконю — две соединенные друг с другом телекамеры. И соответственно в эфир ушло два изображения — красное и синее, которые мы и видели на экране. А «волшебные очки» помогли каждому глазу рассмотреть только по одной из картинок. И в результате Тяпа и Жаконя стали такими объемными, что захотелось их осмотреть со всех сторон и даже потрогать.

Экспериментальная передача стереотелевидения в Ленинграде — это только первый опыт. Сейчас ученые работают над тем, чтобы сделать стереопередачи цветными. Потом появится телевидение, при котором можно будет, например, заглянуть за спины Тяпы и Жакони и увидеть, что там делается. Наступит и такое время, когда Тяпа и Жаконя с экрана телевизора протянут вам цветок. И вы сможете почувствовать его аромат.

Рисунок Т. Капустиной

Шли гусята за гусыней
Важно, чинно,
Не спеша.
— Стойте!
Слышите, машины
Шумно шинами шуршат?
Говорит гусыня строго:
— Подождите у дороги!
Влево, вправо поглядела
И гусатам говорит:
— А теперь за мною смело,
По-ша-га-ли!
Путь открыт!

Владимир КРАСНЕР
Рисунок М. Морозовой

ЧЕРЕПАХА И ПАВЛИН

— Некрасивый ты, — сказала однажды павлину черепаха.
— Так уж и некрасивый, — не поверил ей павлин.

ВОРОБЬИ

Ветры осени подуют —
Птицы сразу забедуют.

Как подумают про вьюгу,
Полетят все к югу,
к югу...

Воробьи лишь серые
Не боятся севера.

Хоть и холод ледяной,
Не покинут край родной!

Сергей СКАЧЕНКОВ
Рисунок С. Яковлева

— Видно, так, — усмехнулась черепаха.
— А может, не видно? — понадеялся было павлин.
— Почему не видно? Мне видно.
— А мне не видно, — закричал павлин. — Не видно!
— Успокойся, — сказала черепаха. — Я пошутила. Ты очень, очень красивый, только не очень умный.
— Вот это точно! — обрадовался павлин. И распустил хвост.

СЛОН И Я

Слоном быть легко. Слоном быть приятно. Слону почет и уважение. Слона увидит кто, обязательно скажет: „Вон СЛОН пошел“; или: „Вон СЛОН стоит“; или: „Вон СЛОН лежит“.
Красота!
А мне каково? Меня даже в зоопарках не показывают.

ПЕСЕНКА ПРО ЛЬВА

Когда к знакомым
Собирался Лев,
На ум ему пришел
Простой напев.
Затем явились
Звонкие слова.
Так получилась
Песенка про Льва.
На лестнице
Лев напевал ее,
На улице
Насвистывал ее.
И так была
Та песня хороша,
Что Лев ее закутал
В теплый шарф,
Чтоб не унес,
С налета подхватив,

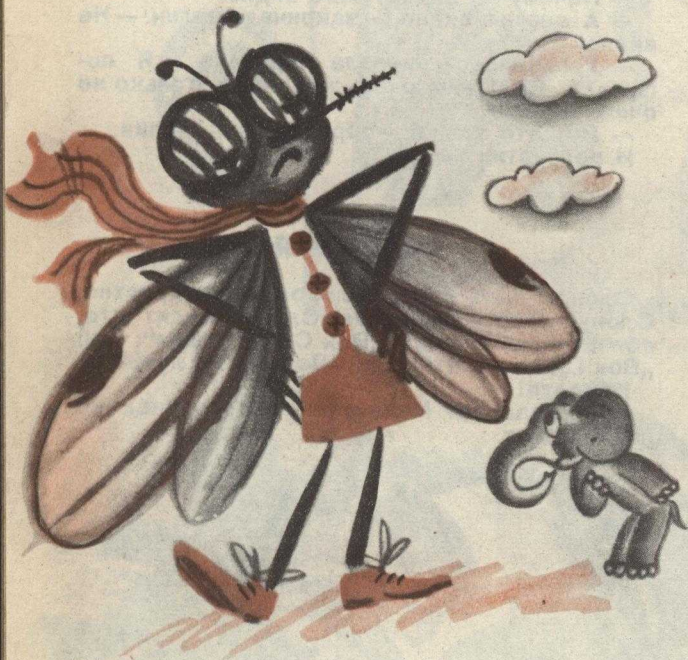
Проныра-ветер
Песенки мотив.

Рисунки А. Орлова

2

— Кшшш, проклятая! — вот и все внимание.
А ведь как хочется услышать:
— Вон МУХА пошла!

Борис ЧЕБАН
Рисунки А. Орлова

6

Лежал калачиком у ног.
Прыг-скок! —
И закрутился!
Он, как на привязи щенок,
А то бы укатился!

Худеет, чахнет на глазах,
Он с каждым часом тает.
А спицы весело в руках
У бабушки мелькают.

Клубок и рад бы наутек,
Да не сбежать от бабушки.
И превращается клубок
В носки,
Чулки
И варежки.

Владимир КРАСНЕР
Рисунок М. Морозовой

7

Еще с порога
Крикнул он друзьям:
— Послушайте,
Принес я песню вам! —
И вдруг... забыл,
Не помнит ничего.
Так песенки
Не стало у него.

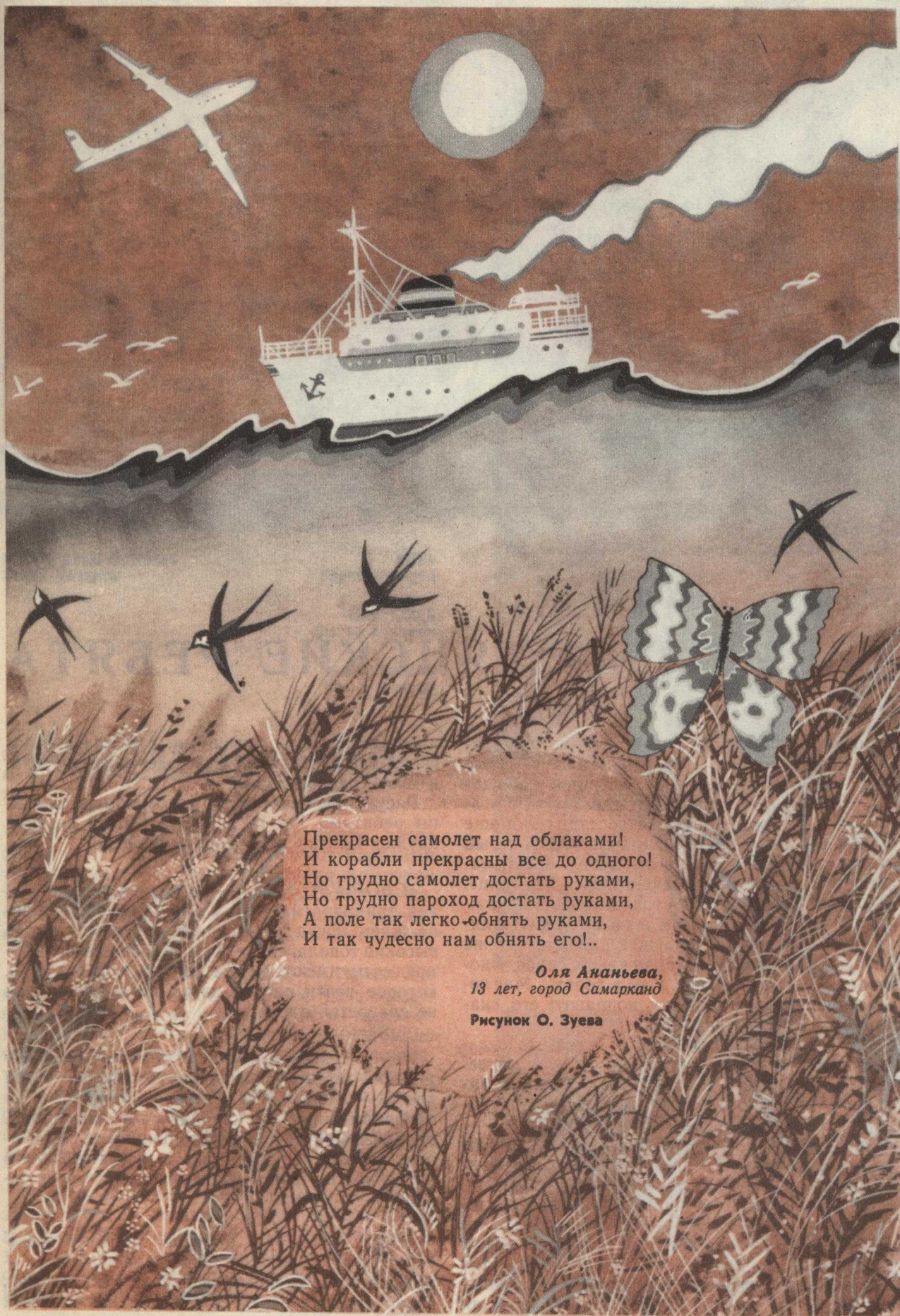
Стал вспоминать
Ошеломленный Лев,
Где потерял
Счастливый свой напев, —
На лестнице?
На улице? В метро?
Иль у киоска,
Где он пил ситро?
Друзья бедняге
Стали помогать,
Предполагать
И даже напевать.
— Нет, не поможет
Мне уже никто! —
Поднялся Лев
И взял свое пальто.

Он сунул лапу рыжую
В рукав
И... вытащил оттуда,
Просияв,
Свое кашне
И песенку свою.
— Ну вот, сказал,
Теперь я вам спою.
Так отыскалась
Песенка про Льва.
— ТРА-ЛЯ-ЛЯ-ЛЕВ! —
Вот все ее слова.

Генрих САПГИР

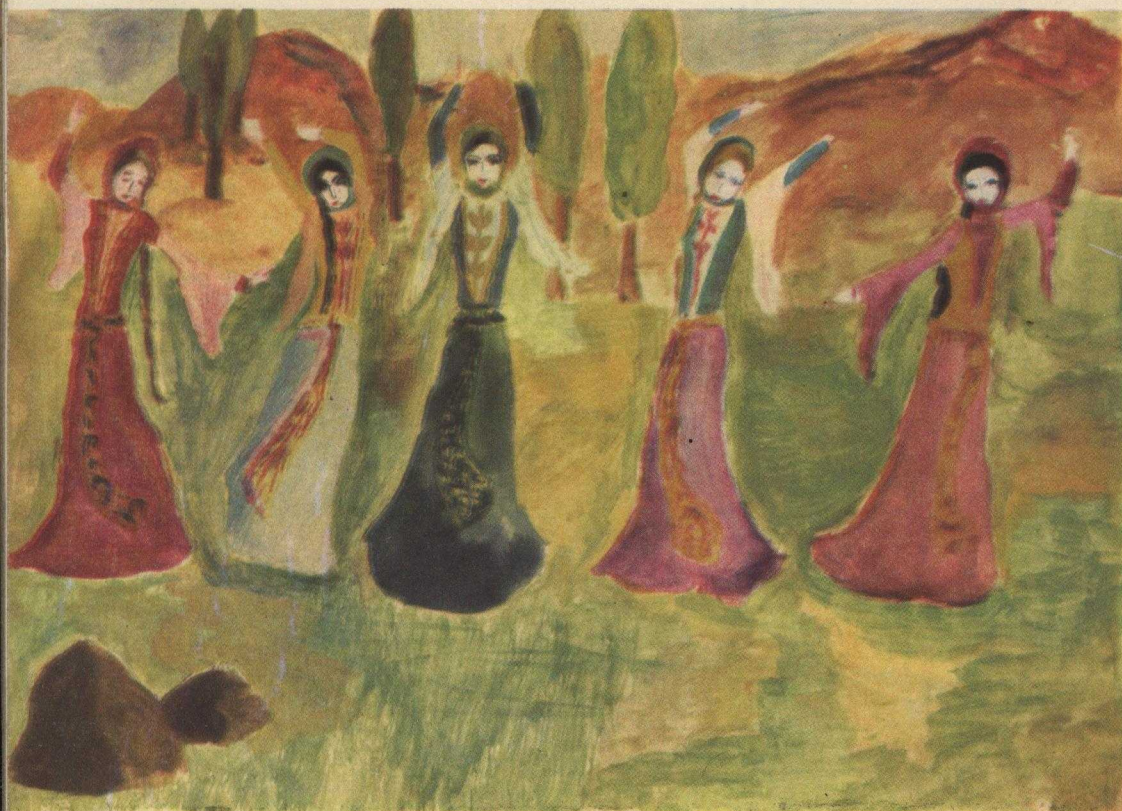
3

Прекрасен самолет над облаками!
И корабли прекрасны все до одного!
Но трудно самолет достать руками,
Но трудно пароход достать руками,
А поле так легко обнять руками,
И так чудесно нам обнять его!..

*Оля Ананьева,
13 лет, город Самарканд*

Рисунок О. Зуева

ТАНЕЦ Изабелла Арутюнян

РИСУЮТ АРМЯНСКИЕ РЕБЯТА

Когда я приехал в Ереван (это было в конце февраля), над городом висели ровные серые тучи и валил тяжелый снег. По радио сообщали, что так будет завтра, и послезавтра, и, возможно, теперь уже всегда. Простудился я еще в дороге, а здесь кругом была слякоть и серый отсыревший город — всюду дует, льется, настоящий ноябрьский Ленинград... На улице, под козырьком киоска стоял мальчик-художник. Стоял перед холстом и писал улицу. Улица была грязная, серая, снег падал и тут же таял. А на холсте было оранжевое, синее, фиолетовое. И голубой снег. Как в горах... Мне хотелось подойти к мальчику, поправить его, сказать ему, что он ошибается...

Я стоял перед мольбертом и видел, что мальчик вдохновенно, не сомневаясь, пишет то, чего я не вижу. Наверно, он писал то, что наблюдал своим особенным внутренним зрением, зрением жителя Армении. И я подумал — отправь этого мальчика в Антарктиду, он и там станет изображать ледяные горы такими, будто они родственники Арарату... Страна солнца, гор, южных, жестикулирующих людей, радостей обильного урожая — вот что мы видим на рисунках армянских детей. В Армении рисуют очень многие дети. Ежегодно устраивается праздник детского рисунка, когда юные художники рисуют на тротуарах, на стенах и целая

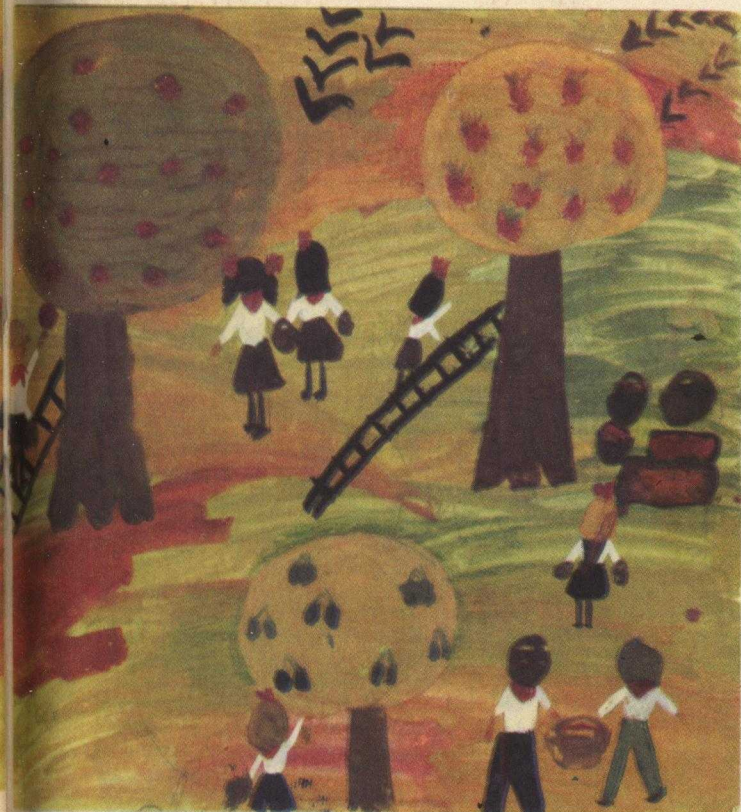
площадь занята рисующими, а в Ереване организован постоянный музей детского рисунка, и музей превосходный.

Рисунки, напечатанные в этом номере, сделаны ребятами 11—13 лет. Эти ребята ходят в кружок Ереванского Дворца пионеров.

«СБОР УРОЖАЯ» — так назвал свой рисунок тринадцатилетний *Хачик Георгян*. Машина ждет, когда ее нагрузят арбузами, вдали высокие тополя, синие горы. Краски вечерние — предметы имеют четкий контур, и даже небо, которое почти одного цвета с горами, никак не сливается с ним.

На рисунке *Ишхана Азрамяна* «ХЛЕБ» (13 лет) можно увидеть, как готовят тесто для хлеба — лаваша. На чем сидят женщины? На земляном полу? На коврах? Этого не понять, да, оказывается, и не нужно понимать, сам процесс работы показан столь выразительно, что потребность точно выписывать детали отпадает.

«ПАСТБИЩЕ» — рисунок двенадцатилетнего *Гарика Назаряна*. Стоит, упершись подбородком на сложенные на посохе руки, пастух, зорко смотрит перед собой. Гор как таковых

ПИОНЕРСКАЯ ПОМОЩЬ
Асмик Кочерян

ХЛЕБ
Гарик Назарян

ПАСТБИЩЕ
Ишхан Азрамян

СБОР УРОЖАЯ
Хачик Георгян

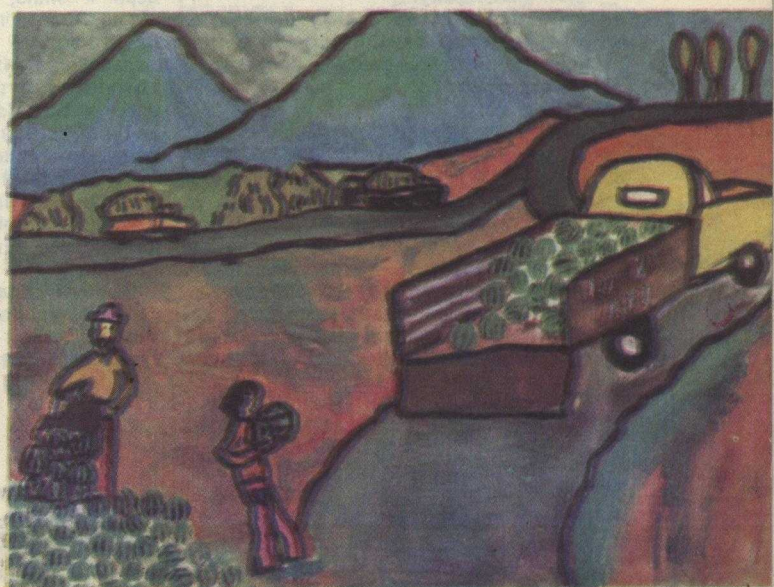
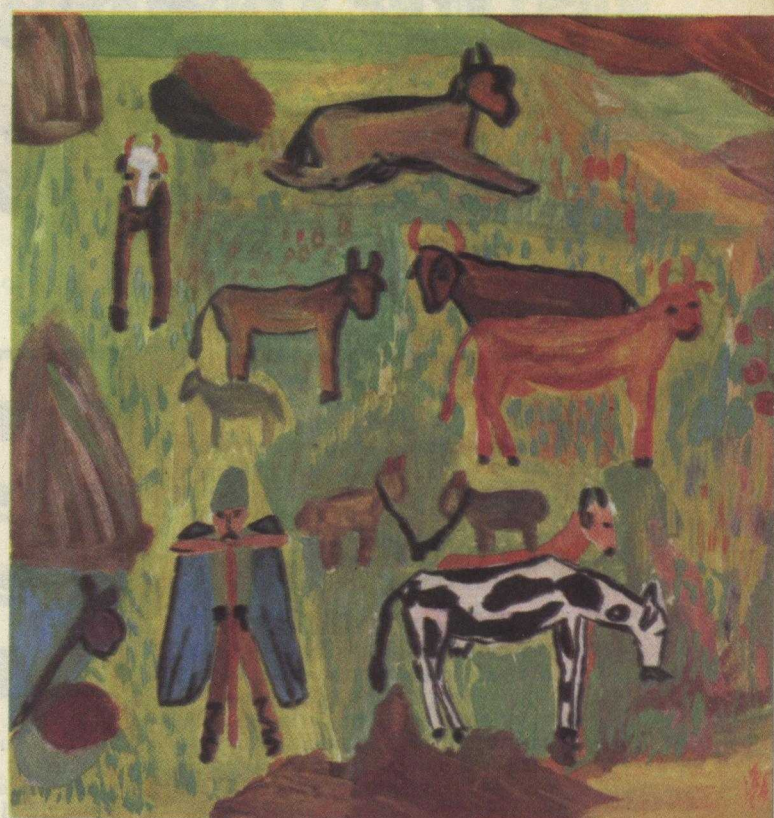
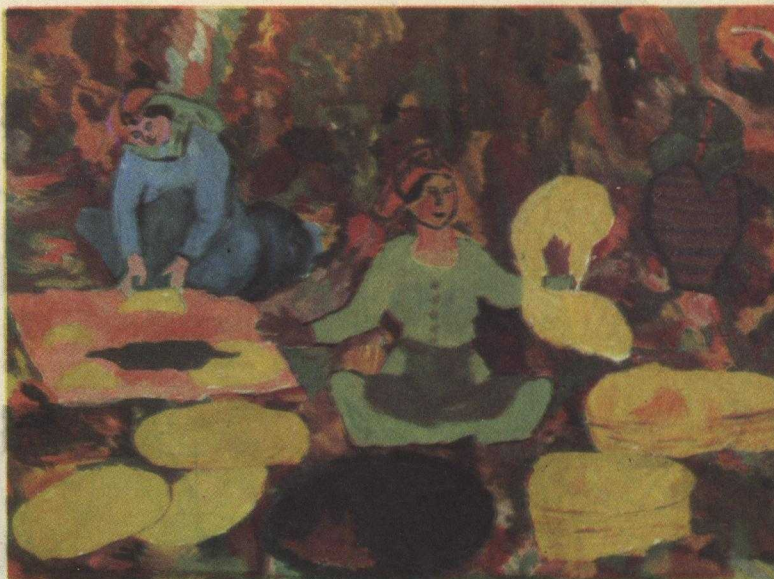
нет, но мы чувствуем их присутствие по краскам, по тому, как стоят коровы, по позе пастуха...

Стройные девушки, которых поэты часто сравнивают с кипарисами, танцуют народный танец. Тринадцатилетняя *Изабелла Арутюнян* (рисунок «ТАНЕЦ») говорит красками то же, что поэт сказал бы словами. И опять ощущение юга, солнца, горного прозрачного воздуха.

«ПИОНЕРСКАЯ ПОМОЩЬ» — Асмик Кочерян, 11 лет. Посмотрите, как удивительно изображены деревья и птицы. Листья деревьев такая угодно, только не зеленая — у Асмика она желтая, коричневая, оранжевая. Птицы летают не по одиночке, а елочками, вереницами. Бывает так? Да, бывает. Осенью, когда птицы собираются на перелеты. Чем больше мы разглядываем рисунок, тем больше видим приметы осени...

Радость жизни и умение донести до других эту радость — вот что характерно для юных художников Армении. Поблагодарим же их за ту оранжевую искорку, которую они несут в своем юном, жизнеутверждающем и совершенно своеобразном искусстве.

Михаил ГЛИНКА

КТО? КТО? КТО?

Кто хочет стать лучшим шахматистом или шашкистом в классе?

Кто хочет получить четвертый, третий, а то и второй спортивный разряд?

Кто хочет завоевать диплом и приз?

Наверно, каждый! Наверно, и ты! А тогда тебе нужно срочно записаться в рыцари АРЧЕБЕКА и сразиться в Олимпийском турнире этой доблестной Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток.

Отказа не бойся: зачислены будут все — и первоклассники, и десятиклассники, и мальчики, и девочки. А потому бери открытку и пиши заявку: «Прошу принять меня...»

Если же ты еще совсем плохо разбираешься в шахматах (шашках) или вовсе ничего в них не знаешь — не беда. Тебя примут в особый отряд оруженосцев, где ты получишь нужную подготовку.

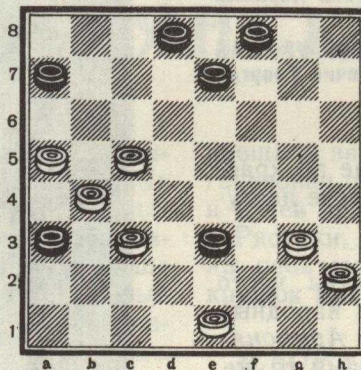
Помни: написал заявку — считай себя рыцарем и смело вступай в турнирную битву, которая начнется в «Костре» № 1.

НОВОСТИ ШАШЕЧНОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Как узнать заранее — какой ход сделает противник? Тогда можно было бы заготовить такой «сюрприз», который не очень-то его обрадует...

Доблестный рыцарь из Витебска, Вадим Булат, предлагает интересный способ точного предсказания ходов

противника. Расставь шашки как на диаграмме, и читай разъяснения:

У черных хотя и меньше сил, зато они угрожают пройти в дамки. «Ну и пусть! — заявляет Вадим. — Я сам им помогу!» И он играет в этой своей позиции — 1. e1—f2! e3:g1. «А теперь я знаю, какой состоится следующий ход черных — они должны будут побить шашку c5. Я знаю и дальнейшие их ходы — они опять должны будут бить, — продолжает рассуждать Вадим. — Хорошо, пускай бьют. А за это время я своими шашками такие поля займу, что обеспечу победный удар в дамки!»

И вот результат — 2. g3—h4! g1:b6 3. a5:c7 d8:b6 4. h2—g3! a3:c5. А дальше все ясно, не так ли? Победа белых!

Выводы. Если твоя шашка остается под ударом противника, то ты знаешь, какой ход он обязан будет сделать (побить твою шашку!), и по-

лучаешь возможность беспрепятственно подготовить выигрышающий маневр. Это называется **ИМЕТЬ СВОБОДНЫЙ ТЕМП**.

Шахмат-адмирал Ферзьбери вынес архебековцу из Витебска благодарность за демонстрацию важного для игры приема. А всем остальным доблестным рыцарям предлагается решить другую кондовку Вадима —

белые: d2, e1, e3, f2, g1, g5, h6;

черные: b4, b6, c3, d6, e7, f8, h2.

Надо найти, как белые выиграют.

СТОЛ НАХОДОК

Сюда был доставлен странный листок, на котором все прочитали:

«№1. Белые: Kpg3, Cf8, Kh6; черные: Kph8, пп. g5, g6, h7.

№ 2. Белые: Kph8, Ла5, пп. h3, h4, h5; черные: Kph6.

№ 3. Белые: Кре2, Фд4, Ла4; черные: Kph3, Cg3, п. а5.

Ю (три) + Ю (пять) + 2Ю (три)».

Что такое? В «Столе находок» никто ничего не мог понять! И только с помощью всемирно известного фактира — мага На Ду Валькина — удалось раскрыть тайну доставленной записи. Вот что он сказал:

— Пронумерованные позиции — три задачи, где белые начинают и дают мат. А подпись «Ю (три) + Ю (пять) + 2Ю (три)» означает, что автор первой — рыцарь из Белово Юрий Башлыков, а мат в ней в три хода, что автор второй — рыцарь из Воронежа Юрий Селявкин, а мат в ней в пять ходов, что третью задачу оба Юрия составили совместно, а мат в ней в три хода.

На расшифровку записи я затратил столько умственной энергии, что решить задачи уже не в состоянии и поручаю это вам, отважные рыцари АРЧЕБЕКА. Кто сумеет?

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 9 решаются так.

Турнир-75! Шахматы — А. 1. Kd5! Б. 1. Ch5+! Kph6 (Kp:h5 2. F:g7) 2. Cg6! В. 1. La1! Kp:e4 2. Ld1; 1... Kpd4 2. Fb3; 1... Kpc4 2. Кре5; 1... Kpc6 2. Фа8+. Г. 1. a7 Kph2 2. a8Л! Kph3 3. Ла4 f5 4. Лf4. Д. 1. Kb8! Кра7 (1... a1Ф 2. Кс6!) 2. Лb4! a1Ф 3. Кс6+ Кра6 4. Kb8+ Кра5 5. Кс6+ — вечный шах, ничья. Е. 1. Лa6! Фа8 2. Лс8+! Ф:c8 3. Лb3 Фа8 4. Лс3+ Kpd8 5. Kpf8. Шашки — А. 1. c3! 2. f4! 3. f2! 4. a5 5. c7X. Б. 1. h4! 2. c3! 3. c1 4. c7 5. g7 6. b2X. В. 1. b2! 2. f6 3. b4 4. d2X. Г. 1. e5! 2. d6 3. f4 4. b4! 5. f6X. Д. Белые выигрывают: 1. e5! ab2 2. ec7! 3. c5! 4. c7X. Е. Ход 1. ef4 белых не спасет, ввиду 1... d4! 2. fg5 ab2 3. c3 g1! 4. a1 h2X.

Из партии Видмара. 1. Ф:h7+ K:h7 2. Лd8+ Kf8 3. Лh8+!

Оруженосцы, шаг вперед! 1. Фс6! и как черные ни побьют — им будет мат.

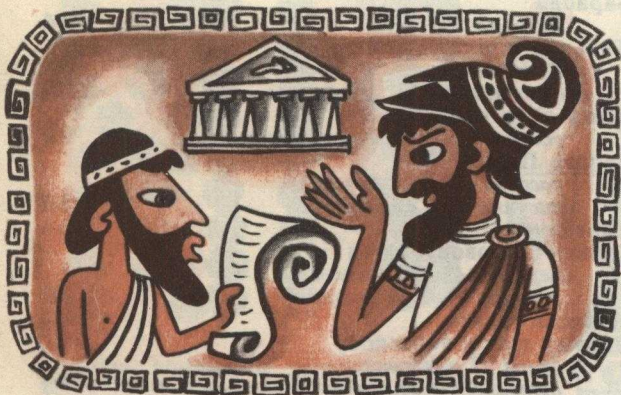

Рисунки
А. Курушина

ДОГОВОРИЛИСЬ...

Краткую, выразительную речь называют лаконичной. Жители Спарты—столицы Лаконии—говорили сжато, четко выражая мысли. Когда послы из города Самоса произнесли перед спартанским царем Клеоменом длинную речь, он ответил:

— Я уже не помню начала вашей речи, не могу поэтому понять ее середины, что же касается конца, то я не согласен с ним.

ОХОТНИЧИЙ СЕКРЕТ

Американскому писателю Эрнесту Хемингуэю прислали письмо с вопросом: «Правда ли, что лев не опасен человеку, который несет в руках факел?»

— Это зависит от того, с какой скоростью нести факел, — ответил писатель.

АНКЕТА ЧИТАТЕЛЯ

Заполни, вырежь, пришли письмом. Наш адрес: Ленинград, 193015, Таврическая, 37, «Костер»

1. Твоя фамилия, имя
2. В каком классе учишься?
3. Чем увлекаешься?
.
.
4. Какие страницы журнала читаешь в первую очередь?
.
.
5. Если бы тебе предложили составить сборник, какие повести и рассказы, опубликованные в «Костре», ты включил бы в него?
.
.
.
.
6. Нравится ли тебе «Барабан»? По-сылал ли ты в него свои заметки, рассказы, рисунки?
.
.
7. «Морская газета», «Зеленые стра-ницы», «Киноклуб». О чем бы ты хотел в них прочитать?
.
.
.
.

8. Нравится ли тебе, как мы пишем о спорте?

9. Вырезаешь ли ты «Уголёк»? Читаешь ли из него стихи и сказки малышам?

10. В отделе «Арчбек» двадцать четыре рубрики. Придумай двадцать пятую.

11. О каких интересных делах пионеров в твоём отряде стоит узнать всем нашим читателям?

12. Выписываешь ли ты журнал или читаешь его в библиотеке?

13. Рисунки каких наших художников тебе понравились?

14. Чертежи каких самоделок ты хотел бы получить с журналом?

15. Твой адрес

Если хочешь о чем-то еще рассказать и что-то предложить, вложи в конверт свое письмо к нам.

РЕДАКЦИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

Растите настоящими людьми!

А. А. Деркач, первый заместитель
председателя Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации
им. В. И. Ленина

1

„Я песней, как ветром, наполню страну...“
слово о поэте Александре Прокофьеве
рисунок Т. Соловьевой

4

Мишель Пантеленч и его внук
рассказ А. Минчковского
рисунки С. Острова

8

„Пока свободой горим...“
очерк В. Холкина и Е. Юдина
оформление В. Цикоты

20

Барабан
журнал юнкоров
Мальчик с костылями
В. Нечаев

24

оформление Ю. Шабанова

28

Всего один год
рассказы юных спортсменов

29

Верьте Пчелкину
рассказ А. Крестинского
рисунки Е. Галеркиной

32

Киноклуб
Сказки островов Фиджи
перевод А. Кондратова
рисунки А. Ивашенцевой

34

38

Морская газета
Первый шаг к телескопу
очерк П. Соловей
оформление Н. Андреева

40

42

Оранжевый ящик
рассказ А. Сахарова
рисунки В. Топкова

44

Новости науки и техники
подборка В. Четкарева
оформление А. Януса

46

Находка во дворе
рассказ В. Петрова
рисунки Г. Ясинского

48

Обязательно что-нибудь случится...
рассказ А. Зайцевой
рисунки Ю. Шабанова

51

Выстрел в лесу
очерк Н. Линко
рисунки А. Ежелина

52

Зеленые страницы
Фокус Тяпы и Жакони
С. Маракулин

54

56

Уголёк
Рисуют армянские ребята
беседа М. Глинки

57

60

Арчбек
На обложке рисунок О. Зуева

62

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Г. В. БАЛУЕВ, В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ, Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА [отв. секретарь], А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ, В. В. ТОРОПЫГИН, Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА, Ю. А. ЮРКАН [зам. редактора]

Художник-редактор М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор В. А. МАЕВСКАЯ

Адрес редакции: 193015, Ленинград, С-15, Таврическая, 37,
телефон 14-57-76.

Рукописи и фотографии не возвращаются.

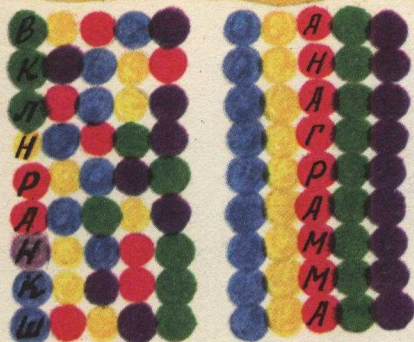
М-22329. Сдано в набор 4/IX 1975 г. Подписано к печати 24/X 1975 г.
Формат 60×90/16. Печ. л. + обл. Уч.-изд. л. 8,8. Тираж 560 000 экз.

Заказ № 1265. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

По традиции клуб «За семью печатями» встречает Новый год у елки, украшенной с тем расчетом, чтобы было над чем поломать голову.

На верхушке вы видите магический квадрат, присланный Володи́ей БОБРИКОВЫМ из Барнаула. В нем надо расставить цифры от 6 до 14 так, чтобы во всех вертикальных, горизонтальных и диагональных рядах сумма чисел была одинакова.

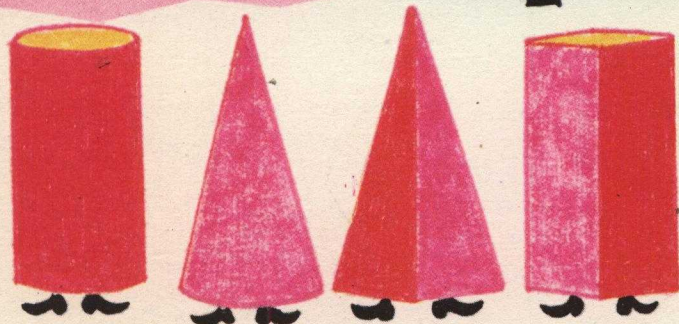

Стены помещения украшены АНАГРАММОЙ (задачей с перестановкой букв в словах), присланной Валерием ДОРОФЕЕВЫМ из Кустаная. В левой части надо вписать в строчки, соответственно начальным буквам, следующие пятибуквенные слова:

В — сырость, вода. К — дикая свинья. Л — животное семейства кунных. Н — нарост от горения. Р — разумный довод. А — главная артерия. Н — установленная мера. К — часть судна. Ш — хищник семейства собачьих.

В правой части из этих слов, переставив буквы, надо составить новые слова и вписать их в строчки на том же уровне так, чтобы в вертикальном столбце получилось слово АНАГРАММА.

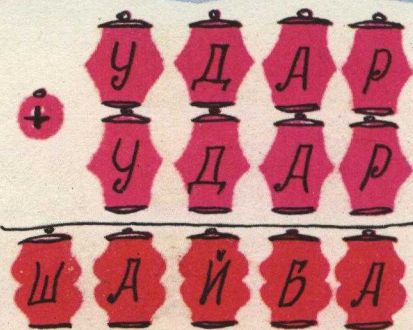
Демьяша, Сиволапыч, Гном-Гастроном и Хуссейн в глубокой задумчивости стоят перед елкой спиной к нам, одетые в карнавальные костюмы, изображающие различные геометрические фигуры, сделанные из картона и цветной бумаги. Кто из них под какой фигурой скрывается — неизвестно. Известно только, что Хуссейн по отношению к Демьяше стоит в левой стороне, а Сиволапыч — в правой. Гном стоит через одного человека от Хуссейна. Этого достаточно, однако, чтобы догадаться.

Составил и оформил В. УФЛЯНД

Разноцветные флажки представляют собой математический ребус, присланный в подарок Индирой ЦОГЕВОЙ из Орджоникидзе. Разные флажки означают разные цифры. Цифры надо подставить так, чтобы все арифметические действия были выполнены по горизонтали и по вертикали.

Хоккейно-математический ребус прислала Алла БАШМАКОВА из поселка Ревда Мурманской области. На вид он не слишком сложный. Разным буквам также соответствуют разные цифры. Но следует учесть, что он имеет несколько решений.

Еще один математический ребус прислали папа и дочь ПЕТРОВЫ из Новороссийска. Он труден тем, что в нем целых 10 букв, каждая из которых соответствует одной из цифр первого десятка. Даже если знать, что под буквой О скрывается цифра «ноль», и то не так-то просто найти решение ребуса. Кстати, даже Хуссейну пока неизвестно, имеет ли этот ребус единственное решение или несколько.

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 11

1. Вступление Кортеса в Мексико. 1521 г. 2. Битва при Гастингсе. 1066 г. 3. Открытие Петербурго-Московской железной дороги. 1851 г. 4. Переправа Ганнибала через Рону. 218 г. до н. э. 5. Охота на мамонта. Палеолит. 6. Взятие в плен Жанны д'Арк. 1431 г. 7. Рамзес II штурмует крепость. Египет. XIV век до н. э. 8. Куликово поле. 1380 г. КРОССВОРД. 1. 1240. 2. 1223. 3. 1380. 4. 1905. 5. 1941. 6. 1799. 7. 1943. 8. 1703. 9. 1711. 10. 1185. 11. 1878. 12. 1828. 13. 1242. 14. 2045. 15. 1410. 16. 1760. 17. 1774. 18. 1612. 19. 1480. 20. 1895. 21. 1914. 22. 1648. 23. 1469. 24. 1667. 25. 1015. 26. 1812. 27. 1147. 28. 1870. 29. 1957. 30. 1552. 31. 1581. 32. 1825. 33. 1945. 34. 1709. 35. 1770. 36. 6415 (907).

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ

Коллективная работа ребят изостудии Дома пионеров Выборгского района Ленинграда